

Федеральное бюджетное учреждение
«Научный центр правовой информации
при Министерстве юстиции России»

МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

MONITORING OF LAW ENFORCEMENT

№ 3–2014

- Новеллы коммерческого арбитража: наши интервью
- Мониторинг исполнения решений
Конституционного суда Российской Федерации
- Криминологический мониторинг личности
преступника
- Структура текстуальных изменений нормативных
правовых актов

Москва, 2014

УДК [004:342.951](470+571)
ББК 67.401.114(2Рос)
М 54

Мониторинг правоприменения. № 3–2014. – М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2014. – 76 с.

ISSN 2226-0692

Мониторинг правоприменения Периодическое научное издание

Выходит 4 раза в год

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций, Свидетельство ПИ № ФС77-49472 24 апреля 2012 г.

Входит в систему РИНЦ

Редакционная Коллегия:

Астанин В.В., д.ю.н., профессор (главный научный редактор)
Горбачева Е.В. (литературный редактор)
Колмыкова И.Г.
Макаренко Г.И. (главный редактор)
Матвиенко Ю.В., к.м.н.
Сергин М.Ю., д.т.н., профессор
Танимов О.В., к.ю.н., доцент

Редакционный Совет:

Астанин В.В., д.ю.н., профессор (председатель Совета)
Захарцев С.И., д.ю.н.
Карицхия А.А., к.ю.н., профессор
Леонтьев Б.Б. д.э.н., профессор
Макаренко Г.И. (главный редактор)
Сергин М.Ю., д.т.н., профессор
Орлов В.Б. государственный советник юстиции I класса
Павленко П.А.
Танимов О.В., к.ю.н., доцент
Федичев А.В., к. т. н.
Чумаков А.В., к. ю. н.

Иностранные члены Совета:

Драго Кос, профессор (Словения)
Павел Штурма (Pavel Šturma) д.ю.н., профессор (Чехия)

Журнал является междисциплинарным – охватывает области знания:

- Юриспруденция
- Государственное и муниципальное управление
- Международные отношения
- Политология
- Экономика (управленческий и юридический аспекты)
- Бизнес и правоприменение

.....
Скачать бесплатно статьи можно с сайта: www.CyberLeninka.ru
.....

Журнал является подписным. На 2015 год можно подписаться
по объединенному каталогу «Пресса России» или направив письмо в редакцию.

Индекс подписки: 44740.

Контакты: www.pravo360.ru, e-mail: monitorlaw@ya.ru

телефон: +7495-539-2314 (15-17 час)

.....

ISSN 2226-0692

© «Мониторинг правоприменения»

СОДЕРЖАНИЕ

Наши интервью

Новеллы коммерческого арбитража 4

Правовое обеспечение национальной безопасности и правоохранительная деятельность

Ястребов Владислав Борисович

Оперативный мониторинг исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации (правовой и организационный аспекты) 12

Кабанов Павел Александрович

Криминологический мониторинг личности коррупционного преступника (на материалах Республики Беларусь) 19

Евланова Ольга Александровна, Коимшиди Георгий Феофилактович

Криминологические проблемы предупреждения преступности – некоторые результаты исследования 25

Теория и методология правовой науки

Астанин Виктор Викторович

Историография работ А.Я. Сухарева: от пропаганды правового просвещения до обеспечения международной законности 7

Комзолова Юлия Андреевна

Фикция физического лица в российской правовой науке 68

Петров Александр Александрович, Кохан Марина Васильевна

К вопросу о понятии и структуре текстуальных изменений нормативных правовых актов 54

Гражданское право и предпринимательство

Каменева Зоряна Викторовна

Преимущественные права по наследственному законодательству 35

Козлова Елена Борисовна

Новеллы градостроительного законодательства в свете реформы института недействительности сделок 42

Актуальные вопросы законодательства и правоприменения

Козышкин Николай Яковлевич

Криминогенные факторы в сфере деятельности адвокатов в отражении законодательных и правовых актов 61

Правовая охрана и защита законных интересов: полиотраслевые аспекты

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна

Понятие, сущность и содержание социализации личности несовершеннолетнего 48

Право в системе смежных научных отраслей

Карицхия Александр Амиранович

Интеллектуальная собственность и инновационное развитие 30

Сведения об авторах 71

Abstracts and Keywords 72

Новеллы коммерческого арбитража

Федеральный закон №102 «О третейских судах в Российской Федерации» был принят в 2002 году. И хотя третейское судопроизводство в России было известно еще с дореволюционных времен, в своем современном виде российский коммерческий арбитраж стал развиваться недавно.

Третейский суд представил собой достойную альтернативу государственному суду. Все больше российских компаний сегодня предпочитает обращение именно в третейские суды, поскольку процедура разбирательства значительно упрощена. Специалисты суда и направляют материалы дела, и уведомляют стороны, и даже при желании сторон получают в государственном суде исполнительный лист. Решение суда является окончательным и не подлежит обжалованию ни в одной инстанции.

Мы решили побеседовать с председателем Арбитражного третейского суда города Москвы, президентом Союза третейских судов Алексеем Владимировичем Кравцовым о состоянии третейского судопроизводства в России.

Вопросы задавала по просьбе редакции Юлия Андреевна Гусманова.

Кравцов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, окончил в 1999 г. Высшую следственную школу МВД РФ (ныне Волгоградский юридический институт МВД РФ) по специальности «юриспруденция», затем получил высшее экономическое образование в Московском университете потребительской кооперации. С 1999 по 2008 гг. работал в органах МВД, занимаясь выявлением и раскрытием экономических преступлений, а с 2008 по 2010 г. занимался бизнесом.

В 2010 г. Кравцов учредил Арбитражный третейский суд города Москвы, председателем которого является по настоящее время.

В январе 2012 г. учредил Союз третейских судов и был избран его Президентом.

Ю.Г. Алексей Владимирович, мой первый вопрос по названию Вашего учреждения. Арбитражный третейский суд – это не масло масляное? Мне кажется, что может быть только Третейский суд, и никаких арбитражных.

А.К. Да, действительно, в структуре третейского суда не может быть никаких высших, районных, региональных судов. Что касается слова «арбитражный», то это и есть почти синоним понятия «третейский», однако в момент учреждения в России третейских судов термин «арбитражный» был занят государственными судами, которые, конечно, никакими арбитражными в подлинном смысле этого слова не являются. Поэтому в названии нашего суда пришлось использовать дополнительное разъяснение, что наш ар-

битражный суд – третейский суд. Я полагаю, что в новой редакции закона о третейских судах, который сейчас проходит доработку в Министерстве юстиции, будет решен вопрос и о названии третейских судов.

Ю.Г. Третейские суды образованы в соответствии с Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ и не входят в судебную систему Российской Федерации. Не это ли одна из причин, что, несмотря на существование третейских судов, они отнюдь не завалены исками?

А.К. В вашем вопросе содержится утверждение, с которым я согласиться никак не могу. Третейские суды в России появились совсем недавно, но уверенно набирают обороты.

Например, показатели Арбитражного третейского суда города Москвы с января 2011 года по настоящее время демонстрируют стремительную динамику, которая в целом характерна для большинства постоянно действующих третейских судов России.

За неполных три года судом рассмотрено более 4500 исков по хозяйственным спорам в различных секторах экономики - финансовом, строительном, в сфере торговли и госзаказов. В 2012 году количество принятых третейским судом исков составило почти в три раза больше по сравнению с предыдущим годом. Как показывает статистика обращений, в 2013 году популярность Арбитражного третейского суда города Москвы продолжает расти. Наряду с ростом количества обращений, заметна тенденция увеличения среднего размера исковых требований. Так, средняя цена иска в 2012 году выросла на 62%, в 2013 году – на 20%, за первое полугодие текущего года – еще на 15%.

Статистика по 2014 году пока не обработана, но, я уверен, она покажет дальнейший рост обращений к услугам третейских судов.

Третейские суды доказали свою состоятельность.

Ю.Г. Как идет развитие Вашего суда?

А.К. За уже почти четыре года работы мы сумели стать безусловным лидером в сфере коммерческого арбитража в России. Вокруг Арбитражного третейского суда города Москвы объединяются все наиболее активные участники третейского судейского сообщества. Мы стали инициаторами создания Союза третейских судов, в котором объединены более 80 постоянно действующих третейских судов. Наша судебная практика стала основой для готовящейся реформы третейского судопроизводства.

Институт третейского судопроизводства уже более 10 лет функционирует в России. Компании различных секторов экономики успешно решают возникающие проблемы, прибегая к коммерческому арбитражу. Все чаще обращаются в третейские суды и за разрешением спорных вопросов в сфере госзакупок. В государственных судах из-за бесконечных обжалований решений и загруженности судей судебное разбирательство длится годами. А ведь бывают ситуации, когда решение и исполнительный лист нужны в кратчайший срок. Вот тогда и стоит обратиться в третейский суд.

Главным достоинством третейского арбитража те, кто к нему обращаются, считают ко-

роткий срок рассмотрения дел. Именно из-за экономии времени многие компании сегодня предпочитают этот способ разрешения споров. Третейский суд разрешает спор в одно судебное заседание. Если стороны договорились обратиться в третейский суд и приняли эти правила, то решение будет вынесено в день разбирательства по делу и сразу же вступит в законную силу. Весь судебный процесс, в отличие от государственного суда, в коммерческом арбитраже будет длиться всего 10 дней. Кроме того, третейский суд разрешает иски как с юридическими, так и с физическими лицами, независимо от места нахождения или проживания ответчика. Это удобно при рассмотрении исков с региональными исполнителями контрактов, что значительно экономит расходы.

Ю.Г. Как правильно выбрать третейский суд

А.К. **Главное требование к коммерческому арбитражу – его независимость.** Если Вы правильно выбрали третейский суд, Вы можете быть уверены в его полной непредвзятости, мы независимы от государственных чиновников, на нас невозможно повлиять. Однако коммерческий суд, входящий в состав холдинга, финансово-промышленной группы, кредитной организации, фирмы или учреждения не отвечает требованиям полной независимости и не должен оказывать какие бы то ни было услуги организациям, также входящим в состав этой группы.

Специалисты Арбитражного третейского суда Москвы выработали критерии определения независимости и неподотчетности третейского суда различным коммерческим и некоммерческим структурам. Полная информация о третейском суде и его учредителях должна быть в открытом доступе для того, чтобы стороны при принятии решения о включении арбитражной оговорки были уверены в справедливости решения, которое будет принято при возникновении спора. При обращении в коммерческий арбитраж важно быть уверенным в его непредвзятости и независимости. Для этого суд должен быть самокупаемым, а не содержаться при какой-то организации.

Из полутора тысяч третейских судов, зарегистрированных на территории России, приведенным стандартам качества отвечают единицы: не более 80-ти по всей стране. Все остальные суды созданы для того, чтобы помогать основной деятельности своего учредителя. Если учредителем третейского суда являются коммерческие структуры, в этом случае суд не несет той функ-

циональной и смысловой нагрузки, которая и является целью создания третейских судов.

Считаю, что стандартам качества могут отвечать только те суды, для которых единственным видом деятельности является третейское разбирательство, а не участие в коммерческих мероприятиях. Поэтому соответствие стандартам и является критерием принадлежности третейского суда к реально действующей системе судопроизводства — качественной, эффективной и независимой.

В готовящемся законе по реформе третейского судопроизводства предполагается, что третейские суды будут регистрироваться Министерством юстиции. Я полагаю, что Минюст должен быть также наделен полномочиями по проверке аффилированности третейского суда с учредителями и ликвидировать регистрацию при выявлении рассматривания дел с заинтересованностью учредителя.

Ю.Г. Какие дела рассматривают третейские суды?

А.К. В компетенцию третейских судов входят все экономические договорные отношения, предусмотренные ГК РФ, а именно:

- › об изменении или расторжении контракта (договора);
- › о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств;

- › по договорам (лицензионным соглашениям) пользования результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации (авторское, патентное и смежные с ними, товарный знак)
- › по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических услуг;
- › по договорам подряда, оказанию услуг;
- › по договорам поставки,
- › по государственным контрактам, заключенным на основании 223-ФЗ;
- › по договорам купли-продажи;
- › по договорам аренды, лизинга.

Необходимо отметить, что для того, чтобы третейский суд рассматривал коммерческий спор, в договоре должна быть коммерческая оговорка. Формы такой оговорки могут быть различными, они все представлены на нашем сайте <http://a-tsm.ru/>. Отметим только, что даже если иск уже рассматривается в государственном суде, с первой инстанции до принятия первого решения по делу, он может быть перенесен в третейский суд при подписании сторонами третейского соглашения.

Ю.Г. Алексей Владимирович, спасибо за предоставленное интервью. Уверена, что многим читателям нашего журнала оно будет интересно. Я надеюсь, что Вы еще не раз выступите на страницах нашего журнала.

Астанин Виктор Викторович
доктор юридических наук, профессор, г.Москва
E-mail: astaninvv@rambler.ru

Историография работ А.Я. Сухарева: от пропаганды правового просвещения до обеспечения международной законности

В статье изложены основные вехи творческого пути в правовой науке выдающегося юриста нашего времени – А.Я. Сухарева. Анализ библиографического наследия патриарха советской и российской юридической сферы охватывает более чем пятидесятилетний период (с начала 1960-х годов до настоящего времени). В проведенном историографическом исследовании автором представлены наиболее актуальные для современного развития отечественной правовой науки и практики работы А.Я. Сухарева, посвященные вопросам преодоления проблем адвокатуры, организации правового просвещения населения, обеспечения международной законности. В статье анализируются редкие в современном цитировании программные документы, относящиеся к периоду советского развития системы органов юстиции.

Ключевые слова: правовая пропаганда, адвокатура, международная законность, советская юстиция, правовая грамотность.

Проследить профессиональный и жизненный путь развития личности ученого и практика, государственного деятеля А.Я. Сухарева через призму его творческих трудов задача не легкая, но значимая. Важность этой работы не только заслуженная при жизни дань уважения и почета от представителя молодого поколения ученых-воспитанников НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, которым руководил А.Я. Сухарев во второй половине 1990-х и середине 2000-х годов. Большой интерес здесь имеет историографический анализ его творческих и научно-практических трудов, оказывавших влияние на процессы социально-правовой действительности, которые сейчас определяются как исторические вехи нашей страны. Немаловажно, что историография работ приводится при жизни их автора. Во-первых, это обстоятельство позволяет обеспечивать объективность их внешнего анализа. Во-вторых, предоставляет возможность соратникам и поздравителям юбиляра задать многими вопросами к нему: простыми творческими (о стиле и вдохновении) и сложными профессиональными (содержание, побуждающие мотивы к написанию, практический эффект силы воздействия пера).

За основу историографического анализа предлагается взять список научных трудов А.Я.

Сухарева (общее количество которых более 200 по состоянию на 2009 год, и он не является полным), опубликованный в биографической книге, посвященной ему¹.

Знакомство со списком обращает внимание на начала написания статей – временные и тематические. В 1964 году фактически в качестве пробы пера, но в позиции научно-практических установок, в ведущем и авторитетном для всех отечественных юристов журнале «Государство и право» вышла первая научная работа А.Я. Сухарева «Насущные задачи адвокатуры». Нужно сказать, что к проблемам повышения качества и роли адвокатуры автор обращался впоследствии неоднократно и с разных позиций, в том числе исторического наследия, недостатков, ожидаемых практических задач обеспечения законности, установления качества работы в судах¹. Между тем передовыми для того времени были взгляды автора (если исключить обязательную для того времени идейно-политическую риторика) на роль адвоката в обществе, которая виделась в «деятельности, выходящей за рамки правозаступничества по уголовным делам. Ныне адвокаты являются общественными деятелями в самом широком значении этого слова; они должны оказывать

¹ Сухарев А.Я. – достойный сын и гражданин России. Тула: Гриф и К. 2010. С. 208-220.

правовую помощь не только гражданам, но и государственным и кооперативным предприятиям, выступать пропагандистами социалистического права...», а для этого требуется «...вооружить адвокатов методикой оказания правовой помощи»².

Позволив провести короткие параллели этих тезисов с современными задачами реализации Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утвержденных Президентом РФ 28 апреля 2011 г.), нельзя не отметить по прошествии почти 50 лет их актуальность и фактическое совпадение позиций в видении функций адвокатуры по повышению качества и доступности оказания юридических услуг, в том числе и безвозмездных, определенных Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Статьи А.Я. Сухарева изначально отличались научно-практической направленностью (к слову сказать, во времена моего обучения в аспирантуре он неустанно наставлял начинающих исследователей в необходимости строгого обеспечения связи научных разработок с практикой). Судя по содержанию приведенных выше работ, в них определялись самые важные, требующие скорейшего разрешения задачи развития практики в сфере юстиции. Примечательно, что пристальное и непрекращающееся внимание к вопросам адвокатуры логически было оформлено в сборнике работ авторов, привлеченных А.Я. Сухаревым к написанию коллективного труда «Роль и задачи Советской адвокатуры», который вышел в свет в 1972 году.

Основное библиографическое наследие А.Я. Сухарева в советский период имело диалектику развития в связи с его профессиональной деятельностью – сначала на посту первого заместителя Министра юстиции СССР (1970-1984 гг.), а затем Министра юстиции РСФСР (1984-1988 гг.). Именно в отмеченные годы во многом благодаря его усилиям возникла и получила практическое звучание тема повышения правового воспитания трудящихся, распространения правовых знаний среди населения, профессиональной правовой подготовки юридических кадров, формирования качества юридических исследований и образования. В научных трудах автора, выступающего одновременно стратегом и проводником реализации государственной

политики обеспечения правовой грамотности в широком смысле, ее направления отразились в постановке перспективных задач. Начала этой большой работы были заданы программной статьей «Повышать эффективность правового воспитания»³ и идеологическим произведением «Правовые знания в массы»⁴. В них в качестве основной задачи советской юстиции была определена необходимость широкого обеспечения потребностей граждан в правовых знаниях.

Конкретное выражение имели предложения об организации правового просвещения в трудовых коллективах, создания специализированных обществ по распространению правовых знаний и лекториев, в работе которых рассматривалась необходимость участия не только представителей юридической науки и образования, но также адвокатов и практиков из числа сотрудников правоохранительных и судебных органов. В этих предложениях не принижалась роль государственных и партийных органов в обеспечении работы по правовому просвещению. Напротив, речь шла об установлении, как это могло бы быть выражено сегодняшним языком, государственно-частного партнерства. И потому, в других статьях автора были актуализированы принципы организации юридической службы в партийных органах и задачи повышения воспитательно-предупредительной функции правосудия⁵. Следует отметить, что указанные предложения были опубликованы после их публичного доклада автором на одноименно тематических всесоюзных конференциях. В этой тонкой детали генезиса статей, проявлялся просветительский и организационно-практический талант работы А.Я. Сухарева, рассчитанный на доведение до максимально широкого круга государственных и партийных деятелей, правоприменителей и представителей общественности, актуальных задач и направлений деятельности системы органов юстиции.

Учебному компоненту на ниве правового просвещения А.Я. Сухарев придавал важное значение – в то время ощущался дефицит возможностей образования и воспитания в этой сфере. В ряде публичных, впоследствии опубликованных его докладах, отмечалась необходимость совершенствования юридического образования и

² См.: А.Я. Сухарев Пятидесятилетие Советской адвокатуры // Государство и право. 1972. №5.

³ А.Я. Сухарев Насущные задачи адвокатуры // Государство и право. № 10. 1964. С. 3 и 9.

⁴ См.: Социалистическая законность. № 7. 1971

⁵ См.: Политическое самообразование. №1. 1971.

науки в контексте базовой и профессиональной правовой подготовки кадров, а также их нацеленности на прикладные и фундаментальные цели повышения правового воспитания граждан⁶.

Признавая недостаточной опору на один лишь учебный компонент развития правосознания граждан, А.Я. Сухарев со второй половины 1970-х в своих работах переключился на решение задач всеобщей пропаганды правового воспитания и управления этим процессом (включая вопросы его координации со стороны Министерства юстиции)⁶.

Особый интерес представляют взгляды автора на необходимость формирования целостного и системного подхода к вопросам определенного им «правовоспитательного процесса». Очень корректно в статье «Управление правовым воспитанием трудящихся»⁷ автор исключал механические подходы к организации правового воспитания как инструмента государственной политики обеспечения законности. Справедливо и одновременно смело для того времени звучало признание ограниченной роли «развития правового сознания масс в силу воздействия экономических и образовательных факторов». Констатировалось, что «эффективность правовоспитательного процесса во многом зависит от глубины и всесторонности его научного обоснования... как отрасли науки и практической деятельности». Отмечалась острая необходимость выработки эмпирических показателей, позволяющих определить эффект достижения целей правового воспитания. Система управления в этой сфере связывалась: с проведением конкретных социологических, социально-психологических исследований правовой культуры; с разработкой методики определения уровня

предъявляемых обществом требований к правовому регулированию социальных отношений и к деятельности по распространению юридически значимой информации; с определением механизмов правового воспитания в строгой дифференциации по отношению к статусу тех, в отношении которых оно направлено. Рассматриваемая статья имела политико-правовое содержание, убеждающее признать правовое воспитание многогранным и сложным процессом управления, которое требует повседневного государственного внимания. Фактически эти очевидные, но не прописанные (в силу корректности автора) выводы, обосновывали и обуславливали важность созданного и активно работающего в это время в составе Минюста СССР (не без инициативного участия А.Я. Сухарева) специального подразделения, занятого реализацией государственной политики в области правового просвещения и воспитания.

Безусловно, что эта работа проводилась стараниями многочисленного коллектива, занятого как подготовкой программных целевых документов и мероприятий, так и прикладными задачами их воплощения.

Так, в 1980 – 1982 годах выходит в свет серия тематических брошюр под редакцией А.Я. Сухарева на острые, нуждающиеся в разъяснении вопросы соблюдения и обеспечения законности в самых разных областях общественной жизни, которые были рассчитаны на обычного обывателя. Это брошюры с говорящими названиями: «Права, свободы и обязанности граждан», «Закон охраняет природу», «Когда бездействие преступно», «Когда наступает ответственность», «Право на жилище», «Слушается уголовное дело», «Право на судебную защиту», «Кто отвечает за соучастие в преступлении», «Есть такая служба – уголовный розыск», «На страже социалистической собственности», «На чьей стороне закон. О праве на необходимую оборону», «Если ты свидетель», «Что надо знать об уголовном кодексе».

Примечательно, что серия изданий и работа над ними не прекратилась и в последующем – в связи с назначением А.Я. Сухарева на должность Министра юстиции РСФСР (1984-1988 гг.). В эти годы появились: «Цена неосторожности», «Слушается гражданское дело», «Хулиганству – бой», «Наш народный суд», «Борьба с нетрудовыми доходами».

Непосредственное участие сотрудников Минюста РСФСР от министра до специалиста в реализации правового просвещения строго соответствовало тем требованиям, которые А.Я.

⁶ См. А.Я. Сухарев Актуальные задачи правового воспитания граждан в свете решений XXIV съезда КПСС // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научно-практической конференции «правовое воспитание трудящихся и укрепление социалистической законности». 22-23 мая 1973 г. М., 1973; А.Я. Сухарев Повышение воспитательно-предупредительной роли правосудия – насущная задача судов и органов юстиции // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование организации и усиление воспитательно-предупредительного воздействия судебных процессов» 22-23 октября 1974 г. М., 1974.

⁷ См. А.Я. Сухарев Актуальные проблемы профессиональной подготовки и использования юридических кадров в стране. Вопросы совершенствования юридического образования. М., 1973; Правовое воспитание и юридическая наука // Государство и право. № 2. 1974.

Сухарев предъявлял ко всем иным участникам правового всеобуча. Так, в статье «Новый этап правового строительства» автор настаивал на необходимости отказа органов юстиции от позиции сторонних наблюдателей в деле правового просвещения, предостерегал от формализации работы, связывал недостаточность правового всеобуча с «юридическим бескультурьем в сфере управления, которое оборачивается большими экономическими и моральными издержками» (несмотря на то, что в середине 1980-х в народных университетах правовых знаний училось более 700 тысяч человек)⁸.

Очень ярко звучат цели правового всеобуча представителей органов власти и управления. По мнению автора они заключены в создании «культуры правового обслуживания граждан» и «качества правового сервиса», которые непосредственно связывались с упрочением правопорядка – от повышения качества возмещения причиненного материального ущерба до соблюдения договорной дисциплины, от подготовки обоснованных законов до обеспечения социальной профилактики преступности⁹.

Более чем 20-летний опыт реализации государственной политики в области правового просвещения и воспитания в теоретических и прикладных трудах автора не проходил без ущерба вниманию другим важным вопросам развития юриспруденции, а именно аспектам ее учебного и

политического обеспечения. В 1980-х годах А.Я. Сухарев выступил соавтором ряда учебников: «Основы правоведения» (М., 1982), «Советское государственное строительство и право» (М., 1984). В политическом содержании обеспечения особой роли права и его влияния на происходящие процессы внутренней (перестройка) и внешней политики (движение по разоружению), заметными стали следующие труды автора: «Ассоциация советских юристов», «Права человека и проблемы мира», «Мы проводим ревизию нашего юридического дома» (Московские новости. № 14 от 05 апреля 1987 г.), «Юристы, международное право и ядерное оружие» (Стокгольм, 1988).

В период деятельности А.Я. Сухарева на посту Генерального прокурора СССР (1988-1990 гг.) выработанные за долгое время открытость и желание в освещении насущных задач совершенствования отечественной правовой системы не исчезли из орбиты его научных интересов. Между тем, изменилась тематика трудов, в большей степени объективно – под стать проблемам, которые он решал на практике. Насущные задачи работы органов прокуратуры в изменяющихся социально-политических условиях страны, вызванных перестройкой, буквально с первых дней назначения на должность нашли выражение в работах А.Я. Сухарева (кстати сказать вся историография трудов выступает свидетельством этой закономерности). Так появились программные научные статьи в ведомственном журнале «Законность»: «Руководствуясь принципами гуманизма», «Проблемы перестройки прокурорского надзора» (обе опубликованы в № 1, 1988).

Процессы демократизации и теперь уже экзотической «гласности», происходившие в конце 1980-х годов в СССР отразились в трудах А.Я. Сухарева в русле обеспечения открытости отечественной правовой системы перед зарубежными странами, ее готовности освободиться от рудиментов. Этим целям отвечали работы автора, опубликованные за рубежом: «СССР либерализирует уголовную политику» (Швеция, 1988), «Советская правовая система в процессе реформ» (Стокгольм, *Norrskensflamman*, от 8 апреля 1988), «Реформы и проблемы законности в России» (*Chicago Times*, 1989).

Долгий период практического накопления опыта закономерно воплотился в фундаментальных трудах, которые были подготовлены в постсоветское время – в период работы в Научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ на протяжении

⁸ См.: Вопросы эффективности правового воспитания. М., Сборник научных трудов. 1975; Правовое воспитание и задачи укрепления законности. М., 1976; Активнее вести правовую пропаганду // Рабоче-крестьянский корреспондент. №1. 1976; Координация правовой пропаганды – важное условие повышения ее эффективности // Вопросы эффективности правового воспитания. Сборник научных трудов. М., 1977; Социалистический образ жизни и правовое воспитание трудящихся. М., 1977; Правовое воспитание подрастающего поколения. М., Политическое самообразование. № 6. 1977; Управление правовым воспитанием трудящихся // Государство и право. №11. 1977; Конституция СССР: социально-правовая активность и правовое воспитание молодежи // Правосознание и правовое воспитание молодежи. Сборник научных трудов. М., 1978; Правовое воспитание. Его роль в укреплении законности и развитии социально-правовой активности // Коммунистическая нравственность и правопорядок. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции. Баку. 25-27 апреля 1979 г. М., 1979; Воспитательная роль правосудия // Законность. №10. 1980.

⁹ Управление правовым воспитанием трудящихся // Государство и право. №11. 1977. С. 37-44.

1990-х – середины 2000-х годов. В этот период А.Я. Сухарев выступил в роли сенсея сферы научно-практического обеспечения деятельности органов прокуратуры, судебной власти и системы правоохранительных органов.

Неудивительно, что внимание автора в первые годы новой России на научном поприще занимали вопросы осмысления роли права и установления правопорядка в контексте бурно меняющихся формаций: общественных, экономических, политических и, конечно, правовых. Болеющий душой за недавно разъединенные союзные республики, столкнувшиеся с девальвацией социалистической системы права и вынужденные выстраивать обновленную модель правовой системы, А.Я. Сухарев не мог обойти вниманием актуальные вопросы государственно-правовых реформ в странах СНГ.

Взвешенные воззрения практика в науке борьбы с преступностью олицетворяли А.Я. Сухарева в плеяде известных ученых – криминологов, с которыми он работал (Алексеев А.И., Долгова А.И., Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф. и др.). Талант ученого в этой области бурно проявился в спектре решения злободневных вопросов организации борьбы с преступностью которая приобрела черты неожиданного феномена в переходный период. Работы автора в 1990-е годы отличались не только широким диапазоном исследуемых криминологических аспектов (криминализации общества, сохранения природной среды, взаимодействия государства и общества в противодействии преступности, социальной профилактики преступности), но и известная степень их экспертного предназначения для целей законотворчества и учета в государственном управлении. В форме аналитических документов они регулярно поступали в Совет Безопасности РФ, Верховный совет народных депутатов, Генеральную прокуратуру РФ¹⁰. Результаты такой масштабной работы вылились в периодическую подготовку аналитических докладов «Законность», ежегодно представляемых в качестве доклада Генеральному прокурору РФ.

Бесспорным является внимание А.Я. Сухарева к вопросам развития органов прокуратуры, актуализации направлений ее деятельности по обеспечению законности и правопорядка. С начала 1990-х и по сей день эта тема в трудах автора находит освещение в самых разных позициях, не свойственных ординарным учебным работам, а именно: в научных основах профилактической деятельности органов прокуратуры, в концепции их развития в переходный период, в вопро-

сах совершенствования прокурорского надзора, в определении роли прокуратуры в условиях судебно-правовой реформы и т.д.¹⁰.

Многие работы автора имели эмоциональное содержание, которое отличалось от академических форм изложения научных проблем и средств их решения, но в трудах автора они находили бесспорное утверждение и поддержку («Россия в тисках преступности» // Прокурорская и следственная практика. №1. 1997; «Нельзя распылять научные силы» (о борьбе с организованной преступностью) // Прокурорская и следственная практика. № 3. 1998; «Державное «око» в осаде. К вопросу о реформе прокуратуры: Учебное пособие: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2001).

С начала 2000-х годов А.Я. Сухарев начинает проработку темы (давно заботившей его в силу исторического участия в событиях ее знаменующих), за которой плотно закрепилось не только его авторство, но и инициативность ее публичного освещения на организуемых им же научно-практических конференциях. Речь идет о Нюрнбергском процессе, который рассматривался автором с комплексных позиций не только уроков прошлого, но и современных параллелей в деле укрепления международного правопорядка, предупреждения нацизма и терроризма, обеспечения международной законности, определения правозащитной деятельности государств, соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина, сотрудничества правоохранительных органов государств, единства подходов к правосудию¹¹. Фактически, через призму Нюрнбергского процесса автор выразил в посвященных этой теме трудах не просто свое личное отношение к проблемам борьбы с преступлениями фашизма, а комплекс всех своих знаний, переживаний, опыта в деле утверждения идей справедливости Закона.

Отмечать окончания юридического и библиографического научного наследия А.Я. Сухарева не приходится. Александр Яковлевич и сейчас активно пишет. Однако для многих поколений юристов его решения важнейших вопросов многогранной проблематики в сфере права были, остаются и в будущем будут предметом цитирования и обоснования исследуемых традиционных и разрабатываемых новаторских направлений – от пропаганды правового просвещения до обеспечения международной законности.

¹⁰ А.Я. Сухарев Новый этап правового строительства // Советская юстиция. № 4. 1986. С. 8.

¹¹ См. А.Я. Сухарев. За дальнейшее упрочение правопорядка // Советская юстиция. №1.1985. С. 1-5.

Ястребов Владислав Борисович

доктор юридических наук, профессор, г. Москва

E-mail: 18031937@rambler.ru

Оперативный мониторинг исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации (правовой и организационный аспекты)

Рассматриваются итоги мониторинга исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в 2013 г. – первом квартале 2014 г., анализируются тенденции, характеризующие состояние практики исполнения актов судебного органа конституционного контроля, формулируются рекомендации по совершенствованию правового и организационного обеспечения мониторинга выполнения решений Конституционного Суда.

Ключевые слова: конституционная законность, правотворческая и правоприменительная деятельность, постановления Конституционного Суда РФ, мониторинг, источник права, Минюст России, прокуратура.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации занимают особое место в российской правовой действительности, как вследствие своего конституционно-правового предназначения, так и по характеру и масштабам влияния, на правотворческую и правоприменительную деятельность. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации обоснованно считаются важнейшим источником экспертной информации о состоянии федерального и регионального законодательства. Признание Конституционным Судом Российской Федерации положений закона противоречащими Конституции Российской Федерации влечет утрату их юридической силы и, соответственно, исключение из числа действующих нормативных правовых актов. Тем самым постановления Конституционного Суда Российской Федерации способствуют формированию отвечающей современным требованиям системы законодательства. Определяя утрату силы актами в целом или их отдельными положениями, решения Конституционного Суда обеспечивают прекращение обуславливаемой ими ненадлежащей правоприменительной практики и вместе с тем означают необходимость принятия нового закона. В силу данных обстоятельств исполнение решений Конституционного Суда должно быть безусловным, а какие-либо отступления от их

своевременной реализации считаться абсолютно недопустимыми.

Результаты мониторинга исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, осуществленного в 2012–2013 гг. [1], указывают на необходимость более тесной привязки в современной ситуации задач научного изучения проблемы мониторинга к анализу явлений и процессов, определяющих состояние исполнительской дисциплины в сфере конституционного контроля, тенденций, характеризующих динамику численности подлежащих исполнению решений, к изучению причин и условий несвоевременного исполнения решений Суда и разработке на этой основе рекомендаций по совершенствованию практики исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации. Прогноз дальнейшего развития научного изучения проблемы мониторинга дает основания считать перспективным резервом исследовательской работы расширение базы исследования, по сравнению с предыдущим ее этапом, охватывающим в основном сферу уголовного судопроизводства, за счет других правовых сфер, регламентируемых кодифицированным законодательством, имея в виду постановления Конституционного Суда по проверке конституционности положений гражданского и гражданского процессуального законодательства, на-

логового законодательства, административного законодательства.

Анализ в ходе осуществленного исследования массива принятых в 2013 г. и первом квартале 2014 г. постановлений Конституционного Суда РФ, материалов Министерства юстиции, законодательных актов, оспариваемых по рассмотренным Конституционным Судом делам, публикаций, мнений специалистов по вопросам исполнения решений Конституционного Суда, конституционного мониторинга и мониторинга правоприменения, других источников информации позволил сделать ряд в целом пока предварительных, но достаточно объективно обоснованных выводов.

Общая характеристика решений Конституционного Суда выглядит следующим образом. В числе постановлений, принятых Конституционным Судом Российской Федерации в 2013, относились к сферам законодательства: социального – 6 решений; конституционного – 5 решений; уголовного и уголовно-процессуального – 3 решения; налогового – 3 решения; гражданского и гражданского процессуального – 4 решения; трудового – 3 решения; административного – 2 решения; военной службы – 3 решения; жилищного – 1 решение. В совокупности принятых решений требовали внесения изменений в законодательство – 22.

В первом квартале 2014 г. принято восемь постановлений, в том числе по вопросам законодательства: социального – 1; конституционного – 1; уголовно- процессуального – 2; гражданского – 1; административного – 1; семейного – 1; о военной службе – 1. Из данных решений требовали внесения изменений пять.

В целом, по данным Министерства юстиции Российской Федерации, по состоянию на 3 апреля 2014 г. общее число постановлений Конституционного Суда, требующих принятия нормативных правовых равнялось тридцати восьми. Год назад оно было значительно выше – 51, а еще годом раньше – 58, что уже само по себе дает возможность говорить о существенных позитивных изменениях в динамике показателей состояния дисциплины исполнения решений Конституционного Суда РФ. Наряду с этим, имеющиеся материалы свидетельствуют и о более серьезных положительных качественных сдвигах в обеспечении конституционной законности, причем решающую роль в их достижении, есть достаточные основания считать, сыграл мониторинг исполнения решений Конституционного Суда. Прежде всего, на это указывают сроки реализа-

ции судебных постановлений. В настоящее время все принимаемые Конституционным Судом решения фактически сразу включаются в работу по их исполнению.

Мониторинг исполнения решений Конституционного Суда необходим прежде всего для решения практических задач. Он представляет собой фундаментальную универсальную форму контроля за деятельностью широкого круга государственных органов, имеющих отношение к процессам правотворчества и правоприменения, позволяющего использовать его результаты для стимулирования активной работы в различных областях государственного строительства, укрепления законности и правопорядка в стране. Вместе с тем серьезный информационный потенциал мониторинга [2] создает благоприятные условия для развития правовой теории.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что мониторинг способствовал заметному повышению уровня дисциплины исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, изменению отношения связанных с этой деятельностью органов и должностных лиц к организации работы в области реагирования на акты высшего органа конституционного контроля страны. По данным Минюста России, планомерно и целенаправленно осуществляющего мониторинг исполнения решений Конституционного Суда, 1992–2013 гг. Конституционным Судом Российской Федерации принято 140 постановлений и определений, которыми признаны неконституционными отдельные положения федеральных законов и из которых вытекает необходимость внесения определенных изменений в федеральные законы.

Сложившаяся в девяностые годы прошлого столетия и сохранявшаяся вплоть до введения мониторинга практика исполнения решений Конституционного Суда характеризовалась достаточно длительной протяженностью времени, проходившего между принятием решений Суда и издания предписываемого им нормативного акта, составлявшего от трех до восьми, а подчас и более лет. После учреждения Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» положение, не сразу, но тем не менее в сравнительно короткий срок кардинальным образом изменилось в лучшую сторону. Симптоматичным в данном отношении может считаться исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности ста-

тей 237, 413, 418 УПК Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда, полагавшего, что указанные нормы уголовно-процессуального закона, как необоснованно сужающие конституционные полномочия суда по осуществлению правосудия и ограничивающие конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина, включая право на судебную защиту, в связи с тем, что позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при установлении возникших после завершения досудебного производства фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях осужденного или оправданного признаков более тяжкого преступления, противоречат Конституции Российской Федерации.

Как известно, рассмотрев материалы дела, Конституционный Суд Российской Федерации высказался в поддержку мнения заявителя и признал не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 18, 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 52, положения пункта 2 части второй и части третьей статьи 413 и статьи 418 во взаимосвязи со статьей 237 УПК Российской Федерации в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при наличии возникших новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления. Федеральному Собранию Российской Федерации в постановлении Конституционного Суда было предписано в шестимесячный срок внести соответствующие изменения в УПК Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда было вынесено 16 мая 2007 г. Но только Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. (т.е. фактически спустя шесть лет после вынесения постановления Конституционного Суда) содержащееся в ст. 413 УПК понятие новых обстоятельств было дополнено существенным положением, согласно которому к новым логично и обоснованно были отнесены также обстоятельства, подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. Прямая связь уско-

рения принятия решения по данному делу с действием мониторинга исполнения названного решения Конституционного Суда Российской Федерации представляется вполне очевидной.

Что же касается характеристики общего положения дел, то в отличие от предыдущих лет, по состоянию на 3 апреля 2014 г. из 38 постановлений Конституционного суда, требующих корректировки законодательства, по 24 постановлениям подготовлены проекты нормативных актов, которые направлены в Государственную Думу. По остальным 14 постановлениям велась работа по их выполнению. Время принятия их частично относится к октябрю – декабрю 2013 г., частично приходится на январь-апрель 2014 г. Таким образом, связанное с учреждением мониторинга начало масштабной работы зримо дает реальные результаты по ликвидации накопившейся за многие годы задолженности в деле выполнения действий по совершенствованию системы правового регулирования различных видов общественных отношений.

Достаточно показательными являются изменения качественного состава обращений в Конституционный Суд Российской Федерации и, соответственно, содержания его решений, а также характер обстоятельств, рассматриваемых в качестве оснований признания положений законов противоречащими Конституции Российской Федерации. Вектор неконституционности все в большей степени смещается в сторону правоприменительной практики, оценки смысла, придаваемого ею законам. Причины данного явления коренятся в равной мере как в несовершенстве закона, так и в практике его применения. Качество законов, принимаемых Государственной Думой, подвергается постоянной и обоснованной критике со стороны правоприменительных органов, представителей научной общественности [3]. Неудовлетворенность законами выражают и сами депутаты Государственной Думы. Объективным показателем ненадлежащего качества законов является их нестабильность. Наглядным примером в данном отношении являются УПК Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, другие кодифицированные акты, подвергшиеся десяткам изменений. Не являются исключением и многие федеральные законы. Серьезные нарекания вызывает и квалификация сотрудников правоохранительных органов, должностных лиц органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, от которых зависит точность и

полнота исполнения действующих на территории Российской Федерации законов, особенно касающихся соблюдения прав и свобод граждан.

Положительным моментом в практике исполнения решений Конституционного Суда РФ следует считать повышение мобильности принятия мер по реализации обязанности государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решениями Конституционного Суда Российской Федерации. В 2013 г. были реально исполнены 16 (из 24) постановлений Суда 2012 г., в том числе все постановления, связанные с проверкой конституционности уголовно-процессуального законодательства, а также некоторые решения прошлых лет по делам данной категории, выступавших, как отмечалось выше, базовыми источниками материалов исследования. Положительной оценки заслуживает общий наметившийся подход к исполнению решений Конституционного Суда, касающихся других правовых сфер.

Признавая несомненные позитивные сдвиги в организации законопроектной деятельности органов исполнительной власти, тем не менее нельзя не отметить, что, несмотря на увеличенный вдвое срок исполнения решений Конституционного Суда, в установленные временные рамки они реализуются не всегда, а если исполнители и укладываются в пределы отведенного времени, то, что называется вплотную к установленному максимуму, хотя и могли решить задачу подготовки законопроекта в более сжатые сроки. Главная причина в данном случае связана исключительно с человеческим фактором. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с материалами дел, рассматриваемыми Конституционным Судом Российской Федерации. Типичными примерами, как представляется, могут служить дела, по которым вынесены постановления Конституционного Суда РФ:

1) от 2 июля 2013 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда. Особенностью дела, по которому вынесено рассматриваемое постановление Конституционного Суда Российской Федерации, является его связь с проблемой допустимости применения принципа распространения ограничения действия аксиоматического принципа запрета

поворота к худшему на стадиях назначения судебного заседания и судебного разбирательства и достаточно зыбкая почва для обоснованности усмотрения неопределенности, в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые положения закона, поскольку предметом исследования по настоящему делу выступали положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации, на основании которых решается вопрос о возвращении судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе уголовного дела прокурору для изменения переквалификации вменяемого в вину обвиняемому совершенного им деяния на более строгую статью УК Российской Федерации.

Признавая положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3), 118 (части 1 и 2) и 120 (часть 1), Конституционный Суд Российской Федерации рекомендовал федеральному законодателю внести в правовое регулирование изменения, направленные на устранение препятствий для вынесения судом основанного на правильном применении норм уголовного и уголовно-процессуального законов решения по уголовному делу в случаях, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления.

Хотя проект закона о внесении изменений в статьи 236 и 237 УПК Российской Федерации был подготовлен достаточно оперативно и распоряжением Правительства РФ 20 января 2014 г. внесен в Государственную Думу, шестимесячный срок подготовки законопроекта, пусть не на много, но все-таки был нарушен. Государственной Думой законопроект в первом чтении был принят 21 марта 2014 г.

2) Постановление от 19 ноября 2013 г. № 24-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова. Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй ста-

ты 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой они лишают лицо, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства вследствие принятия нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, возможности обжалования в судебном порядке законности и обоснованности вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования этого лица актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе связанных с реализацией права на реабилитацию.. Постановлением предписывалось федеральному законодателю внести изменения в действующее правовое регулирование, руководствуясь положениями Конституции РФ и с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ. В свою очередь, судам было рекомендовано впредь до внесения изменений в УПК РФ решать вопрос о наличии оснований для процедуры реабилитации исходя из оценки законности действий по осуществлению уголовного преследования.

Во исполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации по поручению Правительства Российской Федерации Минюстом России совместно с другими правоохранительными ведомствами с участием Верховного Суда Российской Федерации подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в УПК Российской Федерации», который 17 марта 2014 г. представлен в Правительство Российской Федерации.

3) Аналогичным образом могут быть охарактеризованы и другие постановления Конституционного Суда Российской Федерации, принятые в 2013 г., в частности:

Постановление от 14 февраля 2013 г. № 4-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях и митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко;

Постановление от 25 июня 2013 г. № 14-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство

в разумный срок или на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 2441 и пункта 1 части первой статьи 2446 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой.

Данный перечень может быть продолжен. Тем не менее даже такое ограниченное число решений Конституционного Суда позволяет составить представление об их своего рода уникальном характере. На примере названных постановлений, отнюдь неслучайно в определенной своей части заимствованных из сферы, относящейся к уголовно-процессуальному законодательству как наиболее формализованной отрасли права, достаточно наглядно просматриваются особая правовая природа данных судебных актов и несомненная специфика их исполнения, соответствующие выводы о факторах, подлежащих учету в самой работе по исполнению решений Конституционного Суда Российской Федерации и, в равной степени, по организации мониторинга исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации. В этой связи хотелось бы отметить, что в тексте постановлений Конституционного Суда практически во всех случаях просматривается оптимальный вариант требующихся изменений законодательства, что, несомненно, существенно облегчает процедуру их исполнения. Можно также добавить, что каждое постановление Суда, как правило, отличается развернутой и тщательно продуманной аргументацией содержащихся в нем правовых позиций, способных оказать помощь в определении логики подготовки необходимого для реализации ожидаемого от него законодательного решения.

Предпринятое исследование подтверждает серьезное значение правильной организации мониторинга исполнения решений Конституционного Суда РФ для обеспечения и укрепления конституционной законности. Вместе с тем, имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что несмотря на очевидные успешные шаги, о чем говорилось выше, продолжает сохраняться известное несовершенство организационного обеспечения данного вида деятельности, влекущее особенно заметный на в целом достаточно благополучном фоне существенный разрыв между временем принятия решения Конституционным Судом РФ и ответным шагом издания законодательного решения. В числе решений Конституционного Суда РФ, во исполнение которых внесены законопроекты в Государственную Думу, по состоянию на 3 апреля 2014 г. имелись постановления, датированные 2008, 2011, 2012 года-

ми. Ожидали законодательного рассмотрения и около десяти проектов актов по постановлениям Суда 2013 г., которых тоже может постигнуть судьба их предшественников, если во время не принять необходимые меры. Между тем законодательная власть, о чем свидетельствует ее богатый опыт правотворческой деятельности, имеет вполне реальные резервы для более оперативно-го реагирования на решения Конституционного Суда Российской Федерации.

В целях совершенствования практики исполнения решений Конституционного Суда РФ представляется целесообразным осуществление комплекса мер правового и организационного характера. Нужен нормативный акт, который бы определял стратегию законотворческой деятельности на достаточно длительную перспективу с четким обозначением ее ведущих направлений. Это позволило бы повысить качество законодательных решений, стабильность законов и, таким образом, значительно сократить базу обращений в Конституционный Суд РФ.

Нуждается в решении неоднократно поднимавшийся наболевший вопрос об упорядочении деятельности органов законодательной власти по принятию законодательных актов во исполнение решений Конституционного Суда РФ и, в первую очередь, о регламентации сроков рассмотрения законопроектов, направляемых Правительством Российской Федерации в Государственную Думу. Вполне корректно было бы сказать о них в Регламенте Государственной Думы. Особый характер постановлений Конституционного Суда РФ допускает и реально делает возможным их рассмотрение в срочном и первоочередном порядке.

Статус Государственной Думы позволяет ей при принятии решения по исполнению постановления Конституционного Суда РФ, не ограничиваться реализацией положений, прямо названных в Постановлении Суда, но и высказать свое отношение к причинам, обусловившим понимание правоприменительными органами того смысла закона, который позволяет Конституционному Суду РФ давать ему оценку как не соответствующему Конституции Российской Федерации. В упоминаемом выше Постановлении по делу о проверке конституционности статьи 237 УПК Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Узбекистана Б.Т. Гадаева и обращением Курганского областного суда конфликтной ситуации вполне можно было бы избежать, если бы своевременно и надлежащим образом были бы задействованы установленные законом

гарантии и механизмы защиты прав участников уголовного судопроизводства. На данное обстоятельство вполне обоснованно обратил внимание в своем Особом мнении судья Конституционного Суда Российской Федерации С.М. Казанцев.

Повышению эффективности конституционного контроля, бесспорно, могло бы способствовать законодательное установление полномочий органов прокуратуры по надзору за исполнением постановлений Конституционного Суда РФ. Это не противоречило бы статусу прокуратуры как главного надзорного органа страны, целями которого являются обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства. Как известно, в теории права получает все более широкое признание постановление Конституционного Суда РФ в качестве источника права [4]. Нелишне заметить, что результаты мониторинга исполнения решений Конституционного Суда РФ дают основания достаточно уверенно считать Конституционный Суд, как его характеризуют известные правоведы страны М.В. Баглай, Г.А. Гаджиев, Б.С. Эбзеев, другие видные специалисты в области права, органом правотворческим, хотя формально он к таковым не относится, а его решения источником права [5, 6, 7]. Мониторинг исполнения решений Конституционного Суда РФ позволяет видеть их несомненное значительное регулятивное влияние на формирующиеся в стране общественные отношения, на многообразие проявлений правовой действительности в целом. Закономерный характер такого воздействия обусловлен отличиями решений Конституционного Суда РФ от актов судов общей юрисдикции, которые, по мнению В.Д. Зорькина, заключаются в том, что они «... имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение» [8].

В организационном плане представляется целесообразным обсудить вопрос об оптимизации процесса законотворческой деятельности на представительном форуме федерального уровня с участием судей Конституционного Суда Российской Федерации, депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, представителей Администрации Президента Российской Федерации, руководителей федеральных органов исполнительной власти, представителей правовой науки, правоохранительных органов, других специалистов.

Нужна качественно новая, более оперативная система разработки проектов законодательных актов, установление разумных, но максимально коротких сроков промежуточных процедур, сокращение до минимума числа инстанций, от которых требуется получение отзывов, замечаний, разного рода согласования, визирования и т.п.

Желательно повысить роль рабочих комиссий по разработке законопроектов. В них долж-

ны входить в качестве основных исполнителей юристы высшей квалификации, причем устанавливаемой не по чинам, должностям и званиям, а по фактическим опыту и знаниям. Они должны обладать правом привлекать к работе комиссий любых специалистов других областей знаний. Профессиональное начало должно доминировать и на всех последующих стадиях законотворческого процесса.

Литература

1. Ястребов В.Б. Мониторинг практики исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, относящихся к сфере уголовного судопроизводства // Мониторинг правоприменения. 2013 № 4. С.4–12.
2. Методические рекомендации по организации мониторинга правоприменения // Под ред. В.В. Астанина. -М.: РПА Минюста России, 2012.
3. Колдин В.Я. Правоприменительная деятельность как предмет науки и обучения // Вестник Московского университета. Серия 11 Право. 2012. № 3. С. 124.
4. Ястребов В.Б., Ястребов В.В. Решения Конституционного Суда РФ как источник уголовно-процессуально-го права // Законодательство. 2014 № 7. С.74–81.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации // Учебник. -М., 2008. С. 41–42.
6. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Конституционное право: Восточно-Европейское обозрение. 1999. № 3. С. 82.
7. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М.: ЮНИТИ/ 1997. С. 163.
8. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное правосудие. 2006, № 3(33). С.12.

Refereces

1. Iastrebov V.B. Monitoring praktiki ispolneniia reshenii` Konstitucionnogo Suda Rossii`skoi` Federacii, otnosiashechikhsia k sfere ugovolnogo sudoproizvodstva // Monitoring pravoprimeniia. 2013 № 4. S.4–12.
2. Metodicheskie rekomendacii po organizacii monitoringa pravoprimeniia // Pod red. V.V. Astanina. -M.: RPA Miniusta Rossii, 2012.
3. Koldin V.Ia. Pravoprimenitel`naia deiatel`nost` kak predmet nauki i obucheniia // Vestneyk Moskovskogo universiteta. Seriiia 11 Pravo. 2012. № 3. С. 124.
4. Iastrebov V.B., Iastrebov V.V. Resheniia Konstitucionnogo Suda RF kak istochnik ugovolno-protcessual`nogo prava // Zakonodatel`stvo. 2014 № 7. S.74–81.
5. Baglai` M.V. Konstitucionnoe pravo Rossii`skoi` Federacii // Uchebник. -M., 2008. С. 41–42.
6. Gadzhiev G.A. Pravovy`e pozitcii Konstitucionnogo Suda Rossii`skoi` Federacii kak istochnik prava // Konstitucionnoe pravo: Vostochno-Evropel`skoe obozrenie. 1999. № 3. С. 82.
7. E`bzeev B.S. Konstituciiia. Pravovoe gosudarstvo. Konstitucionny`i` Sud. M.: IUNITI/ 1997. С. 163.
8. Zor`kin V.D. Pretcedentny`i` harakter reshenii` Konstitucionnogo Suda Rossii`skoi` Federacii // Konstitucionnoe pravosudie. 2006, № 3(33). S.12.

Кабанов Павел Александрович
доктор юридических наук, доцент, г. Казань
E-mail.ru: kabanovp@mail.ru

Криминологический мониторинг личности коррупционного преступника (на материалах Республики Беларусь)

Предметом проведенного мониторингового исследования являются статистические данные, характеризующие личность современного коррупционного преступника Республики Беларусь.

Целью исследования выступает мониторинговое измерение наиболее важных личностных характеристик коррупционного преступника Республики Беларусь на основе статистических данных.

Методология – диалектический метод познания, включающий в себя методы системного и структурного анализа, сравнение, статистическое наблюдение и другие.

Полученные результаты исследования – впервые в криминологической науке описаны основные социально-демографические, правовые и иные характеристики личности коррупционного в Республике Беларусь, что, несомненно, может активизировать исследование коррупционной преступности в Республике Беларусь специалистами этого государства и выработке мер по её более эффективному сдерживанию на социально терпимом уровне.

Полученные результаты дополнительно могут быть использованы в образовательном процессе при реализации антикоррупционных образовательных программ высшего и дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: коррупция, мониторинг, коррупционный преступник, личность преступника, мониторинг личности коррупционного преступника, Республика Беларусь, личность коррупционного преступника.

Объективное научное изучение, описание, объяснение и прогнозирование коррупционного поведения в обществе невозможно без углубленного изучения лиц, участвующих в коррупционной деятельности. Традиционно криминологи выделяют следующие мониторинговые показатели, без которых невозможно изучение личности преступника, в том числе и преступника коррупционного: социально-демографические, нравственно-психологические и правовые [9, с.84-89; 16, с.65]. К сожалению, в отечественной криминологической науке, при достаточной разработанности проблем противодействия коррупционному поведению до настоящего времени не подготовлено и не опубликовано крупных монографических работ, посвященных исследованию личности коррупционного преступника. В российской криминологической науке име-

ются лишь небольшие по объему главы и/или параграфы в монографических [2, с.234-245; 3, с.201-214; 18, с.65-75] и диссертационных исследованиях [8, с.64-77; 20, с.73-82; 21, с.112-122], а также отдельные научные статьи [1, с.156-157; 5, с.33-34; 7, с.30-33; 8, с.27-35; 10, с. 52-57; 11, с. 108-111; 14, с.50-53; 15, 49-56; 19, с.70-73; 22, с.152-156; 23, с.334-337], которые не в полной мере объясняют специфику личности коррупционного преступника.

Многочисленные криминологические исследования подтверждают очевидную истину: личность коррупционного преступника существенно отличается от личности не только правопослушного гражданина, но и от личности других видов преступников. Возможно, что и коррупционные преступники разных государств имеют свои отличительные черты. В связи с

этим особую значимость приобретают исследования социально-демографических, правовых и иных характеристик коррупционных преступников других государств. Данные, характеризующие правовые, социально-демографические и иные признаки преступников не всегда возможно обнаружить в официальной статистической и иной информации. Исключением из этого правила оказалась статистическая информация о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь, размещенная на официальном сайте «криминологи.рф» адъюнктом кафедры уголовного права Московского университета МВД России А.В. Ковальчуком.¹ В этой информационной базе данных размещены социально-демографические, правовые и иные данные о личности коррупционных преступников, выявленных и учтенных правоохранительными органами этого государства. Не воспользоваться таким шансом по мониторинговому исследованию личности коррупционного преступника в этом государстве было бы не разумным, тем более, что и белорусскими специалистами работ посвященных изучению личности такого вида преступника не подготовлено. Более того, даже в работах по проблемам противодействия коррупции этот вопрос обходится стороной [4, 13, с.177-178], хотя криминологическому исследованию отдельных видов коррупционных преступников придается существенное значение [17, с.5,9]. В тоже время представители международных организаций предлагают активней проводить статистические исследования различных аспектов коррупционной преступности [12]. Эти обстоятельства и побудили нас к проведению мониторинга личности коррупционного преступника на основе статистических данных Республики Беларусь.

Целью проводимого нами исследования является мониторинг (описание и объяснение) статистических показателей, характеризующих социально-демографические, правовые и иные признаки личности коррупционного преступника в Республике Беларусь, отраженные в статистической информации этого государства за период с 2007 по 2013 гг.

Выбор хронологических рамок исследования личности коррупционного преступника обусловлен тем, что именно с начала 2007 года в Республике Беларусь был установлен Перечень коррупционных преступлений,² который был уточнен в декабре 2011 года и действует в настоящее время.

В соответствии с указанным Перечнем, на сегодняшний день коррупционными преступлениями в этом государстве являются деяния, ответственность за которые предусмотрена следующими нормами Уголовного кодекса Республики Беларусь:

- а) ст. 210 (Хищение путем злоупотребления служебным положением);
- б) ч.2 и 3 ст.235 (Легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем с использованием служебного положения);
- в) ч.2 и 3 ст.424 (Злоупотребление властью или служебными полномочиями);
- г) ч.2 и 3 ст.425 (Бездействие должностного лица);
- д) ч.2 и 3 ст. 426 (Превышение власти или служебных полномочий);
- е) ст.ст. 429 (Незаконное участие в предпринимательской деятельности);
- ж) ст. 430 (Получение взятки);
- з) ст. 431 (Дача взятки);
- и) ст. 432 (Посредничество во взяточничестве);
- к) 455 (Злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти). Именно статистические данные по лицам, совершившим именно эти коррупционные преступления, мы и будем анализировать за весь рассматриваемый период, игнорирую положения о том, что до 2012 года действовал иной (расширенный) Перечень коррупционных преступлений.

Проведенный нами статистический анализ показателей коррупционной преступности в Республике Беларусь за период с 2007 по 2013 годы свидетельствует о том, что на территории этого государства было зарегистрировано 16 234 коррупционных преступления, в результате совершения которых потерпевшим был причинен ущерб на сумму 421 963 347 769 рублей. За это

¹ Об утверждении Перечня коррупционных преступлений: постановление Прокуратуры Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 5 апреля 2007 года №17/94/11 // Законность и правопорядок. – 2007. – №2. – С.12-13.

² Об утверждении перечня коррупционных преступлений: постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, КГК, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, МВД Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 31 января 2011 года №5/8/1/34/6 // документ размещен на официальном сайте МВД Республики Беларусь.

же период было выявлено и учтено 8 837 коррупционных преступников и 1 287 их жертв.

Статистический анализ показателей криминальной статистики Республики Беларусь позволяет выделить некоторые черты личности коррупционного преступника, прежде всего, социально-демографические. Проведенное нами исследование позволяет с полной уверенностью утверждать, что среди коррупционных преступников значительно больше граждан этого государства, чем иностранцев. Среди выявленных коррупционных преступников иностранных граждан оказалось лишь 330 человек или 3,7% от общего количества учтенных в исследуемый период. Среди которых 226 человек или 68,5% это лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности за дачу взятки, 70 человек за совершение хищения с использованием служебного положения или 21,2%.

Многолетние исследования феномена коррупционной преступности показывают, что среди коррупционных преступников мужчин значительно больше, чем женщин. Эта тенденция отражена и в статистических показателях Республики Беларусь. По половому признаку коррупционные преступники распределились следующим образом мужчины – 6 422 или 72,6 %, а женщины – 2 415 или 27,4%. Значительно выше показатели женщин среди коррупционных преступников, совершивших хищение путем злоупотребления служебным положением, где они составляют 1391 из 2415 или 57,6% от общего количества коррупционеров-расхитителей.

По степени вовлеченности в трудовую деятельность коррупционные преступники в Республике Беларусь разделились следующим образом. Лица, вовлеченную в трудовую деятельность составили 7 739 человек или 87,6%, тогда как лица, не вовлеченные в трудовую деятельность (не работающие и не учащиеся) 1098 человек или 12,4%. Среди лиц, не вовлеченных в трудовую деятельность наибольшее количество коррупционных преступников были изобличены в совершении преступления в форме дачи взятки – 919 человек или 83,7% от общего количества всех лиц этой категории.

Лиц, вовлеченных в трудовую деятельность, в статистической информации о преступности Республики Беларусь разделяют на три категории: рабочих, служащих и лиц, обучающихся в образовательных учреждениях. Такая классификация отражается в полном объеме в информационных данных лишь с 2009 года. В статистических сведениях 2007 года этих сведений нет, а с

2008 года начали выделяться сведения о рабочих и служащих. В связи с этим статистический анализ коррупционного поведения лиц, вовлеченных в трудовую деятельность, мы осуществим с 2009 года по 2013 год. За указанный период этой категории лиц среди коррупционных преступников было выявлено 4 231 человек. Из них рабочих – 1243 человек или 29,4 %, служащих – 2779 или 65,7%, учащихся – 209 или 4,9%.

Служащие в рассматриваемый нами период наиболее часто совершали хищения с использованием служебного поведения (коррупционные хищения). За совершения этих деяний их было выявлено и поставлено на учет 1 671 человек или 60,1%. За злоупотребление властью или служебным положением было выявлено 481 человек или 17,3%. За дачу взятки было привлечено к уголовной ответственности 288 человек или 10,4%, получение взятки – 274 человека или 9,9%, за посредничество во взяточничестве – 13 человек или 0,5%, а в целом за взяточничество 575 человек или 20,7%.

Рабочие наиболее часто совершают коррупционные деяния предусмотренные статьей 431 УК РБ – дача взятки. Ими совершено в рассматриваемый нами период 797 таких преступлений или 64,1% от общего количества. В соучастии с должностными лицами рабочими было совершено 350 хищений с использованием служебного положения или 28,2% от общего количества совершенных ими коррупционных преступлений.

Коррупционная активность учащихся обусловлена их статусом. Они в основном совершают преступления, предусмотренные статьей 431 УК РБ – дача взятки. Из 209 совершенных ими коррупционных преступлений 202 или 96,7% квалифицированы именно по этой статье УК РБ. За посредничество во взяточничестве среди учащихся были выявлены и поставлены на учет 5 человек или 2,4% и 2 человека или 0,9% за соучастие в хищении с использованием служебного поведения.

Среди наиболее значимых социально-демографических параметров коррупционных преступников выделяют их возрастные характеристики. Официальная криминальная статистика Республики Беларусь подразделяет всех преступников на четыре возрастные группы: а) от 14 до 15 лет; б) от 16 до 17 лет; в) от 18 до 29 лет; г) 30 лет и старше. При этом следует иметь в виду, что в 2007 году деление на эти группы в официальной статистике отсутствовало. Оно появилось лишь с 2008 года, а с 2009 года данная

статистическая группировка утвердилась окончательно. При этом, начиная с 2009 года возрастные показатели стали относительно полно учитываться. Из всей совокупности выявленных коррупционных преступников за период с 2009 по 2013 гг. возрастные показатели были учтены у 6 433 человек или 97,5% от их общего количества, попавшего в уголовную статистику. Проведенный нами анализ возрастных категорий коррупционных преступников показал, что наиболее коррупциогенной является старшая возрастная категория «30 лет и старше». В этой группе оказалось в общем количестве учтенных и сгруппированных по возрасту коррупционных преступников 4 698 человек или 73%. Менее коррупциогенной оказалась возрастная группа от 18 до 29 лет. На долю этой возрастной группы приходится 1731 выявленных коррупционных преступников или 26,9%. Данное положение можно объяснить тем что, лица в возрасте моложе 30 лет реже занимают государственные или муниципальные должности и меньше участвуют в сфере государственного управления. Наименьшей коррупциогенностью отличаются несовершеннолетние в возрасте 16-17 лет. Лиц, этой возрастной категории было учтено 4 человека или 0,1% из всей совокупности указанной категории коррупционных преступников.

В официальную криминальную статистику Республики Беларусь не попали несовершеннолетние в возрасте 14-15 лет, которые, по видимому, в силу их возрастных особенностей и материального положения устранены от участия в коррупционной деятельности.

Проведенный нами статистический мониторинг личности коррупционного преступника показал, что наблюдается несколько иное соотношение возрастных групп коррупционных преступников среди лиц, совершивших злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти (ст. 455 УК РБ). Из всей совокупности учтенных коррупционных преступников, совершивших эти деяния, возрастная категория от 18 до 29 лет составила 91 человек или 79,8%, а лиц в возрасте 30 лет и старше всего лишь 23 человека или 20,2%.

Криминолого-статистический мониторинг личности коррупционного преступника было бы не полным, если бы мы не обратились к анализу его состояния в процессе осуществления коррупционной деятельности. Официальная статистика Республики Беларусь определяет и фиксирует совершение преступления в состоянии алкогольного и наркотического опьянения

(возбуждения). Согласно полученных и обработанных нами статистических данных за весь исследуемый период в состоянии алкогольного опьянения коррупционные преступники осуществляли свою деятельность и были учтены 85 раз или 0,96% и только один в состоянии наркотического опьянения. Наиболее часто совершаемое в состоянии алкогольного опьянения коррупционные преступления – это дача взятки в 46 случаях или 54,1% от общего количества выявленных коррупционных преступников в этом состоянии.

К числу наиболее значимых мониторинговых характеристик личности коррупционного преступника следует отнести правовые критерии. Официальная криминальная статистика Республики Беларусь таковыми критериями опасности поведения преступника признает: а) повторность совершения преступления; б) совершение преступления в группе; в) совершение преступления в составе организованной группы. Проведенный нами анализ статистических показателей показывает, что из всей совокупности выявленных и учтенных коррупционных преступников лишь 419 человек или 4,7% ранее совершали преступления. Однако настораживает другой показатель – доля коррупционных преступников совершивших преступления группой лиц. Здесь оказалось 2006 человек или 22,7% от их общего количества. Коррупционные преступления в составе организованной преступной группы совершили 252 человека или 2,9% от их общего количества. Правовая характеристика коррупционных преступников в Республике Беларусь свидетельствует о том, что доля рецидива среди них не велика и близка к российским показателям [6, с.71].

Проведенный нами криминологический мониторинг статистических материалов свидетельствует о том, что коррупционные преступники, выявленные и учтенные правоохранительными органами Республики Беларусь, имеют следующие социально-демографические, правовые и иные характеристики.

Во-первых, коррупционные преступники Республики Беларусь – это чаще всего граждане этого государства – доля иностранцев в их структуре не значительна.

Во-вторых, в структуре коррупционных преступников Республики Беларусь доля преступников мужского пола значительно превосходит количество женщин, совершивших коррупционные преступления. Возможно, такое распределение среди коррупционеров мужчин и

женщин больше связано не с их криминальной активностью, а со степенью участия женщин в сфере социального управления. В тех сферах жизнедеятельности, где женщины представлены больше (учет, хранение, распределение материальных ценностей и других ресурсов), там и уровень их коррупционной активности выше.

В-третьих, в зависимости от степени вовлеченности в трудовую деятельность меняется и структура коррупционных преступников в Республике Беларусь. Работающие коррупционные преступники чаще совершают преступления связанные с их профессиональной деятельностью, а лица, не имеющие работы, чаще выступают в роли взяткодателей или пособников в коррупционной деятельности.

В-четвертых, по социальному статусу наибольшую коррупционную активность проявляют служащие Республики Беларусь. Менее подвержены коррупционному поведению рабочие, которые чаще всего выступают в роли взяткодателей. Наименее коррумпированной соци-

альной группой являются учащиеся, чья доля в общей структуре коррупционных преступников, не велика и сводится в основном к даче взяток.

В-пятых, по возрастному критерию наиболее коррупциогенной возрастной группой в Республике Беларусь выступает категория лиц старше 30 лет. Данное положение можно объяснить тем что, лица в возрасте моложе 30 лет реже занимают государственные или муниципальные должности и меньше участвуют в сфере государственного управления.

В-шестых, разделение коррупционных преступников Республики Беларусь по правовым критериям показал, что среди них доля рецидива невелика, хотя значительное количество преступлений совершается ими в составе группы лиц и не значительное в составе организованной группы. Это позволяет сделать вывод о том, что коррупционная преступность в Республике Беларусь больше носит индивидуальный, а не групповой и организованный характер.

Литература

1. Алимов С.А., Федоров А.Ю. Личность современного коррупционера: основные результаты криминологического исследования // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – №1.
2. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.
3. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. – М.: Норма, 2010.
4. Берестень В.И. Коррупция и её общественная опасность: учебно-методическое пособие. – Мн.: РИВШ, 2005.
5. Волконская Е.К. Типология личности преступника-коррупционера // Российский следователь. – 2013. – №14.
6. Газимзянов Р.Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков (криминологическое исследование): Дисс. ... кандидат. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
7. Газимзянов Р.Р. Криминологическая характеристика личности коррупционного преступника (по материалам уголовных дел, рассмотренных судами Республики Татарстан в период с 1997 по 2004 гг.) // Следователь. – 2005. – №3.
8. Газимзянов Р.Р. Криминологическая характеристика личности коррупционного преступника (на материалах Республики Татарстан) // Противодействие преступности: Сборник научных трудов / под ред. П.А. Кabanова. – Нижнекамск, 2005.
9. Глухова А.А. Основные черты криминологической характеристики личности преступника // Криминология: курс лекций. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013.

References

1. Alimov S.A., Fedorov A.Iu. Leechnost` sovremennogo korrupcionera: osnovny`e rezul`taty` kriminologicheskogo issledovaniia // Vestnyk Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2010. – №1
2. Antonian Iu.M., E`minov V.E. Leechnost` prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie. – M.: Norma, 2010.
3. Volkonskaia E.K. Tipologija lichnosti prestupnika-korrupcionera // Rossii`skii` sledovatel`. – 2013. – №14.
4. Gazimzianov R.R. Kriminologicheskaja harakteristika lichnosti korrupcionnogo prestupnika (na materialakh Respubliki Tatarstan) // Protivodei`stvie prestupnosti: Sbornik nauchny`kh trudov / pod red. P.A. Kabanova. – Nizhnekamsk, 2005.
5. Goncharenko G.S. Leechnost` korrupcionnogo prestupnika // Izvestiia vy`sshikh uchebny`kh zavedenii`. Severo-Kavkazskii` region. Obshchestvenny`e nauki. – 2008. – №4.
6. Dolotovskaia P., Kavetckaia O. Korrupcionnaia prestupnost` v Respublike Belarus` // Materialy` konferencii molody`kh ucheny`kh (29 aprelija 2008 g.) – Mн.: GIUST BGU, 2009.
7. Zhazhina Iu.A., Petrushina N.V. Analiz lichnosti korrupcionnogo prestupnika // IX Derzhavinskie chteniia v Respublike Mordoviia: materialy` Vserossii`skoi` nauchno-prakticheskoi` konferencii, 18-19 aprelija 2013 goda. – Saransk, 2013.
8. Ikriannikova A.S. Poniatie i struktura lichnosti prestupnika – souchastneyka korrupcionnogo prestupleniia (po materialam sudebnoi` praktiki gorodov Volgograda i Volzhskogo) // Vestnyk Volgogradskoi` akademii MVD Rossii. – 2012. – №3 (22).
9. Kalashnikov O.D., Merkulov M.A. Kriminologija v skhemakh i opredeleniakh. – N. Novgorod: Nizhegorodskaja akademiia MVD Rossii, 2010.

10. Гончаренко Г.С. Криминологический мониторинг личности коррупционного преступника // Россия: от реформ к стабильности: научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. – 2009.
11. Гончаренко Г.С. Личность коррупционного преступника // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – №4.
12. Доклад Генерального секретаря ООН о повышении качества и доступности статистических данных о преступности и уголовного правосудия для разработки политики от 25 февраля 2014 года // Документ Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию Экономического и Социального Совета ООН E/CN.15/2014/10
13. Долотовская П., Кавецкая О. Коррупционная преступность в Республике Беларусь // Материалы конференции молодых ученых (29 апреля 2008 г.) – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2009.
14. Жажина Ю.А., Петрушина Н.В. Анализ личности коррупционного преступника // IX Державинские чтения в Республике Мордовия: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 18-19 апреля 2013 года. – Саранск, 2013.
15. Икрянникова А.С. Понятие и структура личности преступника – соучастника коррупционного преступления (по материалам судебной практики городов Волгограда и Волжского) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – №3 (22).
16. Калашников О.Д., Меркулов М.А. Криминология в схемах и определениях. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010.
17. Клим А.М. Взятничество: криминологическая характеристика и предупреждение: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Мн., 2013.
18. Максимов С.В., Эминов В.Е., Ванцев В.А. Борьба с коррупционной преступностью / под ред. проф. С.В. Максимова. – М.: Легиста, 2005.
19. Овчинников И.В. Характеристика личности коррупционера // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых: сборник статей. – Барнаул, 2012.
20. Осипов А.Б. Коррупционная преступность в органах внутренних дел: Дисс... канд. юрид. наук. – СПб., 2005.
21. Паршин И.С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2014.
22. Платошина О.А. Криминологическая характеристика коррупционного преступника в УИС // Обеспечение антикоррупционной безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: материалы научно-практического семинара, 19 октября 2012 г. – Рязань, 2012.
23. Хотькина О.К. Криминологический портрет пенитенциарного преступника-коррупционера // Актуальные вопросы современного российского законодательства и организация деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы: сборник научных трудов. – Рязань, 2010.
10. Ovchinnikov I.V. Charakteristika lichnosti korruptcionera // Voprosy` iuridicheskoi` nauki: vzgliad molody`kh ucheny`kh: sbornik statei`. – Barnaul, 2012.
11. Platoshina O.A. Kriminologicheskaia harakteristika korruptcionnogo prestupnika v UIS // Obespechenie antikorrupcionnoi` bezopasnosti uchrezhdenii` i organov ugovovno-ispolnitel`noi` sistemy`: materialy` nauchno-prakticheskogo seminara, 19 oktiabria 2012 g. – Riazan`, 2012.
12. Hot`kina O.K. Kriminologicheskii` portret penitentsiarnogo prestupnika-korruptcionera // Aktual`nye voprosy` sovremennogo rossii`skogo zakonodatel`stva i organizatciia deiatel`nosti uchrezhdenii` ugovovno-ispolnitel`noi` sistemy`: sbornik nauchny`kh trudov. – Riazan`, 2010

Евланова Ольга Александровна
кандидат юридических наук, г. Москва
E-mail: olga_evlanova@mail.ru

Коимшиди Георгий Феофилактович
кандидат технических наук, г. Москва
E-mail: koim@mail.ru

Криминологические проблемы предупреждения преступности – некоторые результаты исследования

В статье анализируются криминологически значимые аспекты предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества. Обращается внимание на негативные факторы, объективно снижающие эффективность проводимой профилактической работы. Отмечается неэффективность административного надзора за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений, о чем свидетельствует рост рецидивной преступности. Выдвигается и обосновывается тезис о преувеличении роли «двойной превенции» в системе предупреждения тяжкой преступности.

Ключевые слова: предупреждение преступности, предупреждение отдельных видов преступлений, двойная превенция, криминальная нагрузка на население, раскрываемость преступлений.

Несмотря на предпринимаемые государством и обществом усилия, направленные на борьбу с преступлениями и иными противоправными посягательствами, в стране сложилась непростая криминогенная обстановка, характеризующаяся высоким уровнем преступности и появлением новых видов угроз криминального характера¹.

Криминологическая нагрузка на население не снижается. Это демонстрируют и результаты проведенного в 2013-2014 гг. криминологического исследования, в рамках которого изучалось мнение населения о фактическом состоянии преступности в стране². Так, 77,2% респон-

дентов сообщили, что в течение последнего года в отношении них, их родственников, друзей или знакомых было совершено преступление, при этом, более чем в 80% случаев – это кражи имущества, в 73% случаев – мошенничество и в 52% – вымогательство взятки. Обращались при этом в правоохранительные органы менее половины (41,8%) опрошенных и только в 11,2% случаев данное обращение имело положительный результат (виновный был установлен и привлечен к ответственности). Полученные результаты анкетирования на первый план выдвигают проблему очевидной высочайшей латентности современной преступности.

Устойчивая статистическая картина снижения преступности, по мнению многих ученых и практиков, не отражает реального положения дел в борьбе с уголовными посягательствами. Это связано как с дисбалансом между количеством заявлений о правонарушениях и числом

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации от 20.11.2013 г.

² По специально разработанной анкете в 2013-2014 гг. было опрошено 497 граждан в Москве, Московской области, Иркутске.

зарегистрированных преступлений, так и с наличием ряда *криминогенных факторов*, которые продолжают оказывать негативное воздействие на состояние защищенности граждан от преступлений. К их числу следует отнести:

- расширение географии *террористической деятельности* и повышенная активность международных террористических организаций на территории Российской Федерации;
- *экстремистская деятельность* националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривластной и социальной ситуации в стране;
- усугубление негативных характеристик преступности в сфере *незаконного оборота наркотиков*, в том числе, рост числа преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, что косвенно свидетельствует о значительных масштабах немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ;
- увеличение доли *несовершеннолетних*, в общем числе лиц, совершивших преступления;
- высокий уровень распространения *коррупции*.

В последние годы, как на федеральном уровне, так и во многих субъектах Федерации органами законодательной и исполнительной власти принимаются меры правового, организационного, материально-технического и иного характера, направленные на возрождение полноценной системы предупреждения преступлений. В частности, 6 марта 2013 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 313-р утверждена Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» в которой значительное внимание уделено предупреждению отдельных видов преступлений. В целях совершенствования правового регулирования в области профилактики и раннего выявления потребления наркотических средств и психотропных веществ, принят Федеральный закон от 07.06.2013 № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ»³. Поскольку названный закон вступил в силу только с

05.12.2013, оценить его эффективность не представляется возможным в силу незначительной правоприменительной практики.

Вместе с тем, по-прежнему сохраняют свое действие *негативные факторы*, объективно снижающие эффективность проводимой профилактической работы. К их числу относятся следующие:

1. *Отсутствие базовых федеральных законов* «О государственной системе профилактики преступлений и иных правонарушений в Российской Федерации», а также «Об участии населения в профилактике правонарушений, общественном контроле и оценке гражданами эффективности правоохранительной деятельности».

2. Несоблюдение *принципа неотвратимости наказания*. В последние годы уровень раскрываемости преступлений в России – порядка 50%. Безнаказанность преступников влечет за собой «привыкание» населения к совершению преступлений, снижению общего уровня моральной требовательности, ослаблению нетерпимости к правонарушениям и правонарушителям, развитию правового нигилизма. По данным проведенных социологических исследований, *соблюдение законов 35,1% респондентов связывают с боязнью понести наказание* и только 26,6% опрошенных считают, что законы соответствуют их моральным убеждениям и воспитанию⁴.

3. Неэффективность *административного надзора* за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений, о чем свидетельствует *рост рецидивной преступности*. Основной целью административного надзора, по существу, является предупреждение повторного совершения преступлений и иных правонарушений. При должной организации он может стать одним из наиболее действенных направлений индивидуального предупреждения, подтверждением чему служат положительные примеры эффективности профилактики повторной преступности в Московской области (снижение числа преступлений среди состоящих на учете осужденных более чем на 16%), в Республике Башкортостан (количество преступлений, совершенных ранее судимыми снизилось на 12,6%) и др.

Следует указать, что на начало 2013 г. на контроле органов внутренних дел состояло 2 850 941 человек, что меньше показателя 2012 г. на 5,6% (3 021 112), при этом, в течение года

³ Российская газета, № 124, 11.06.2013.

⁴ Общественное мнение – 2013. Левада-Центр. М.: 2014.

было поставлено на учет на 5,5% лиц больше, чем в предыдущем году. На 2,1% в 2013 г. увеличилось число лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в отношении которых установлены ограничения в соответствии с законом. В 2013 г. наметилась тенденция снижения по следующим показателям: – число состоящих на контроле лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовых отношениях (на 11,8%); – число алкоголиков и наркоманов, систематически допускающих нарушения и состоящих на учете в учреждениях здравоохранения (на 6,5% и 13,2% соответственно).

4. *Преувеличение роли преступлений «двойной превенции» в системе предупреждения тяжкой преступности*⁵. Проведенные исследования не подтверждают общеизвестный тезис о том, что активизация борьбы с «бытовыми» преступлениями небольшой тяжести закономерно влечет за собой снижение тяжкой насильственной преступности. Это связано с тем, что на криминологически значимые характеристики тяжкой насильственной преступности и преступлений «двойной превенции» действует *один и тот же причинный комплекс* (см. рис. 1).

На рис. 1 показано распределение субъектов Российской Федерации по уровню преступлений «двойной превенции» (ст. 115-117 и 119 УК РФ) и по уровню тяжких насильственных преступлений (ст. 105-107 и 111 УК РФ). А также приводится график прямой регрессии между этими показателями. Между преступлениями, квалифицируемыми по ст. 115-117 и 119 УК РФ, и преступлениями, квалифицируемыми по ст. 105-107 и 111 УК РФ, наблюдается *заметная прямая регрессионная зависимость* – коэффи-

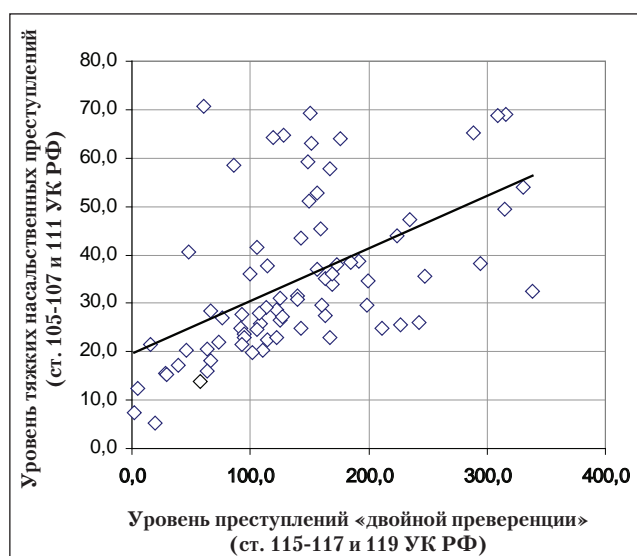

Рис. 1. Распределение субъектов Российской Федерации по уровням преступлений «двойной превенции» и тяжким насильственным преступлениям

циент корреляции равен 0,69. При росте уровня преступлений, квалифицируемых по ст. 115-117 и 119 УК РФ, уровень преступлений, квалифицируемых по ст. 105-107 и 111 УК РФ, увеличивается на 0,13 преступлений на 100 тыс. населения. Это подтверждает, что данные преступления имеют единый причинный комплекс.

Практически во всех субъектах Российской Федерации приняты *программы по предупреждению и профилактике преступлений и иных правонарушений*, в частности и по отдельным видам преступлений. Основное внимание уделяется вопросам профилактики преступлений террористического и экстремистского характера; преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков и наркомании; коррупционных преступлений; безнадзорности несовершеннолетних и предупреждению совершения ими преступлений и иных правонарушений и др. Вместе с тем, анализ подобных программ позволяет говорить об их неконкретности. Разработчиками фактически не учитывается специфика предупреждения преступности в городской и сельской местности, в программах отсутствуют реальные механизмы достижения поставленных целей.

Массовый характер принятия в регионах программ предупреждения преступлений зачастую не несет в себе превентивной составляющей. Основная проблема заключается в степени реализации данных программ и оценке эффективности предпринятых мер, их влияния на состояние преступности в отдельном субъекте Российской Федерации. В связи с этим, одним из важнейших направлений работы органов про-

⁵ См. например: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.: Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М.: НОРМА, 2001. – с. 155; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – с. 301; Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного закона – Мн.: Наука и техника, 1979 – с. 19-20; Кириков А.В. Проблемы правового обеспечения предупреждения преступлений: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08. Москва 2002. – с. 78; Рапопорт Е.А. Уголовно-правовые основы предупреждения преступлений: диссертация... кандидата юридических наук : 12.00.08. Ставрополь 2001. – с. 48; Колосова В.И. Специальные нормы уголовного законодательства в борьбе с экономическими и смежными с ними преступлениями (применение норм с «двойной превенцией и поощрительных норм) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 2 (1) и др.

куратуры является надзор за законностью расходования бюджетных средств, выделенных в обеспечение таких программ.

Вместе с тем, *важным направлением выступает взаимодействие прокуратуры с государственными органами, органами местного самоуправления* по вопросам предупреждения преступлений, поддержание инициатив общественных объединений профилактической направленности, связь со средствами массовой информации, выступления по радио, телевидению, в печати, в трудовых коллективах по вопросам профилактики преступности повышают эффективность этой работы. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. на 5,2% увеличилось число выступлений прокуроров в средствах массовой информации (1 180 609 против 1 122 512), в том числе, по вопросам борьбы с преступностью на 8,5% (382 197 против 352 173); по вопросам федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму на 1,0% (37 600 против 37 212); об исполнении законодательства о несовершеннолетних на 5,2% (88 685 против 84 316).

Основную нагрузку по предупреждению преступлений несут органы внутренних дел. В соответствии со статистическими данными о результатах работы участковых уполномоченных полиции⁶ за 2013 г. только в результате рассмотрения обращений и заявлений граждан принято 2 866 281 решений о применении к правонарушителям мер профилактического характера, что на 11,4% больше показателя предыдущего года (2573877).

Однако результаты анкетирования граждан⁷ показывают, что институт участковых уполномоченных до сих пор не достаточно эффективен. Только 23,2% опрошенных знают своего участкового, а 14,2% респондентам известно о проводимых в районе их проживания мероприятиях по предупреждению преступлений.

В 2013 г. наметилось некоторое *снижение* показателей, характеризующих результаты взаимодействия органов внутренних дел с общественными формированиями и частными охранными структурами по предупреждению преступлений, в то время как число таких обще-

ственных формирований *выросло*. Раскрываемость преступлений при участии общественных объединений снизилась на 18,4%, народных дружин – на 16,9%, внештатных сотрудников полиции – на 16,8%, охранных предприятий – на 1,4%. Количество выявленных правонарушений работниками охранно-сыскных организаций снизилось на 6,1%. На этом фоне зарегистрирован рост числа раскрытых преступлений с участием казачьих дружин на 11,9%. Одновременно в истекшем году число субъектов предупреждения преступлений *увеличилось* следующим образом: общественных формирований на 1,7%; народных и казачьих дружин на 0,8% и 8,4% соответственно; число привлеченных внештатных сотрудников полиции на 19,3%; охранных предприятий на 8,9%. Что касается штатной численности участковых уполномоченных, то за последние 5 лет она снизилась с 23 656 человек в 2009 г. до 19 710 – в 2013 г.

Представляют интерес результаты анкетирования граждан по проблеме эффективности предупреждения преступлений⁸. Так, в числе наиболее эффективных предупредительных мер, по мнению респондентов, прежде всего, были названы:

- ▶ обеспечение неотвратимости наказания, привлечение к ответственности всех лиц, совершивших преступления (89,8%);
- ▶ борьба с коррупцией в правоохранительных органах (93%);
- ▶ восстановление экономики страны, повышение уровня жизни граждан (76,8%);
- ▶ сокращение числа мигрантов – иностранцев, въезжающих на территорию страны (76,2%);
- ▶ введение уголовной ответственности за потребление наркотических средств (64,3%).

Такие меры, как установка видеочкамер в жилом секторе, на улицах, парковках и правовое воспитание населения с помощью СМИ отметили менее 20% респондентов⁹.

⁸ Респондентам было предложено выбрать по 3 варианта ответа, которые, по их мнению, могут в наибольшей мере сказаться на эффективности предупреждения преступности.

⁹ Более подробные результаты анкетирования, в том числе, и отдельного специфического контингента респондентов – лиц, страдающих наркологическими расстройствами, см. в монографии «Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков. Региональные различия», под ред. Евлановой О.А., Юрлитинформ, 2013..

⁶ См.: Форма 578 ГИАЦ МВД России «Сводный отчет по России о профилактической работе органов внутренних дел».

⁷ Анкетирование проводилось в 2013-2014 гг. Опрошено 497 граждан в Москве, Московской области, Иркутске.

В заключении следует указать, что адекватный уровень противодействия преступности не может быть обеспечен без разработки новых концептуальных подходов предупреждения преступлений в современных условиях. Организация, содержание и методы современной системы предупреждения преступлений должны коррелироваться с характером экономических отношений, условиями рыночной экономики и конституционными положениями о правах человека. По-прежнему не определены критерии оценки эффективности предупредительной дея-

тельности, круг субъектов предупреждения преступности, разграничение их функциональных обязанностей.

В этой связи представляется необходимым ускорить разработку и принятие соответствующих базовых федеральных законов, разработанных с учетом специфики причинного комплекса отдельных видов преступлений, в частности, преступлений террористического и экстремистского характера; коррупции; организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, торговли людьми, незаконной миграции.

Литература

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.: Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М.: НОРМА, 2001. – с. 155;
2. Криминология: учебник / под ред. Кудрявцева В.Н. и Эминова В.Е – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – с. 301;
3. Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного закона – Мн.: Наука и техника, 1979 – с. 19-20;
4. Кириков А.В. Проблемы правового обеспечения предупреждения преступлений: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Москва 2002. – с. 78;
5. Рапопорт Е.А. Уголовно-правовые основы предупреждения преступлений: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Ставрополь 2001. – с. 48;
6. Колосова В.И. Специальные нормы уголовного законодательства в борьбе с экономическими и смежными с ними преступлениями (применение норм с «двойной превенцией и поощрительных норм) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 2 (1);
7. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков. Региональные различия// монография, под ред. Евлановой О.А., Юрлитинформ, 2013

References

1. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Suharev A.Ia.: Kriminologicheskaja profilaktika: teoriia, opyt, problemy. – M.: NORMA, 2001. – s. 155;
2. Kriminologija: uchebnik / pod red. Kudriavtceva V.N. i. E`minova V.E – 4-e izd., pererab. i dop. – M.: Norma: Infra-M, 2010. – s. 301;
3. Sarkisova E`A. Predupreditel`naia rol` ugovnogo zakona – Mn.: Nauka i tekhnika, 1979 – s. 19-20;
4. Kirikov A.V. Problemy` pravovogo obespecheniia preduprezhdeniia prestuplenii`: dissertatcia ... kandidata iuridicheskikh nauk: 12.00.08. Moskva 2002. – s. 78;
5. Rapoport E.A. Ugolovno-pravovy`e osnovy` preduprezhdeniia prestuplenii`: dissertatcia ... kandidata iuridicheskikh nauk: 12.00.08. Stavropol` 2001. – s. 48;
6. Kolosova V.I. Spetsial`ny`e normy` ugovnogo zakonodatel`stva v bor`be s e`konomicheskimi i smezhny`mi s nimi prestupleniiami (primenenie norm s «dvoi`noi` preventciei` i pooshchritel`ny`kh norm) // Vestneyk Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2012, № 2 (1);
7. Sostoianie prestupnosti v sfere nezakonnogo oborota narkotikov. Regional`ny`e razlichiiia// monografiia, pod red. Evlanovoi` O.A., Iurlitinform, 2013

Карцхия Александр Амиранович

кандидат юридических наук, профессор, г. Москва

E-mail: arhz50@mail.ru

Интеллектуальная собственность и инновационное развитие

Экономический кризис начала XXI века вызвал к жизни новую волну инноваций. Формирование концептуально единого «правового пространства» для регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности во многом определяет эффективность самого процесса инновационного развития. По мнению автора, принципиальным концептуальным подходом является то, что краеугольным камнем, отправной точкой концепции развития должны быть нормы ГК РФ о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, на основе которых должен строиться весь массив законодательства об интеллектуальной собственности и соответствующая правоприменительная практика. Нормы ГК РФ, определяющие правовую природу и правовой режим имущественных правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, служат базой для применения модели гражданского правоотношения в комплексных имущественных отношениях в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, промышленная собственность, права интеллектуальной собственности, патент, злоупотребление правом, реторсии.

В последние десятилетия расширение сектора услуг, усиление конкуренции в результате глобализации и появление новых информационных технологий значительно ускорили темп инноваций. Интеллектуальные активы (“knowledge assets”) высокотехнологичных предприятий в настоящее время часто составляют более 90 % их рыночной капитализации. Даже в традиционных отраслях промышленности и торговли качественный состав интеллектуальные активы новых знаний все больше обеспечивает конкурентные преимущества субъектам предпринимательской деятельности. Практическое использование интеллектуальной собственности перешло на новый уровень исходя из оценки её коммерческой значимости для введения в гражданский оборот. Расширение практики лицензирования, рост экономической и товарной ценности интеллектуальной собственности как нематериальных активов увеличивает инвестиционную привлекательность активов (патентных портфелей; комплекса патентов, товарных знаков и ноу-хау; предприятий в целом) для её правообладателей.

Важным фактором современного инновационного развития стал экономический кризис начала XXI века, который, как выявили последние концептуальные исследования [1], вызвал к жизни новую волну инноваций, прежде всего в добыче углеводородов и в информационных технологиях, которые оказывают заметное влияние на формирование региональных энергетических рынков, направление товарных потоков и положение ключевых игроков рынка, таких как глобальные производители и потребители углеводородов.

Формирование концептуально единого «правового пространства» для регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности во многом определяет эффективность самого процесса инновационного развития. Следование единому концептуальному подходу при выработке стратегии развития приведет к необходимому результату. Структура законодательства, регулирующего правоотношения в сфере интеллектуальной собственности, достаточно обширна и включает правовые нормы различной отраслевой принадлежности, а также

законы и другие правовые акты комплексного характера. По мнению автора, принципиальным для концептуального подхода является то, что краеугольным камнем, отправной точкой концепции развития должны быть положения ГК РФ о результатах интеллектуальной деятельности и средствах индивидуализации и правах на них, которые должны учитываться в процессе развития всего законодательства, касающегося интеллектуальной собственности.

Нормы ГК РФ, определяющие правовую природу и основы имущественных правоотношений в сфере интеллектуальной собственности служат базой для применения модели гражданского правоотношения в комплексных имущественных отношениях интеллектуальной собственности.

Обладание высокой добавленной стоимостью определяет растущее значение инноваций, которые проявляются в разработке и внедрении новых продуктов, процессов и бизнес моделей. Как отмечается в специальном докладе комиссии ООН [2], переход от массового производства к экономике, основанной на знаниях, характеризуется наличием высоко дифференцированных продуктов с большим интеллектуальным содержанием. Эти изменения в развитии бизнеса и защиты интеллектуальной собственности в информационной экономике требуют переоценки значения охраны интеллектуальной собственности в каждой стране. Вопросы о том, как знания создаются, охраняются и используются в целях получения дохода, находятся в центре внимания при переходе к экономике, основанной на знаниях и инновациях. Особую значимость приобретают интеллектуальные активы и ресурсы в обеспечении устойчивого экономического роста и формирования государственной политики, особенно в странах с переходной экономикой.

Существование самого правового института интеллектуальной собственности имеет многогранный эффект на инновационное поведение и конкуренцию на рынке, развитие технологий и формирование бизнес-моделей правообладателей и их конкурентов. Права интеллектуальной собственности всегда рассматривались как эффективный механизм мобилизации рыночных сил, эффективного распределения ресурсов для ведения инновационной и творческой деятельности, что традиционно являлось ключевым обоснованием необходимости защиты прав интеллектуальной собственности.

Инновационное развитие, по выражению И.Шумпетера, представляющее собой «креа-

тивное разрушение» («destructive creativity») [7,с.85], которое постоянно создает новое, беспрерывно разрушая старое, является отличительной чертой капиталистической формации. Предоставление патентной и иной формы защиты объектов интеллектуальной собственности поощряет «гонку инноваций» [8,с.14], поскольку создание изобретений, ноу-хау, других результатов интеллектуальной деятельности и получение патента или иной охраны связано с жёсткой и бескомпромиссной конкуренцией изобретателей и других создателей инноваций.

В основе динамики инновационного развития лежит правовая концепция интеллектуальной собственности, концепция исключительного права, которое создает возможность закрепления результатов интеллектуальной деятельности (инноваций), плодов и доходов от их использования за конкретным правообладателем, а также обеспечивает товарооборот этих результатов в конкурентной среде. Правовой механизм интеллектуальной собственности обеспечивает признание и охрану результатов инноваций (интеллектуальной деятельности), защиту прав на них, создает правовую инфраструктуру товарного оборота интеллектуальной собственности посредством гражданского оборота прав интеллектуальной собственности. Иными словами, институт интеллектуальной собственности занимает центральное место в процессе инноваций.

Инновационный процесс первоначально представлялся как поступательное линейное движение от новой идеи, воплощаемой в изобретении, к получению коммерчески значимого продукта товара и последующее распространение инновации на рынке товаров (услуг) и технологий. Но креативную природу инноваций наиболее полно отражает инновационный цикл, заключающийся в непрерывном порождении новых инноваций, новых охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности на основе уже существующих. Инновационный цикл охватывает не только сам процесс, но и всю инфраструктуру, сопутствующую этому процессу и обеспечивающую ему успех, начиная от правового инструментария (законодательства и правоприменительной практики в области интеллектуальной собственности) и заканчивая экономическим стимулированием и государственным поощрением инноваций, подготовкой креативных инженерных кадров.

Предоставление исключительных прав дает рыночную власть правообладателю и рас-

смачивается экономистами как способность устанавливать цены выше предельных издержек производства. Но во многих случаях такая власть исключительного права в экономических, товарно-денежных отношениях сталкивается и ограничивается конкуренцией со стороны аналогичных продуктов или технологий. Тем не менее, для революционных инноваций, скажем, нового лекарственного препарата, альтернативного лечения которому не существует, монопольная рыночная власть может быть существенна. Способность компаний генерировать прибыль выше конкурентного уровня, называемую экономической рентой, является частью экономической логики установления системы правоотношений интеллектуальной собственности. Экономические рента позволяет компаниям окупить свои первоначальные инвестиции в исследования и разработки (R&D) [3, с.78-80]. Другими словами, экономическая рента лежит в основе решения проблемы присвоения результата интеллектуальной деятельности как собственности.

Отмечая современные условия развития интеллектуальной собственности, следует выделить несколько наиболее важных тенденций, влияющих на интеллектуальные права в целом и на оборот имущественных (исключительных) прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, подлежащие охране и защите в соответствии со ст. 1225, 1226 ГК РФ.

Несмотря на неравномерное восстановление экономики со времени финансового кризиса 2009 года существенно выросла в 2012 году патентная активность в мире. По данным доклада Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) [4, с.5-7], самую высокую активность в этой сфере проявляет Китай. Общее число поданных в мире патентных заявок увеличилось на 9,2%, что является самым быстрым ростом за последние 18 лет. Число заявок на регистрацию промышленных образцов выросло на 17% (самый высокий рост за всю историю наблюдений), а количество классов, указанных в заявках на товарные знаки уверенно выросло на 6%.

Среди лучших 20 национальных патентных ведомств был отмечен наибольший рост числа заявок в патентных ведомствах Китая (SIPO, +24%), Новой Зеландии (+14,3%), Мексики (+9%), Соединенных Штатов (USPTO, +7,8%) и Российской Федерации (+6,8%). Рост заявок резидентов был движущей силой общего роста в Китае, Российской Федерации и США. Отмечен уверенный рост на 5-7 % ежегодно подачи меж-

дународных заявок по Договору о патентной кооперации (РСТ). Общее число таких заявок выросло в два раза с 2000 года и составило 195 308 заявок. В 2012 году впервые Китай стал мировым лидером по числу поданных национальными резидентами патентных заявок (560 681 заявок), опередив по этому показателю Японию (486 070 патентных заявок), США (460 276 патентных заявок). Всего патентное ведомство Китая (SIPO) получило 652 777, патентное ведомство США (USPTO) 542 815, и 342 796 – патентное ведомство Японии (JPO).

В 2012 году впервые число регистраций товарных знаков (торговых марок) по всему миру превысило один миллион (694 200 выданных резидентам и 439600 – нерезидентам) при ежегодных темпах прироста в последние году в 10-13%. В совокупности на патентные ведомства Китая, США и Японии пришлось до 80% роста регистраций торговых марок в 2012 году.

По данным [4, с.7-9], представленным патентными ведомствами 82 стран, в 2012 году в мире действовало 8, 66 млн. патентов, включая США (USPTO- 2, 24 млн. патентов, по-прежнему IP офис США обладает наибольшим количеством действующих патентов), патентные ведомства Японии (JPO) – 1,7 млн. патентов и Китая (SIPO) – 0,9 млн. В последние годы разрыв между JPO и USPTO, с одной стороны, и SIPO с другой, сузился в связи с существенным ростом действующих патентов в SIPO. В 2012 году на патентовладельцев-нерезидентов приходилась значительная доля патентов, действующих в SIPO (45,9%) и USPTO (48,4%). В противоположность этому, только 13,6% всех патентов, действующих в JPO, принадлежат нерезидентам. В 2012 году насчитывалось примерно 24 млн. торговых марок, зарегистрированных в патентных ведомствах 74 стран мира. Из них: Китай – 6,4 млн. торговых марок, Япония- 1,78 млн. и США – 1,80 млн.

В 2012 году, по данным оценок патентных ведомств 86 стран было зарегистрировано и действовало 2,71 млн. промышленных образцов, из них в Китае – более 1,1 млн. регистраций (41,8% от мирового объема), США, Ю.Корея и Япония – 0,25-0,27 млн. регистраций в каждой стране. Ряд европейских стран, таких как Австрия, Германия, Польша и Великобритания, сообщили об уменьшении общего количества действующих регистраций промышленного дизайна в 2012 году по сравнению с 2011 годом.

Следует отметить, что значимость патентов варьируется в различных отраслях промышлен-

ности. Как отмечается в ряде недавних докладов ВОИС [3, с.86,92; 4, с.66,69], в отраслях с коротким жизненным циклом продукта – например, электроника – патенты могут иметь меньшее значение, поскольку патентуемые технологии могут морально устаревать ко времени выдачи патента. И напротив, патентная защита является критически важным фактором в химической и фармацевтической промышленности. Это связано с долгосрочным процессом исследований и разработок (R & D) в этих отраслях, в сочетании с тем, что химические и фармацевтические продукты могут быть легко скопированы после появления на рынке.

Коммерческая привлекательность патентов в различных отраслях достаточно вариативна, также как и интерес изобретателей к патентованию в различных сферах. К примеру, на компьютерные технологии приходится наибольшая доля патентных заявок, происходящих в Канаде и США. Швейцарии и Великобритании, как правило, подают большое количество заявок на фармацевтические препараты. Во Франции и Германии на долю транспорта приходилось наибольшая доля общего числа заявок, в Японии подано наибольшее количество заявок по электрическим машинам, а в Нидерландах наибольший удельный вес заявок на аудио-визуальные технологии Нидерланды.

Для измерения инновационного потенциала той или иной страны рассчитывается индекс относительной специализации страны (RSI), который определяет степень концентрации изобретательской активности в конкретных областях техники. Индекс показывает, к примеру, что Бразилия, Нидерланды, Германия, Бельгия и Швейцария имеют высокую концентрацию заявок в основной химии материалов, Израиль – в компьютерной и медицинской технике, а Австрия, Бельгия, Китай и Россия имеют выше средней концентрацию заявок в металлургических технологиях. Европейские страны, такие как Франция, Германия, Швеция, Италия и Испания, имеют более высокие акции применения в технологии связанной с транспортом. Япония, Республика Корея и Сингапур имеют самую высокую значимость RSI для полупроводников.

Рост коммерческой ценности интеллектуальной собственности сопровождается унификацией национального законодательства в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. Процесс унификации законодательства и в определенной степени унификации различных систем права проходит в условиях

общей глобализации экономических, торговых, политических и социальных отношений, что можно увидеть на примере формирования системы законодательства и правоприменительной практики в сфере интеллектуальной собственности на базе базовых норм и единообразных правил, содержащихся в международных многосторонних договорах (конвенциях) по вопросам интеллектуальной собственности.

Очевидно, что унификация частного права различных государств составляет «закономерность развития частного права» [5, с.54], а сама унификация как процесс и результат означает не только создание «полностью аутентичных текстов норм, действующих в разных правовых порядках, но и приведение таких норм к той или иной степени единообразия» [5, с.55] – от полного сходства до словесного совпадения. Это особенно наглядно можно увидеть при исследовании генезиса развития международного и национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

При этом, необходимо исходить из того, что право интеллектуальной собственности в объективном смысле представляет собой комплексный правовой институт, объединяющий нормы частного и публичного права и основанный на общих принципах соблюдения прав человека на свободу самовыражения и творческой деятельности. В этом смысле, правовой институт интеллектуальной собственности системно объединяет нормы частного гражданского права об интеллектуальных правах (о личных неимущественных и имущественных (исключительных) правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации товаров, работ, услуг и юридических лиц), а также включает правовые средства (механизм) защиты этих прав. Комплексный механизм правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности включает также сферу стимулирования творческой и научно-технической деятельности, правовые нормы, обеспечивающие стабильность торгово-экономического и гражданского оборота интеллектуальной собственности, включая нормы о защите конкуренции, нормы таможенного контроля и борьбы с контрафактной продукцией, а также положения международных конвенций и соглашений, определяющих общие стандарты охраны и защиты прав интеллектуальной собственности.

В то же время, процесс глобализации носит многоплановый характер, не всегда имеющий только позитивную направленность. Глобализа-

ция торгово-экономических отношений связана с формированием и укреплением могущества крупных транснациональных корпораций, банков и их глобальных альянсов, которые «по своему финансово-экономическому потенциалу уже сегодня превосходят почти все национальные государства...и...нередко пытаются диктовать и собственному государству, и другим странам внутреннюю и внешнюю политику и законодательные установления»[6]. Глобализация оказывает сильнейшее давление на современный

международный правовой порядок, на национальный суверенитет государства стремлением в отдельных случаях решить собственные проблемы за счет других.

Тем не менее, конфронтационная модель поведения, в последние годы все чаще встречающаяся в мировой практике никому не дает преимуществ и лишь усугубляет конфликты. Решение возможно одно – действия в правовом поле с добросовестными намерениями при взаимном согласии, учитывая интересы всех сторон.

Литература

1. Глобальная перестройка. /отв. ред. акад. А.А. Дынкин, акад. Н.И. Иванова / ИМЭМО РАН. (автор –Дынкин А.А.) – М.: Весь Мир, 2014. С. – 8-9.
2. Intellectual Property Commercialization: Policy Options and Practical Instruments. United Nations Economic Commission for Europe. United Nations, New York and Geneva, 2011. С.6 Источник: <http://www.unece.org>.
3. WIPO. World Intellectual Property Report 2011: The Changing Face of Innovation. 2011. Источник: www.wipo.int.
4. World Intellectual Property Indicators 2013. WIPO. Источник: www.wipo.int/ipstats
5. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова.(автор -Л.А. Трахтенгерц) М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012. Источник: СПС КонсультантПлюс.
6. В. Зорькин (Председатель Конституционного суда РФ). Кризис международного права: современный контекст.//Российская газета, 20.06.2014. Интернет ресурс: <http://www.rg.ru/2014/06/19/zorkin-poln.html>
7. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. /Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.
8. Gollin M.A. Driving Innovation. Intellectual Property Strategies for a Dynamic World. Cambridge University Press. 2008. <http://bookree.org>.

References

1. Global`naia perestroika. /otv. red. akad. A.A. Dy`nkin, akad. N.I. Ivanova / IME`MO RAN. (avtor –Dy`nkin A.A.) – M.: Ves` Mir, 2014. S. – 8-9.
2. Intellectual Property Commercialization: Policy Options and Practical Instruments. United Nations Economic Commission for Europe. United Nations, New York and Geneva, 2011. С.6 Источник: <http://www.unece.org>.
3. WIPO. World Intellectual Property Report 2011: The Changing Face of Innovation. 2011. Источник: www.wipo.int.
4. World Intellectual Property Indicators 2013. WIPO. Istochnik: www.wipo.int/ipstats
5. Problemy` unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava: monografiia / N.V. Vlasova, N.G. Doronina, T.P. Lazareva i dr.; otv. red. A.L. Makovskii`, I.O. KHlestova.(avtor -L.A. Trakhtengerc) M.: IZiSP, Iurisprudentciia, 2012. Istochnik: SPS Konsul`tantPlius.
6. V. Zor`kin (Predsedatel` Konstitucionnogo suda RF). Krizis mezhdunarodnogo prava: sovremennyi` kontekst.//Rossii`skaia gazeta, 20.06.2014. Internet resurs: <http://www.rg.ru/2014/06/19/zorkin-poln.html>
7. Shumpeter G.A. Kapitalizm, Sotcializm i Demokratiia: Per. s angl. /Predisl. i obshch. red. V.S. Avtonomova. – M.: E`konomika, 1995.
8. Gollin M.A. Driving Innovation. Intellectual Property Strategies for a Dynamic World. Cambridge University Press. 2008. <http://bookree.org>.

Каменева Зоряна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, г. Москва

E-mail: kafedra38@yandex.ru

Преимущественные права по наследственному законодательству

Статья посвящена исследованию понятия и видов преимущественных прав.

Под преимущественными наследственными правами следует понимать возможности наследника по особым основаниям и условиям приобрести право собственности на некоторые виды имущества, входящего в состав наследства.

Виды преимущественных прав определяются правовым положением наследника, обстоятельствами его характеризующими и правовым режимом наследства.

Условия осуществления наследственных преимущественных прав нами понимается в виде особых обстоятельств, при наличии которых возможно осуществление этих прав: приобретение наследства. К таким условиям необходимо отнести обстоятельства, характеризующие правовой режим наследства и правовое положение наследника: неделимость вещи, входящей в состав наследства, и наличие режима совместной собственности на нее; постоянное пользование; предметы обычной домашней обстановки и обихода и совместное проживание наследника с наследодателем; наличие в составе наследства предприятия и предпринимательская деятельность наследника; наличие в составе наследства крестьянского хозяйства и членство наследника в этом хозяйстве и другие.

Надо полагать, что установление преимущественных наследственных прав вызвано объективной необходимостью и является эффективной мерой осуществления наследственных прав.

Ключевые слова: *преимущественные права, наследник, правовое положение наследника, правовой режим наследства, условия осуществления наследственных прав, виды преимущественных наследственных прав, неделимая вещь, совместная собственность, постоянное пользование, индивидуальный предприниматель.*

Российскому дореволюционному и советскому наследственному праву преимущественные права известны не были. По справедливому мнению О.Е. Блинкова, С.Е. Никольского, преимущественные права, как самостоятельная группа прав, впервые сформировались в связи с принятием Гражданского кодекса РФ. Однако, как отмечает М.Л. Ковалева, при этом единая концепция преимущественных прав в наследственных правоотношениях в современной цивилистике так и не сформировалась.

По мнению Е.А. Ходыревой, преимущественные права наследника – это субъективные гражданские права, предоставляющие наследнику приоритетную возможность приобретения определенного законом объекта наследования в его собственность перед другими наследниками, не обладающими установленным законом статусом.

Нам представляется, что преимущественные права – это возможности наследника по особым основаниям и условиям приобрести право собственности на некоторые виды имущества, входящего в состав наследства.

Российское гражданское законодательство закрепляет преимущественные права наследников в ст.ст. 1168, 1169, 1178 и ч.2 ст. 1179 ГК РФ.

Виды преимущественных прав определяются правовым положением наследника и правовым режимом наследства.

При разграничении преимущественных наследственных прав по наследнику, значение имеет наличие совместной собственности с наследодателем, ведение совместного с наследодателем хозяйства, осуществление предпринимательской деятельности или участие в крестьянском (фермерском) хозяйстве.

При разграничении преимущественных наследственных прав по наследуемому имуществу значение имеет вид имущества: неделимая вещь, предметы обычной домашней обстановки и обихода, предприятие либо фермерское хозяйство.

Представляется, что можно выделить следующие виды преимуществ:

- преимущества на неделимые вещи;
- преимущества на предметы обычной домашней обстановки и обихода;
- преимущества на имущественные комплексы, составляющие предприятие и фермерское хозяйство¹.

Условия осуществления преимущественных прав есть обстоятельства, наличие которых позволяет наследнику приобрести наследство по основаниям, отличным от обычных оснований.

Эти условия различаются в зависимости от вида имущества, входящего в состав наследства, и права, которое может быть осуществлено в преимущественном порядке.

Преимущественное право на неделимую вещь при разделе наследства закреплено в ст. 1168 ГК РФ. Неделимой является вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав. Вещь является неделимой и в том случае, если она имеет составные части. Замена одних составных частей неделимой вещи другими составными частями не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются (ч.1, 2 ст. 133 ГК РФ).

По справедливому мнению Вишняковой А.В., неделимыми можно признать и такие вещи, раздел которых в натуре хотя и возможен, однако влечет существенное ухудшение их технического состояния либо снижение материальной или художественной ценности. Данная позиция соответствует судебной практике. Так, в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что «в соответствии с пунктом 3 статьи 252 суд вправе отказать в иске участнику долевой собственности о выделе его доли в натуре, если выдел невозможен без несоизмеримого ущерба имуществу, находящемуся в общей собственности. Под таким ущербом следует понимать невозможность использования

имущества по целевому назначению, существенное ухудшение его технического состояния либо снижение материальной или художественной ценности (например, коллекция картин, монет, библиотеки), неудобство в пользовании и т.п.»²

В силу ч. 1 указанной ст.1168 ГК РФ, наследник, обладавший совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь (ст. 133 ГК РФ), доля в праве на которую входит в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли вещи, находившейся в общей собственности, перед наследниками, которые ранее не являлись участниками общей собственности, независимо от того, пользовались они этой вещью или нет.

Частью 2 ст. 1168 ГК РФ предусмотрено, что наследник, постоянно пользовавшийся неделимой вещью (ст. 133 ГК РФ), входящей в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли этой вещи перед наследниками, не пользовавшимися этой вещью и не являвшимися ранее участниками общей собственности на нее.

В соответствии с ч. 3 ст. 1168 ГК РФ, если в состав наследства входит жилое помещение (жилой дом, квартира и тому подобное), раздел которого в натуре невозможен, при разделе наследства наследники, проживавшие в этом жилом помещении ко дню открытия наследства и не имеющие иного жилого помещения, имеют перед другими наследниками, не являющимися собственниками жилого помещения, входящего в состав наследства, преимущественное право на получение в счет их наследственных долей этого жилого помещения.

Нормы наследственного права о преимуществах были разъяснены Пленумом Верховного Суда Российской Федерации с целью формирования единообразной судебной практики по применению законодательства, регулирующего наследственные отношения.

Так, пунктом 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что «преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящих в состав наследства неделимой вещи, жилого помещения, раздел которого в натуре невозможен, имеют:

¹ Блинков О.Е., Никольский С.Е. Преимущественные права в наследственном праве России и зарубежных стран: Монография. М.: Юрист, 2006.

² Ковалева М.Л. Особенности преимущественных прав членов семьи в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2012. №2. С. 24 – 30.

1) наследники, обладавшие совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, в том числе на жилое помещение, не подлежащее разделу в натуре, которые могут воспользоваться этим правом преимущественно перед всеми другими наследниками, не являвшимися при жизни наследодателя участниками общей собственности на неделимую вещь, включая наследников, постоянно пользовавшихся ею, и наследников, проживавших в жилом помещении, не подлежащем разделу в натуре;

2) наследники, не являвшиеся при жизни наследодателя участниками общей собственности на неделимую вещь, однако постоянно пользовавшиеся ею ко дню открытия наследства (помимо случаев неправомерного пользования чужой вещью, осуществлявшегося без ведома собственника или вопреки его воле), которые могут воспользоваться этим правом преимущественно перед другими наследниками лишь при отсутствии наследников, обладавших совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, а при наследовании жилого помещения, не подлежащего разделу в натуре, также при отсутствии наследников, проживавших в нем ко дню открытия наследства и не имеющих иного жилого помещения;

3) наследники, проживавшие ко дню открытия наследства в переходящем по наследству жилом помещении, не подлежащем разделу в натуре, и не имеющие иного жилого помещения, принадлежащего на праве собственности или предоставленного по договору социального найма, которые могут воспользоваться этим правом преимущественно перед другими наследниками лишь при отсутствии наследников, обладавших совместно с наследодателем правом общей собственности на наследуемое жилое помещение.

Указанные лица вправе отказаться от осуществления преимущественного права при разделе наследства на получение в счет своей наследственной доли входящих в состав наследства неделимой вещи, жилого помещения, раздел которого в натуре невозможен. В этом случае раздел наследства производится по общим правилам»³.

Преимущественное право на предметы обычной домашней обстановки и обихода при разделе наследства закреплено в ст. 1169 ГК РФ. В соответствии с ней, наследник, проживавший на день открытия наследства совместно с насле-

додателем, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли предметов обычной домашней обстановки и обихода.

Представляет интерес отграничение предметов обычной домашней обстановки и обихода от иных предметов.

Так, в п. 53. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что «предметы обычной домашней обстановки и обихода входят в состав наследства и наследуются на общих основаниях.

Преимущественное право на предметы обычной домашней обстановки и обихода принадлежит наследнику, проживавшему совместно с наследодателем на день открытия наследства, вне зависимости от продолжительности совместного проживания.

Спор между наследниками по вопросу о включении имущества в состав таких предметов разрешается судом с учетом конкретных обстоятельств дела (в частности, их использования для обычных повседневных бытовых нужд исходя из уровня жизни наследодателя), а также местных обычаев. При этом антикварные предметы, предметы, представляющие художественную, историческую или иную культурную ценность, независимо от их целевого назначения к указанным предметам относиться не могут. Для разрешения вопроса об отнесении предметов, по поводу которых возник спор, к культурным ценностям суд назначает экспертизу (ст. 79 ГПК РФ)».

Таким образом, на антикварные предметы, предметы, представляющие художественную, историческую или иную культурную ценность, не смотря на их использование для обычных повседневных бытовых нужд, преимущественное право получения в качестве наследственного имущества одних наследников перед другими, возникнуть не может

При осуществлении преимущественного права на получение некоторых видов имущества одних наследников перед другими может возникнуть ситуация, когда получаемое ими имущество будет несоразмерно долям в наследстве.

Если соглашением между всеми наследниками не установлено иное, осуществление кем-либо из них преимущественного права возможно после предоставления соответствующей компенсации другим наследникам.

Несоразмерность наследственного имущества, о преимущественном праве на получение которого заявляет наследник, с наследственной

³ Ходырева Е.А. Преимущественные права в наследственных отношениях // Цивилист. 2009. №2.

долей этого наследника устраняется передачей этим наследником остальным наследникам другого имущества из состава наследства или предоставлением иной компенсации, в том числе выплатой соответствующей денежной суммы⁴.

Компенсация несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей предусмотрена ст. 1170 ГК РФ.

По данному вопросу в п. 54 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что «компенсация несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей, возникающей в случае осуществления наследником преимущественного права, установленного ст. 1168 или ст. 1169 ГК РФ, предоставляется остальным наследникам, которые не имеют указанного преимущественного права, независимо от их согласия на это, а также величины их доли и наличия интереса в использовании общего имущества, но до осуществления преимущественного права (если соглашением между наследниками не установлено иное). При этом суд вправе отказать в удовлетворении указанного преимущественного права, установив, что эта компенсация не является соразмерным возмещением наследственных долей остальных наследников, которые не имеют такого преимущественного права, или ее предоставление не является гарантированным.

Судам надлежит также учитывать, что при осуществлении преимущественного права на неделимую вещь (статья 133 ГК РФ), включая жилое помещение, в силу п. 4 ст. 252 ГК РФ указанная компенсация предоставляется путем передачи другого имущества или выплаты соответствующей денежной суммы с согласия наследника, имеющего право на ее получение, тогда как при осуществлении преимущественного права на предметы обычной домашней обстановки и обихода выплата денежной компенсации не требует согласия такого наследника.

Раздел наследства между наследниками, одновременно обладающими преимущественным правом при разделе наследства на основании статей 1168 и 1169 ГК РФ, производится по общим правилам».

В силу ст. 1178 ГК РФ, при наследовании предприятия наследник, который на день открытия наследства зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, или ком-

мерческая организация, которая является наследником по завещанию, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящего в состав наследства предприятия (ст. 132 ГК РФ) с соблюдением правил ст. 1170 ГК РФ.

Часть 2 ст. 1179 ГК РФ предусматривает, что если наследник умершего члена крестьянского (фермерского) хозяйства сам членом этого хозяйства не является, он имеет право на получение компенсации, соразмерной наследуемой им доле в имуществе, находящемся в общей совместной собственности членов хозяйства. Срок выплаты компенсации определяется соглашением наследника с членами хозяйства, а при отсутствии соглашения судом, но не может превышать один год со дня открытия наследства. При отсутствии соглашения между членами хозяйства и указанным наследником об ином доля наследодателя в этом имуществе считается равной долям других членов хозяйства. В случае принятия наследника в члены хозяйства указанная компенсация ему не выплачивается.

Из указанной нормы вытекает, что члены крестьянского (фермерского) хозяйства наследуют за наследодателем его долю в преимущественном порядке.

Следует отметить, что преимущественное право может осуществляться только в том случае, когда на одно и то же имущество из наследственной массы претендуют два или более наследников. Так, по мнению С.Е. Никольского «само по себе призвание к наследованию нескольких наследников, один из которых обладает преимущественным правом на получение в счет своей наследственной доли какого-либо имущества, еще не означает, что указанное преимущественное право будет реализовано. Ведь, поскольку преимущественное право означает привилегию перед обычным правом, следует, что для его реализации необходимо наличие двух и более наследников (один из которых наделен преимущественным правом), а также наличие заинтересованности этих наследников в получении в счет своей наследственной доли именно того наследственного имущества. Иными словами, для реализации преимущественного права необходимо противостояние правопритязаний нескольких наследников на определенное наследственное имущество».

Таким образом, основным условием реализации права на преимущество является наличие спора о праве на одно и то же наследственное имущество в отношении которого могут быть

⁴ Абраменков М.С. Раздел наследственного имущества и оформление прав на него // Наследственное право. 2014. №2. С. 23–28.

реализованы права на его преимущественное получение.

Как нам представляется, условиями осуществления преимущественных прав являются:

- неделимость вещи и нахождение ее на день открытия наследства в совместной собственности наследодателя и наследника;
- неделимость вещи, отсутствие права совместной собственности наследодателя и наследников, и постоянное пользование на законных основаниях наследника данной вещью на день открытия наследства;
- невозможность раздела жилого помещения в натуре, отсутствие права совместной собственности наследодателя и наследников, и постоянное пользование на законных основаниях наследника данным жилым помещением;
- наследственное имущество (полностью или в части) является предметами обычной домашней обстановки и обихода и наследодатель и наследник проживали на день открытия наследства совместно;
- наследственное имущество является предприятием, наследник на день открытия наследства зарегистрирован индивидуальным предпринимателем, либо является коммерческой организацией (в случае если является наследником по завещанию);
- наследственное имущество является крестьянским (фермерским) хозяйством, наследник является членом крестьянским (фермерским) хозяйством;
- выплата компенсации другим наследникам в случае несоразмерности доли в наследстве и имущества получаемого в преимущественном порядке.

Проиллюстрируем применение рассмотренных нами норм наследственного права о преимущественных правах примером из судебной практики.

Апелляционным определением Московского городского суда от 20.06.2014 по делу N 33-14582 решение Солнцевского районного суда г. Москвы от 12 марта 2014 года отменено. По делу принять новое решение. За Б.Т.В. признано право собственности на 1/8 долю квартиры. Прекращено право собственности несовершеннолетнего Б.В.С. на 1/8 долю квартиры. С Б.Т.В. в пользу несовершеннолетнего Б.В.С. взыскана денежная компенсация за 1/8 долю квартиры.

Принимая решение по делу, судебная коллегия по гражданским делам Московского город-

ского суда указала следующее: «В соответствии со ст. 133 ГК РФ, вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части. Замена одних составных частей неделимой вещи другими составными частями не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются. Взыскание может быть обращено на неделимую вещь только в целом, если законом или судебным актом не установлена возможность выделения из вещи ее составной части, в том числе в целях продажи ее отдельно. Отношения по поводу долей в праве собственности на неделимую вещь регулируются правилами гл. 16 ГК РФ, ст. 1168 ГК РФ.

Наследник, обладавший совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь (ст. 133 ГК РФ), доля в праве на которую входит в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли вещи, находившейся в общей собственности, перед наследниками, которые ранее не являлись участниками общей собственности, независимо от того, пользовались они этой вещью или нет (ч. 1 ст. 1168 ГК РФ).

Наследник, постоянно пользовавшийся неделимой вещью (ст. 133 ГК РФ), входящей в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли этой вещи перед наследниками, не пользовавшимися этой вещью и не являвшимися ранее участниками общей собственности на нее (ч. 2 ст. 1168 ГК РФ).

Если в состав наследства входит жилое помещение (жилой дом, квартира и тому подобное), раздел которого в натуре невозможен, при разделе наследства наследники, проживавшие в этом жилом помещении ко дню открытия наследства и не имеющие иного жилого помещения, имеют перед другими наследниками, не являющимися собственниками жилого помещения, входящего в состав наследства, преимущественное право на получение в счет их наследственных долей этого жилого помещения (ч. 3 ст. 1168 ГК РФ).

Несоразмерность наследственного имущества, о преимущественном праве на получение которого заявляет наследник на основании ст. 1168 ГК РФ или ст. 1169 ГК РФ, с наследственной долей этого наследника устраняется передачей этим наследником остальным наследникам

другого имущества из состава наследства или предоставлением иной компенсации, в том числе выплатой соответствующей денежной суммы (ч. 1 ст. 1170 ГК РФ).

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 52 и п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании», преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящих в состав наследства неделимой вещи, жилого помещения, раздел которого в натуре невозможен, имеют наследники, обладавшие совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, в том числе на жилое помещение, не подлежащее разделу в натуре, которые могут воспользоваться этим правом преимущественно перед всеми другими наследниками, не являвшимися при жизни наследодателя участниками общей собственности на неделимую вещь, включая наследников, постоянно пользовавшихся ею, и наследников, проживавших в жилом помещении, не подлежащем разделу в натуре. Наследники, проживавшие ко дню открытия наследства в переходящем по наследству жилом помещении, не подлежащем разделу в натуре, и не имеющие иного жилого помещения, принадлежащего на праве собственности или предоставленного по договору социального найма, могут воспользоваться этим правом преимущественно перед другими наследниками лишь при отсутствии наследников, обладавших совместно с наследодателем правом общей собственности на наследуемое жилое помещение.

Компенсация несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей, возникающей в случае осуществления наследником преимущественного права, установленного ст. 1168 ГК РФ или ст. 1169 ГК РФ, предоставляется остальным наследникам, которые не имеют указанного преимущественного права, независимо от их согласия на это, а также величины их доли и наличия интереса в использовании общего имущества, но до осуществления преимущественного права (если соглашением между наследниками не установлено иное). При этом суд вправе отказать в удовлетворении указанного преимущественного права, установив, что эта компенсация не является соразмерным возмещением наследственных долей остальных наследников, которые не имеют такого преимущественного права, или ее предоставление не является гарантированным.

Как указано выше и следует из материалов дела, на момент открытия наследства истец Б.Т.В. постоянно проживала в спорной квартире и проживает в ней в настоящее время; ее доля собственности в квартире равна 1/2; иного жилого помещения для постоянного проживания она не имеет; в то время, как Б.В.С. в спорной квартире ко дню открытия наследства после смерти отца не проживал и сособственником спорной квартиры не являлся; постоянно проживал в другом жилом помещении по адресу: <...>; в натуре выделить приходящуюся на него 1/8 долю (9,15 кв.м. *общей площади*, 5,53 кв.м. *жилой площади*) в жилом помещении нельзя; истец Б.Т.В. гарантировала путем внесения денежных средств в сумме <...> руб. на счет Управления Судебного департамента г. Москвы предоставление ответчику Б.В.С. компенсации стоимости его 1/8 доли квартиры, размер которой ответчиком не оспорен.

С учетом установленных по делу фактических обстоятельств, суд первой инстанции при разрешении спора должен был руководствоваться положениями ст. 1168 ГК РФ, что им сделано не было.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска Б.Т.В., суд первой инстанции не учел, что наследник, обладавший совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, реализует преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящего в состав наследства имущества вне зависимости от размера доли другого наследника, не являвшегося ранее сособственником, в наследственном имуществе.

В связи с этим постановленное по делу решение судебная коллегия не может признать законным и обоснованным, оно подлежит отмене с вынесением нового решения об удовлетворении иска Б.Т.В.»⁵

Нам представляется, что установление преимущественных прав является эффективной мерой, позволяющей, в частности, разрешить конфликт между наследниками. Вместе с тем, механизм осуществления преимущественных наследственных прав нуждается в совершенствовании. Так, следовало бы при наличии нескольких из наследников, обладающих преимущественными правами, установить между ними очередность осуществления этих прав в зависимости от их правового положения; при наличии среди наследников несовершеннолетних детей,

⁵ Вишнякова А.В. Семейное и наследственное право: учебное пособие / отв. ред. В.М. Хинчук. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010.

недееспособных лиц, привлекать к осуществлению этих прав помимо органов опеки и попечительства, соответственно уполномоченного по правам ребенка и правам человека; при установлении доверительного управления наследством, которое по своему правовому режиму опреде-

ляет преимущества одного наследника перед другим в качестве доверительного управления привлекать некоммерческие юридические лица, либо индивидуальные предприниматели и ограничить срок доверительного управления сроком принятия наследства для основных наследников.

Литература

1. Абраменков М.С. Раздел наследственного имущества и оформление прав на него // *Наследственное право*. 2014. № 2. С. 23 – 28.
2. Беспалов Ю.Ф., Беспалова А.Ю. Дела о наследовании: некоторые спорные вопросы правоприменения. Москва: Проспект, 2012.
3. Блинков О.Е., Никольский С.Е. Преимущественные права в наследственном праве России и зарубежных стран: Монография. М.: Юрист, 2006. 203 с.
4. Вишнякова А.В. Семейное и наследственное право: учебное пособие / отв. ред. В.М. Хинчук. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 384 с.
5. Ковалева М.Л. Особенности преимущественных прав членов семьи в наследственных правоотношениях // *Наследственное право*. 2012. № 2. С. 24 – 30.
6. Никольский С.Е. Условия осуществления преимущественных прав наследника // *Наследственное право*. 2006. № 1.
7. Ходырева Е.А. Преимущественные права в наследственных отношениях // *Цивилист*. 2009. N 2.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*, N 9, 1996, № 5, 1997
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*, № 7, июль, 2012.

References

1. Abramenkov M.S. Razdel nasledstvennogo imushchestva i oformlenie prav na nego // *Nasledstvennoe pravo*. 2014. N 2. S. 23–28.
2. Bepalov Iu.F., Bepalova A.Iu. Dela o nasledovanii: nekotory`e sporny`e voprosy` pravoprimereniia. Moskva: Prospekt, 2012.
3. Blinkov O.E., Nikol`skii` S.E. Preimushchestvenny`e prava v nasledstvennom prave Rossii i zarubezhny`kh stran: Monografiia. M.: Iurist, 2006. 203 s.
4. Vishniakova A.V. Semei`noe i nasledstvennoe pravo: uchebnoe posobie / otv. red. V.M. Hinchuk. M.: Kontrakt, Volters Cluver, 2010. 384 s.
5. Kovaleva M.L. Osobennosti preimushchestvenny`kh prav chlenov sem`i v nasledstvenny`kh pravootnosheniakh // *Nasledstvennoe pravo*. 2012. N 2. S. 24 – 30.
6. Nikol`skii` S.E. Usloviia osushchestvleniia preimushchestvenny`kh prav naslednika // *Nasledstvennoe pravo*. 2006. № 1.
7. Hody`reva E.A. Preimushchestvenny`e prava v nasledstvenny`kh otnosheniakh // *Tcivilist*. 2009. № 2.
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF N 6, Plenuma VAS RF N 8 ot 01.07.1996 «O nekotory`kh voprosakh, sviazanny`kh s primeneniem chasti pervoi` Grazhdanskogo kodeksa Rossii`skoi` Federacii» // *Biulleten` Verhovnogo Suda RF*, N 9, 1996, N 5, 1997
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2012 N 9 «O sudebnoi` praktike po delam o nasledovanii» // *Biulleten` Verhovnogo Suda RF*, № 7, iul', 2012.

Козлова Елена Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, г. Москва

E-mail: kozlova@urexpert.ru

Новеллы градостроительного законодательства в свете реформы института недействительности сделок

В статье рассматриваются проблемы недействительности новых гражданско-правовых договоров, возникших в связи с внесением изменений в законодательство, регулирующее градостроительную деятельность, в свете произошедшего реформирования института недействительности сделок. В частности исследуются вопросы недействительности данных договоров, связанные с изменениями, внесенными в ст. 168 ГК РФ, сменой презумпции ничтожности недействительных сделок по основанию противоречия их закону или иному правовому акту на презумпцию оспоримости. Рассматриваются вопросы наличия публичного интереса в соответствующих договорных отношениях и возникающие в связи с этим проблемы, связанные с недействительностью данных договоров. Делается общий вывод об актуализации в современных условиях теории интереса при разделении права на публичное и частное, о необходимости изучения частных и публичных начал в договорном праве, а также о необходимости законодательного закрепления дефиниции публичного интереса.

Ключевые слова: *договоры, опосредующие освоение территорий; публичный интерес в договорных отношениях; недействительность сделок; оспоримость договора; ничтожность договора*

Известный французский ученый Жан-Луи Бержелль в своем труде «Общая теория права» справедливо утверждал, что первый фактор исполняемости права заключается в удобовариантности определений. Право, использующее недостаточно корректные определения, не будет исполнимым в том смысле, что в процессе его применения будут возникать сомнения и споры, порождающие юридическую необеспеченность [1, с. 342-343].

Реформа института недействительности сделок, в частности, изменения, внесенные в ст. 168 ГК РФ, и развитие договорного права, которое было опосредовано внесением изменений в градостроительное законодательство, заставляют в очередной раз задуматься о таком правовом понятии как «публичный интерес».

Правовые понятия представляют собой объективно необходимые категории юридического мышления [3, с. 16], среди которых по мнению видного немецкого правоведа и социолога Густава Радбруха выделяются два вида:

- ▶ понятия, опосредованные правом – это понятия, из которых формируются правовые нормы, особенно понятия, которые составляют суть закона, но которые требуют разъяснения путем толкования;
- ▶ истинные правовые понятия (конструктивные) – понятия, формирующие и систематизирующие понятия, посредством которых определяется нормативное содержание правовой нормы [10, с. 136].

Такое понятие как «публичный интерес» в настоящее время можно отнести к истинным правовым понятиям, определяющим содержание правовой нормы.

Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» ст. 168 ГК РФ «Недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта» была изложена в новой редакции, и презумпция ничтожности не-

действительных по данному основанию сделок была заменена презумпцией оспоримости.

Такое решение законодателя планировалось. Концепция совершенствования общих положений ГК РФ, подготовленная в соответствии с п. 3 Указа Президента РФ от 18.07.2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» и рекомендованная Президиумом Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ протоколом № 2 от 11.03.2009 г. к опубликованию в целях обсуждения, отметила, что сложившейся практикой применения ст. 168 ГК РФ стабильность и предсказуемость гражданского оборота поставлены под серьезную угрозу. Имелись в виду случаи, когда несоответствие сделки тем или иным положениям закона не могло выступать основанием для столь существенной негативной оценки сделки со стороны правопорядка, как признание ее ничтожной.

Концепция развития гражданского законодательства РФ, одобренная на заседании Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ 07.10.2009 г. в свою очередь указывала на то, что изменение законодательства должно быть направлено на сокращение легальных возможностей признавать сделки недействительными во всех случаях, когда недействительность сделки как гражданско-правовая санкция является неоправданной и явно несоразмерной характеру и последствиям допущенных при совершении сделки нарушений.

В новой редакции ст. 168 ГК РФ ничтожной по общему правилу является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

Единой точки зрения по вопросу определения термина «публичный интерес» в юридической науке до настоящего времени не сложилось [6, с. 22-29], в связи с чем предлагается сначала принять дефиницию: публичный интерес – это общественный интерес, разделяемый государством, поощряемый им путем предоставления для этого специальных возможностей и средств, либо ограничения установлением общих правовых рамок и способов его достижения [13, с. 39].

Но внесение изменений в ст. 168 ГК РФ настоятельно требует законодательного определения данного понятия и особенно актуализируют этот вопрос изменения, внесенные в градостроительное законодательство.

Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Градостроительный кодекс РФ (далее – ГрК РФ) была включена ст. 46.4, вводящая в законодательство понятие договора комплексного освоения территории.

Договор о комплексном освоении территории в силу п. 3, 4 ст. 46.4, вступающей в силу с 01.03.2015 г., – это договор, по которому одна сторона в установленный договором срок своими силами и за свой счет и (или) с привлечением других лиц и (или) средств других лиц обязуется: подготовить проект планировки и проект межевания территории; осуществить на земельном участке, или на земельных участках; образованных из такого земельного участка, мероприятия по благоустройству; осуществить образование земельных участков из земельного участка, в отношении которого заключен договор о комплексном освоении территории, в соответствии с утвержденным проектом межевания территории.

Другая сторона договора – исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления обязуется по договору о комплексном освоении территории обеспечить рассмотрение и утверждение проекта планировки территории и проекта межевания территории.

Совместные обязательства сторон договора о комплексном освоении территории: осуществить на земельном участке, в отношении которого заключен договор, или на земельных участках, образованных из такого земельного участка, строительство объектов коммунальной, транспортной и социальной инфраструктур в соответствии с проектом планировки территории; обеспечить осуществление мероприятий по освоению территории, включая ввод в эксплуатацию объектов капитального строительства.

Договор о комплексном освоении территории в силу п. 2 ст. 46.4 ГрК РФ заключается исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления, предоставляющими земельный участок для комплексного освоения территории, и юридическим лицом, признанным победителем аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, или юридическим лицом, подавшим единственную заявку на участие в этом аукционе, или заявителем, признанным единственным участником такого аукциона, или единственным принявшим участие в аукционе его участником.

Одним из квалифицирующих признаков договора о комплексном освоении территории является особенность его субъектного состава – обязательное участие публичного субъекта. Вступая в соответствующие договорные отношения, публичный субъект преследует целый ряд частноправовых целей, к которым можно отнести возникновение права государственной или муниципальной собственности на возведенные в рамках реализации договора о комплексном освоении территории объекты транспортной, коммунальной и социальной инфраструктур, а также иных объектов в соответствии с документацией по планировке территории.

С другой стороны, в ходе реализации договора о комплексном освоении территории решается целый ряд вопросов социальной направленности, причем, учитывая определение комплексного освоения территории, данного в п. 1 ст. 46.4 ГрК РФ, социальная значимость работ, выполняемых по данному договору, заложена в само определение предмета договора.

В связи с этим представляется возможным говорить о реализации в данных договорных отношениях общественного интереса, поощряемого государством путем осуществления функций публичной власти, то есть, о реализации публичного интереса, который в данных отношениях очевидно превалирует.

Вышеназванным ФЗ от 21.07.2014 г. № 224-ФЗ в ГрК РФ была введена ст. 46.5, регулирующая договор об освоении территории в целях строительства жилья экономического класса.

Положения п.п. 1, 2 и 4 ст. 46.5 ГрК РФ позволяет определить договор об освоении территории в целях строительства жилья экономического класса как договор, по которому одна сторона (победитель аукциона на право заключения данного договора или лицо, имеющее право заключить данный договор в соответствии с п. 24-27 ст. 46.7 ГрК РФ) обязуется:

- › обеспечить строительство за земельном участке многоквартирного дома или жилого дома блокированной застройки, в которых все жилые помещения или установленный законом минимальный объем жилых помещений соответствуют условиям отнесения к жилью экономического класса;
- › обеспечить ввод такого дома в эксплуатацию;
- › заключить в установленные сроки с гражданами договоры участия в долевом строительстве жилья экономического класса или договоры купли-продажи жилья экономического класса;

- › осуществить установленные договором мероприятия по благоустройству,

а другая сторона (исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления) обязуется обеспечить своими силами и за свой счет и (или) с привлечением других лиц и (или) средств других лиц осуществление мероприятий, необходимых для подключения (технологического присоединения) построенного объекта капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения.

Наличие публичного интереса в отношениях, опосредованных договором об освоении территории в целях строительства жилья экономического класса, очевидно. Формирование рынка доступного жилья экономкласса – одна из основных целей Федеральной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 годы, утв. Постановлением Правительства РФ от 17.12.2010 г. № 1050¹, которая должна быть достигнута путем создания условий для развития массового строительства жилья экономкласса, повышения уровня обеспеченности населения жильем путем увеличения объемов жилищного строительства, обеспечения повышения доступности жилья в соответствии с платежеспособным спросом граждан и стандартами обеспечения их жилыми помещениями.

С точки зрения установления публичного интереса в отношениях, опосредованных договором об освоении территории в целях строительства жилья экономического класса, примечательно также и то, что лицо, заключившее данный договор с публичным субъектом, заключает в последующем в качестве застройщика договоры долевого участия в строительстве с гражданами (дольщиками), а сфера этих отношений уже давно характеризуется высоким публичным интересом, несмотря на отсутствие обязательного публичного субъекта в договоре, что выражается, в частности, в государственном контроле за соответствием застройщиков установленным требованиям к их финансовой устойчивости и за исполнением ими своих договорных обязательств.

ГрК РФ в редакции ФЗ от 21.07.2014 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержит ст. 46.6, которой с 01.07.2015 г. вводится еще одна новая договорная модель в сфере создания объектов недвижимого имуще-

¹ СЗ РФ, 13.05.2013, № 19, ст. 2327.

ства – договор о комплексном освоении территории в целях строительства жилья экономического класса.

В рамках данного договора осуществляется:

- › подготовка документации по планировке территории (при отсутствии такой документации);
- › образование земельных участков в границах этой территории;
- › строительство на земельных участках в границах этой территории многоквартирных домов, жилых домов блокированной застройки и (или) объектов индивидуального жилищного строительства при условии, что все жилые помещения в объектах строительства соответствуют условиям отнесения к жилью экономического класса и подлежат передаче или продаже по договорам участия в долевом строительстве жилья экономического класса, договорам купли-продажи жилья экономического класса гражданам, имеющим право на приобретение жилья экономического класса, и (или) по государственным и (или) муниципальным контрактам, если заключение таких контрактов предусмотрено договором о комплексном освоении территории в целях строительства жилья экономического класса;
- › строительство на земельных участках в границах этой территории иных объектов в соответствии с документацией по планировке территории, в том числе объектов транспортной, коммунальной и социальной инфраструктур.

Договор о комплексном освоении территории в целях строительства жилья экономического класса, как видно, включает в себя предметы договоров об освоении территории в целях строительства жилья экономического класса и о комплексном освоении территории, и, соответственно, объединяет все публичные интересы, присущие соответствующим договорным отношениям.

Заключается договор о комплексном освоении территории в целях строительства жилья экономического класса исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления, уполномоченными на предоставление находящего в государственной или муниципальной собственности земельного участка для комплексного освоения территории в целях строительства жилья экономического класса, с победителем аукциона на право заключения данного договора, или лицом, имеющим право заключить данный договор в соответствии с нормами ГрК РФ.

Следующие новеллы законодательства, регулирующие градостроительную деятельность – договор об освоении территории в целях строительства и эксплуатации наемного дома социального использования и договор об освоении территории в целях строительства и эксплуатации наемного дома коммерческого использования.

Данные договоры закреплены ст. 55.27 ГрК РФ, согласно которой данные договоры предусматривают строительство и последующую эксплуатацию здания (многоквартирного дома, или жилого дома блокированной застройки, или объекта индивидуального жилищного строительства), в отношении которого указанным договором в соответствии с жилищным законодательством устанавливается цель использования в качестве наемного дома социального использования либо наемного дома коммерческого использования, а также предоставление жилых помещений в наемном доме социального использования по договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования и по договорам найма жилых помещений в соответствии с жилищным законодательством либо предоставление жилых помещений в наемном доме коммерческого использования по договорам найма жилых помещений в соответствии с гражданским законодательством.

Соответствующие изменения были внесены в ЖК РФ и в ГК РФ ФЗ от 21.07.2014 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части законодательного регулирования отношений по найму жилых помещений жилищного фонда социального использования»².

В указанных договорных отношениях, особенно в части найма жилых помещений в наемных домах социального использования, прослеживается публичный интерес, аналогичный указанному при рассмотрении договора о комплексном освоении территории в целях строительства жилья экономического класса.

Кроме того, все вышеуказанные договоры, как уже отмечалось, заключаются публичным субъектом с лицом, выигравшим аукцион на право заключения договора, а уплаченная цена права на заключение договора поступает в соответствующий бюджет, наполнение которого также можно отнести к интересу публичному.

² Портал российского частного права [Электронный ресурс]: сайт URL: http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=24 (дата обращения 26.09.2014).

Рассмотренные изменения ГрК РФ позволяют сделать вывод о все возрастающем влиянии объективного процесса проникновения публичного права в сферы частноправового воздействия и о конвергенции частных и публичных интересов в договорных отношениях участников гражданского оборота.

Все договорные модели, введенные в ГрК РФ, в силу их отягощенности публичным элементом, без сомнения, породят споры относительно их правовой природы, аналогично спорам, вводимым по концессионному соглашению и договору о развитии застроенной территории [15, с. 11-12; 8, с. 110; 9, с. 78; 7, с. 260-284, 290-301].

Для определения правовой природы рассматриваемых договоров недостаточно просто определить, чьи защищаются интересы, следуя теории интереса, отстаиваемой в свое время классиком российской цивилистики Г.Ф. Шершеневичем, который не только проводил разделение права на публичное и частное с материальной позиции, в частности, в зависимости от того, защищает ли право общественные интересы или частные интересы граждан, но и утверждал, что «это различие, установившееся исторически и упорно поддерживаемое, скорее признается инстинктивно, чем основывается на точных признаках» и «попытки установить пограничную линию далеко не безупречны» [14, с. 11]. Необходимо в данном случае выделить интерес превалирующий и, исходя из этого, установить, какова цель договора – достижение общественно-значимых результатов и реализация властных функций публичного субъекта или возникновение гражданско-правовых отношений.

Представляется, что все рассматриваемые договоры по своей правовой природе являются гражданско-правовыми, что порождает следующий вопрос: любое ли нарушение требований закона или иного правового акта предполагает посягательство на публичные интересы, то есть, оспоримы ли данные сделки по общему правилу п. 1 ст. 168 ГК РФ или ничтожны согласно п. 2 ст. 168 ГК РФ? Или в каждом конкретном случае необходимо выявлять соотношение нарушенной нормы и публичных интересов?

При столь широком определении понятия «публичный интерес», какое было дано выше, соотношение нарушенной нормы и публичного интереса выявить будет невозможно, и есть опасность, что рассматриваемые договоры при любом нарушении закона или иного правового акта судебной практикой априори будут признаваться либо оспоримыми, либо ничтожными.

Высказывается точка зрения, что публичные интересы в рамках ст. 168 ГК РФ можно понимать в узком и широком смысле [11]. В широком смысле – это обеспечение соблюдения всех законов, действующих в Российской Федерации, в узком смысле публичные интересы – это установленные в нормах права гарантии и положения, направленные на решение задач, поставленных перед государством Конституцией РФ и законом. Действительно, второй подход наиболее отвечает задаче обеспечения стабильности гражданского оборота [5, с. 9]. Но, как представляется, не в полной мере.

Необходимо отметить, что если бы в п. 2 ст. 168 ГК РФ речь шла не о «публичных интересах», а о «законных публичных интересах», вопрос решался бы проще, но не намного. Легальная дефиниция понятия «законный интерес» также отсутствует. В научной литературе высказывалось мнение, что для права для права следует говорить исключительно о законных интересах, которые определяются исследователями как: социальная потребность, защищенная правом [12]; социальная потребность, взятая законом под свою охрану путем предоставления их носителям не субъективных материальных прав, а права прибегнуть к защите этими или иными лицами [4, с. 38].

Однако изменения, внесенные в ст. 168 ГК РФ заставляют думать по-другому: в п. 2 упоминается об охраняемых законом интересах третьих лиц (то есть, очевидно, что речь идет о законных интересах) и о публичных интересах (с формально-юридической точки зрения можно предположить, что законодатель имел в виду не законные, а правовые интересы). Понятие «правовой интерес» шире понятия «законный интерес» и может определяться как «осознанная потребность дееспособного субъекта добиваться правовыми средствами определенных правовых благ».

Таким образом, рассмотрение вопроса действительности договоров, внесенных в ГрК РФ от 21.07.2014 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в свете реформы института недействительности сделок актуализирует теорию интереса при разделении права на публичное и частное, показывает необходимость дальнейшего изучения публичных и частных начал в договорном праве, а также показывает необходимость законодательного определения такой категории как «публичный интерес» для целей отнесения сделок к числу ничтожных.

Действительно, для обеспечения юридической безопасности необходимо, чтобы каждый юридический концепт мог быть представлен юридической дефиницией, а дефиниция, в идеале, это модель, позволяющая сравнивать и, как

следствие, соотносить с содержательной частью концепта конкретные ситуации, порождаемые юридической жизнью» [2, с. 646-647], но необходимо, чтобы дефиниция была четкой и конкретной, и тогда ее можно будет применять [1, с. 347].

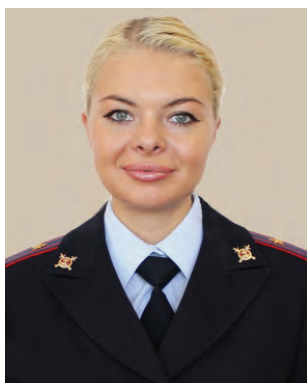
Литература

1. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. – Издательский дом NOTA BENE, 2000.
2. Бернам У. Правовая система Соединенных Штатов Америки. – М.: Новая юстиция, 2006. (По: Бачило И.Л. О терминах и понятиях в праве // Вопросы правоведения, 2014. № 3. С. 12)
3. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
4. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970.
5. Илюшина М.Н. Реформа института о недействительности сделок: современное состояние и нерешенные проблемы // Мониторинг правоприменения. 2014. № 2.
6. Козлова Е.Б. Государственная регистрация и нотариальное удостоверение сделок: соотношение правовых интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6.
7. Козлова Е.Б. Система договоров, направленных на создание объектов недвижимости. М.: КОНТРАКТ, 2013.
8. Лукьяненко Г.В. Административно-правовая природа договора о развитии застроенной территории // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2.
9. Поднавозова Ю.В. Правовое значение договора о развитии застроенной территории: дефиниции, коллизии, перспективы применения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 2. С. 78
10. Радбрух Г. Философия права. – М.: Междунар. Отношения, 2004.
11. Скрышник Д. Реформа ГК: Недействительность сделки // СПС КонсультантПлюс
12. Смольников Д.И. Публичный интерес в гражданском процессе России // СПС КонсультантПлюс
13. Сойфер Т.В. Частные и публичные интересы: проблемы квалификации // Новое в гражданском законодательстве: баланс публичных и частных интересов: материалы для VII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2012.
14. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001.
15. Шорохов С.В. Концессионное соглашение как форма публичного управления: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2009.

References

1. Berjel J.-L. Obschaya teoriya prava. – Izdatelskii dom NOTA BENE, 2000.
2. Bernam U. Pravovaya sistema Soedinennih Shtatov Ameriki. – M.: Novaya yusticiya, 2006. (Po: Bachilo I.L. O terminah i ponyatiyah v prave // Voprosi pravovedeniya, 2014. № 3. S. 12)
3. Gadjiev G.A. Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta deistvitelnosti) monografiya. – M.:Norma: INFRA-M, 2012.
4. Gukasyan R.E. Problema interesa v sovetskom grajdanskom processualnom prave. Saratov, 1970.
5. Ilyushina M.N. Reforma instituta o nedeistvitelnosti sdelok: sovremennoe sostoyanie i nereshennie problemi // Monitoring pravoprimeneniya. 2014. № 2.
6. Kozlova E.B. Gosudarstvennaya registraciya i notarialnoe udostoverenie sdelok_sootnoshenie pravovih interesov // Zakoni Rossii: opit, analiz, praktika. 2013. № 6.
7. Kozlova E.B. Sistema dogovorov, napravlennih na sozdanie obektov nedvijimosti. M.: KONTRAKT, 2013.
8. Luk'janenko G.V. Administrativno-pravovaja priroda dogovora o razvitii zastroennoj territorii // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2011. № 2.
9. Podnavozova JU.V. Pravovoe znachenie dogovora o razvitii zastroennoj territorii: definicii, kollizii, perspektivy primeneniya // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. 2009. № 2. S. 78
10. Radbruh G. Filosofija prava. – M.: Mezhdunar. Otnosheniya, 2004.
11. Skrypnik D. Reforma GK: Nedejstvitel'nost' sdelki // SPS Konsul'tantPljus
12. Smol'nikov D.I. Publichnyj interes v grazhdanskom processe Rossii // SPS Konsul'tantPljus
13. Sojfer T.V. CHastnye i publichnye interesy: problemy kvalifikacii // Novoe v grazhdanskom zakonodatel'stve: balans publichnyh i chastnyh interesov: materialy dlja VII Ezhegodnyh nauchnyh chtenij pamjati professora S.N. Bratusja. M., 2012.
14. SHershenevich G.F. Kurs grazhdanskogo prava. – Tula: Avtograf, 2001.
15. SHorohov S.V. Koncessionnoe soglashenie kak forma publichnogo upravlenija: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M. 2009.

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна
кандидат юридических наук, доцент, г. Казань
E-mail: demidova.liza@gmail.com

Понятие, сущность и содержание социализации личности несовершеннолетнего

В статье описывается процесс формирования личности в определенных социальных условиях, социальных группах, а также приобретения жизненного опыта, усвоения ценностей, норм, правил поведения. Рассматривается социальная среда личности. Приводятся основные стадии социализации личности, а так же ее виды. Автором предложены собственные определения социальной среды личности, а также социализации личности несовершеннолетнего. Под социальной средой личности, по мнению автора, следует понимать, не только окружающую его микро- и макросреду, но и экономическую, политическую, духовную, морально-правственную обстановку, а также традиции, исторически обусловленные на определенной территории и в определенный промежуток времени. Только в совокупности данные факторы и оказывают доминирующее влияние, воздействие на основные этапы формирования, а именно, социализацию личности индивида. В свою очередь, социализацию несовершеннолетнего можно понимать в объективном и субъективном аспектах. Под социализацией личности несовершеннолетнего в объективном смысле автор понимает этапы формирования личности индивида, его взаимодействие с окружающей микро и макро средой, на определенной территории, а также за определенный период времени, в субъективном смысле социализация личности несовершеннолетнего представляет собой восприятие и отношение личности к окружающей его действительности и к системе факторов влияющих на его формирование.

Ключевые слова: социальная среда, несовершеннолетний, семья, личность, социализация, молодежные группировки, возраст, социальное развитие.

В последнее десятилетие обеспечение благополучного и защищенного детства стало одним из основных национальных приоритетов России. В посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации ставились задачи по разработке современной и эффективной государственной политики в области детства. Проблемы детства и пути их решения нашли свое отражение в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [1].

В свою очередь, в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761, дана объемная картина положения детей в современной России. В частности, отмечается, что масштабы и острота существующих проблем еще далеки от окончательного решения, а интересы будущего

страны требуют принятия неотложных мер для улучшения положения детей и их защиты [2].

Еще с древнейших времен человечество осуществляет поиск путей «обуздания» преступности. Идеи полного искоренения преступности не оправдали себя, оказались утопическими, так как ее корни находятся в общественных противоречиях, которые вечны, и, следовательно, преступность тоже будут существовать всегда, пока существует человеческое общество. На современном этапе задача заключается в осуществлении научной диагностики причин преступности в целях ее сокращения, минимизации последствий, а устанавливать причины заболеваний и устранять их необходимо [3].

На протяжении многовековой истории становления криминологической науки менялись теории причин преступности. Вместе с тем их сущность всегда справедливо концентрировалась вокруг проблем личности и социальной микро- и макросреды. Неоднозначно оценивались

так называемые биологические и социальные факторы. В современных условиях поставлена точка в многовековом споре ученых о преобладании биологических или социальных причин. Личность – биосоциальна. Преступление – результат взаимодействия личности и социальной микро- и макросреды.

В данном контексте, представляется необходимым более детальное рассмотрение понятия социальной среды.

Социальная среда – это совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий соществования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп.

Если рассматривать социальную среду как среду, свойства и характеристики которой постоянно изменяются, то в литературе используется понятие социальный континуум [4].

С точки зрения философии социальная среда – это окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования, формирования и деятельности.

Социальная среда в широком смысле (макросреда) охватывает общественно-экономическую систему в целом – производственные силы, совокупность общественных отношений и институтов, общественного сознания, культуру данного общества; социальная среда в узком смысле (микросреда), будучи элементом социальной среды в целом, включает непосредственно социальное окружение человека – семью, трудовой, учебный и иной коллективы и группы. Социальная среда оказывает решающее воздействие на формирование и развитие личности. В то же время под влиянием творческой активности, деятельности человека она изменяется, преобразуется, и в процессе этих преобразований изменяются и сами люди [5].

В педагогике социальная среда понимается, как окружающий человека социальный мир, включающий в себя условия становления, существования, развития и деятельности людей, неразрывно связанные с субъект-субъектными и с объект-субъектными отношениями, в которые эти люди вовлечены [6].

По мнению Л.С. Выготского социальная среда содержит в себе бесчисленное множество самых различных сторон и элементов. Элементы всегда находятся в жесточайшем противоречии и борьбе друг с другом, и вся среда должна пониматься не как статическая, первоначальная и устойчивая система элементов, но как диалектически развивающийся динамический процесс.

Революционер может оказаться с социальной точки зрения более приспособленным к высшим тенденциям среды, чем карьерист, потому что он приспособлен к социальной динамике, а не к социальной статике.

Отношение человека к среде всегда должно носить характер активности, а не простой зависимости. Поэтому приспособленность к среде может означать жесточайшую борьбу с отдельными элементами среды и всегда известные активные взаимоотношения с ней. Следовательно, в одной и той же социальной среде возможны совершенно разные социальные установки индивида, и все дело в том, в каком направлении будет воспитана эта активность [7].

Интересной позиции придерживается С.М. Вишняков, понимая под социальной средой окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования и деятельности. Среда в широком смысле (макросреда) охватывает общественно-экономическую систему в целом – производительные силы, общественные отношения и институты, общественное сознание и культуру. Среда в узком смысле (микросреда) включает непосредственное окружение человека – семью, трудовой, учебный и др. коллективы и группы. Среда оказывает решающее воздействие на формирование и развитие личности; в то же время под влиянием деятельности человека она изменяется, и в процессе этих преобразований изменяются сами люди [8]. Мы придерживаемся данной точки зрения, полагая, что именно это определение социальной среды является наиболее полным и адекватно отражающим его сущность.

В свою очередь видится необходимым предложить собственное определение социальной среды личности. Под социальной средой личности следует понимать не только окружающую его микро- и макросреду, но и экономическую, политическую, духовную, морально-нравственную обстановку, а также традиции, исторически обусловленные на определенной территории и в определенный промежуток времени. Только в совокупности, все перечисленные выше факторы и оказывают доминирующее влияние, воздействие на основные этапы формирования, а именно, социализацию личности индивида.

Социализация, как известно, представляет собой процесс формирования личности в определенных социальных условиях, социальных группах, а также приобретения жизненного опыта, усвоения ценностей, норм, правил поведения.

Процесс формирования личности принято рассматривать как социализацию, т.е. процесс надления личности общественными свойствами, выбора жизненных путей, установления социальных связей, формирования самосознания и системы социальной ориентации, вхождения в социальную среду, приспособления к ней, освоения определенных социальных ролей и функций [9]. Именно в этот период возникают и закрепляются реакции на возникающие жизненные ситуации, наиболее характерные для предпочтений данного человека.

Г.Тард основным механизмом социализации провозгласил подражание, регулируемое обществом через свои социальные институты – систему образования и воспитания, семью, общественное мнение, а отношения «учитель – ученик» – типовым социальным отношением [10].

Г.М. Андреева определяет социализацию следующим образом: «Социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду...человек не просто усваивает социальный опыт, но и преобразовывает его в собственные ценности, установки, ориентации» [11].

А.В. Мудрик, автор наиболее основательной теории социализации в отечественной литературе, дает следующее определение: социализация – это «развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, что происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах». Сущность социализации состоит в сочетании приспособления и обособления человека в условиях конкретного общества. Также А.В. Мудрик отмечал, что в науку о человеке термин «социализация» пришел из политэкономии, где его первоначальным значением было «обобществление» – земли, средств производства [12].

Применительно к человеку он нашел отражение в связи с развитием социологии.

В работе американского социолога Ф. –Г. Гиддингса «Теория социализации» (1887 г.) термин «социализация» применяется в значении, близком к современному, – развитие социальной природы или характера индивида, подготовка человеческого материала к социальной жизни [13].

Социализация личности в самом общем представлении есть процесс усвоения (интериоризации) ею принятых в обществе социальных норм и правил [14].

По мнению Л.В. Мардахаева, социализация определяет динамику социального становления человека на разных этапах возраста с учетом его своеобразия, среды жизнедеятельности и самопроявления, а также социального воспитания. Основными компонентами социализации человека автор называет:

1. формирование и развитие сознания, мировоззрения человека (усвоение языка, взглядов, интересов, социальных ценностей, идеалов);
2. овладение культурой, присущей данному обществу, социальной общности, группе (правилами, нормами и шаблонами поведения);
3. усвоение социальных ролей, навыков общения, самопроявления в среде жизнедеятельности;
4. накопление опыта социального поведения [15].

Социализация рассматривается как процесс, усвоение, проявление и результат социального формирования личности.

Как процесс она означает социальное становление и развитие личности в зависимости от характера взаимодействия человека с социокультурной средой обитания, адаптации к ней и самореализации с учетом индивидуальных возможностей. В ее процессе человек формируется как часть того общества, к которому он принадлежит.

Как условие – это свидетельство наличия социума, который необходим человеку для естественного социального развития как личности.

Как проявление – это социальная реакция человека с учетом его возраста и социального развития в системе конкретных общественных отношений. Так судят об уровне социального развития, социализированности человека.

Как результат она является социально-педагогической характеристикой человека и его особенностей как социальной единицы общества в соответствии с возрастом. Ребенок в развитии может отставать или опережать сверстников. Социализация как результат характеризует степень его социального совершенства по отношению к сверстникам.

По своей сущности социализация определяет своеобразие социального развития, самореализации человека, усвоения и воспроизводства им культуры общества на протяжении всей жизни. Постепенно человек, формируясь как личность, расширяет и углубляет свои социальные, социокультурные интересы, идеалы, ценности, усваивает

ет и совершенствует различные социальные роли, приобретает опыт социального поведения [15].

Также ряд авторов полагает, что социализация личности как активный процесс длится не всю жизнь, а лишь период, необходимый для восприятия комплекса норм, ролей, установок и т.д., т.е. на протяжении времени, нужного для становления индивида как личности.

Как правило, выделяются следующие стадии социализации:

1. первичная, или ранняя, социализация (от рождения до подросткового возраста);
2. стадия индивидуализации, характеризующаяся стремлением индивида выделить себя среди других, критически осмыслить общественные нормы поведения;
3. стадия интеграции, отражающая желание человека найти свое место в жизни, «влиться» в общество;
4. трудовая стадия;
5. послетрудовая стадия [16].

Необходимо дополнить вторую стадию социализации этапом, характеризующимся стремлением родителей либо близких родственников ребенка выделить его, обособить от окружающих его детей, чем ярко демонстрируется его превосходство над другими. Данные действия, как правило, имеют крайне негативные влияния и влекут за собой неблагоприятные последствия в воспитании и формировании личности ребенка.

Также в литературе выделяются агенты первичной и вторичной социализации:

- агенты первичной социализации – факторы непосредственного взаимодействия с человеком, оказывающие на его социализацию существенное влияние на ранних этапах жизни: родители, братья и сестры, бабушки и дедушки, близкие и дальние родственники, няни, друзья семьи, сверстники, учителя, тренеры, врачи, лидеры молодежных группировок;
- агенты вторичной социализации – факторы, опосредованно или формально окружающие человека и оказывающие на его социализацию существенное влияние на поздних этапах жизни: учреждения и институты, представители администрации школы, университета, предприятия, армии, правоохранительных органов, церкви, государства, телевидения, радио, печати, партии, суда [17].

В связи с процессом усвоения социальных ролей выделяют различные виды социализации:

1. поло-ролевая социализация представляет собой освоение человеком опыта социального поведения в соответствии с его половой

принадлежностью и проявлением его в повседневной жизни в зависимости от возраста и изменяемых с ним социального положения и роли в обществе (мальчик, девочка, невеста или жених, муж или жена, отец или мать);

2. семейно-бытовая социализация, способствующая усвоению определенной семейной роли в соответствии с социальным положением в семье. Она проявляется в усвоении и проявлении опыта семейной жизни, укреплении семейных отношений, ведении хозяйства, воспитании детей;
3. профессионально-трудовая социализация осуществляется на основе социального опыта выполнения человеком определенной профессиональной деятельности;
4. субкультурно-групповая социализация предполагает освоение социальных ролей с учетом той культуры среды, где человек жил, учился, общался, трудился. Каждый регион имеет социокультурное своеобразие поведения, общения, речи, что способствует формированию своеобразия социума. Субкультурно-групповая социализация отличает людей различных регионов, национальной и религиозной принадлежности, социального окружения, возраста, профессиональной деятельности [17].

Особенно важную роль в формировании личности играет первичная социализация, когда ребенок еще бессознательно усваивает образцы и манеры поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы. Как показывают психологические исследования личности преступников, уже взрослым человеком часто воспроизводит в своем поведении то, что запечатлелось в его психике в период детства.

Дефекты первичной, ранней социализации в родительской семье могут иметь криминальное значение в первую очередь потому, что ребенок еще не усвоил других положительных воздействий, он полностью зависим от старших и совершенно незащищен перед ними [18]. Поэтому вопросы формирования личности в семье заслуживают исключительного внимания.

Семья является важнейшим институтом социализации личности, каналом включения молодого поколения в культурную традицию. Именно в семье человек получает первый опыт социального взаимодействия. На протяжении какого-то времени семья вообще является для ребенка единственным местом получения такого опыта. Затем в жизнь человека вклю-

чаются детский сад, школа, улица. Однако и в это время семья остается одним из важнейших, а иногда и наиболее важным, фактором социализации личности [19]. «Семью можно рассматривать в качестве модели и формы базового жизненного тренинга личности. Социализация в семье происходит как в результате целенаправленного процесса воспитания, так и по механизму социального научения. В свою очередь, сам процесс социального научения также идет по двум основным направлениям. С одной стороны, приобретение социального опыта идет в процессе непосредственного взаимодействия ребенка с родителями, братьями и сестрами, а с другой – социализация осуществляется за счет наблюдения особенностей социального взаимодействия других членов семьи между собой» [20].

Обязательному учету в процессе социализации и формирования личности подростка подлежат так называемые кризисы возраста. Так, Л.С. Выготский выделял кризис новорождения, одного года, трех, семи и тринадцати лет. Кризисы новорождения, трех лет и подросткового возраста относят к так называемым большим кризисам. Они характеризуются коренной перестройкой отношений ребенка и общества. Малые кризисы (кризис одного года, семи лет, 17–18 лет) проходят относительно спокойно, связаны с приобретением человеком опыта, знаний и умений, развитием самостоятельности и самоопределения [21]. Кризисы возраста означают особый психологический этап, переход

личности к новому, высшему периоду развития. Из всех переживаемых ребенком кризисных периодов наиболее сложным как для него самого, так и тех, кто занимается его воспитанием, а именно родителей, учителей, является кризис подросткового возраста.

Анализ причин и условий, способствующих возникновению дефектов социализации, выделяет наиболее общие признаки, которые используются для описания характеристики семьи: численность семьи, структура (число поколений); характер семейной власти и взаимоотношений между отдельными членами семьи и входящими в нее возрастными, половыми и другими «подгруппами»; социальные функции (воспроизводство поколений, социализация, организация и проведение досуга, взаимопомощь и сотрудничество, хозяйственно-потребительская функция и др.) [22].

Итак, социализацию личности несовершеннолетнего можно понимать в объективном и субъективном аспектах.

Под социализацией личности несовершеннолетнего в объективном смысле следует понимать этапы формирования личности индивида, его взаимодействие с окружающей микро и макро средой, на определенной территории, а также за определенный период времени, в субъективном смысле социализация личности несовершеннолетнего представляет собой восприятие и отношение личности к окружающей его действительности и к системе факторов влияющих на его формирование.

Литература

1. Рабец А.М. Ювенальное право Российской Федерации: учебник для магистров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. – С. 13.
2. Азарова Е.Г. Социальное обеспечение и правовая защита детей // Журнал российского права. – 2013. – № 3. – С. 21.
3. Ювенальная криминология: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2014. – С. 73.
4. <http://ru.wikipedia.org>
5. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М., 1983.
6. Педагогическая энциклопедия: Воспитание здорового образа жизни учащихся. – М., 2005.
7. Выготский Л.С. Авторский терминологический словарь. – М., 2014.
8. Вишняков С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М., 1999.

References

1. Rabets A.M. Iuvenal`noe pravo Rossii`skoi` Federacii: uchebnik dlia magistrrov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M., 2013.
2. Azarova E.G. Sotcial`noe obespechenie i pravovaiia zashchita detei` // Zhurnal rossii`skogo prava. – 2013. – № 3.
3. Vy`gotskii` L.S. Avtorskii` terminologicheskii` slovar`. – M., 2014.
4. Sm.: Vishniakov S.M. Professional`noe obrazovanie. Slovar`. Cluichevy`e poniatiia, terminy`, aktual`naia leksika. – M., 1999.
5. Antonian Iu.M., E`minov V.E. Leechnost` prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie: monografiia. – M., 2014. .
6. Tard G. Sotcial`naia logika. – SPb., 1996.
7. Andreeva G.M. Sotcial`naia psihologiiia: uchebnik . – M., 2001.
8. Mudrik A.V. Sotcial`naia pedagogika. 6-oe izd. , pererab i dop. – M., 2007.
9. Mardahaev L.V. Sotcial`naia pedagogika. Osnovy` kursa: uchebnik. – 5-e izd., pererab. i dop. – M., 2011.

9. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое-психологическое исследование: монография. – М., 2014. – С. 34.
10. Тард Г. Социальная логика. – СПб., 1996.
11. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. – М., 2001.
12. Мудрик А.В. Социальная педагогика. 6-ое изд., перераб. и доп. – М., 2007.
13. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика. Основы курса: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2011. – С. 60.
14. Побегайло А.Э. Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 16.
15. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика. Основы курса: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2011. – С. 61.
16. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. – М., 2006.
17. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика. Основы курса: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2011. – С. 63.
18. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое-психологическое исследование: монография. – М., 2014. – С. 34.
19. Побегайло А.Э. Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 16.
20. Реан А.А. Развитие и социализация личности в семье. – URL: <http://narcom.ru/parents/parents/20.html>
21. Выготский Л.С. Психология. – М., 2002.
22. Зарипова Д.М. Борьба с преступностью маргинальных групп населения: теоретические и прикладные проблемы. – Казань, 2000. – С. 53, 54.
10. Pobegai`lo A.E`. Semei`noe neblagopoluchie v sisteme determinacii prestupnogo povedeniia nesovershennoletneykh: dis. ... kand. iurid. nauk. – М., 2006.
11. Rean A.A. Razvitie i sotcializaciiia lichnosti v sem`e. – URL: <http://narcom.ru/parents/parents/20.html>
12. Vy`gotskii` L.S. Psihologiiia. – М., 2002.
13. Zaripova D.M. Bor`ba s prestupnost`iu marginal`ny`kh grupp naseleniia: teoreticheskie i prikladny`e problemy`. – Kazan`, 2000. – S. 53, 54.

Петров Александр Александрович
кандидат юридических наук, доцент, г. Красноярск
E-mail: sfu_pravo@yandex.ru

Кохан Марина Васильевна
юрисконсульт, г. Железногорск
E-mail: marina.kokhan2013@yandex.ru

К вопросу о понятии и структуре текстуальных изменений нормативных правовых актов

Статья посвящена актуальным вопросам определения понятия текстуального изменения нормативных правовых актов. На основе критического анализа Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов, направленных письмом Аппарата Государственной Думы РФ от 18.11.2003 № вк2-18/490, предлагаются уточнения объема и содержания понятия текстуального изменения нормативных правовых актов. Моделируется структура наиболее значимых видов текстуальных изменений.

Ключевые слова: *нормативный правовой акт; законодательная техника; законодательная технология; технология; изменения нормативных правовых актов; текстуальные изменения нормативных правовых актов*

Оптимизация внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты – одно из важнейших направлений развития законодательной техники, поскольку в правильном и единообразном оформлении вносимых в нормативно-правовые акты изменений или дополнений заключено важное условие упорядочения законодательства, необходимая предпосылка его высокого технического уровня.

Среди некоторой части юристов бытует мнение, что внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты, особенно в период, следующий непосредственно за принятием такого акта, представляется не только нецелесообразным, но и неправильным, ибо свидетельствует о недостаточно тщательной подготовке проекта нормативного акта и нарушает стабильность законодательства. Безусловно, в процессе выработки новых нормативных актов следует стремиться к наиболее полному и всесторонне-

му урегулированию соответствующих вопросов с тем, чтобы после принятия правотворческого решения исключить внесение каких-либо изменений или дополнений. Однако как бы тщательно и скрупулёзно не разрабатывался проект, полностью отрицать возможность появления в нём неудачных текстуальных формулировок, которые вызывают необходимость внесения изменений и дополнений, было бы неправильным.

Следует учитывать и тот несомненный факт, что постоянно развивающиеся общественные отношения выдвигают новые требования и это побуждает приспособлять правовое регулирование к изменившимся условиям. Право устаревает уже в момент своего создания, поскольку жизнь всё время идёт вперёд, возникают новые потребности и соответствующие им общественные отношения и всё это не может не отражаться на действующем законодательстве, которое призвано изменяться сообразно изме-

нению социальной жизни. Поэтому внесение в отдельные нормативные положения текстуальных изменений, которые соответствовали бы потребностям современности, дополняли и усовершенствовали законодательный текст, просто необходимо.

Стремление к стабильности закона не может служить оправданием для того, чтобы сохранять в законодательстве несовершенные или устаревшие нормы. Разумеется, в этом вопросе необходимо соблюдать осторожность, так как неоправданно частые изменения или дополнения, вносимые в правовую норму за сравнительно малый период, отсутствие постоянства в правовом регулировании наносят ущерб стройности и стабильности системы законодательства.

Анализируя природу различных изменений, вносимых в нормативные правовые акты, следует разграничить текстуальные изменения нормативных правовых актов и иные, нетекстуальные.

Под текстуальными изменениями нормативных правовых актов следует понимать целенаправленные, непосредственно затрагивающие текст соответствующего акта изменения, производимые посредством установления локации (места нахождения изменяемой текстовой единицы в нормативном акте) и формулирования конкретных изменений в рамках данной локации.

Все остальные формы изменения законодательства следует отнести к нетекстуальным. По мнению Е.С. Аничкина, к ним можно отнести, в частности, ограничение первоначального смысла нормы; расширение первоначального смыслового объёма нормы; искажение подлинного смысла нормы; фактическое дополнение нормы в результате обнаружения скрытого в ней смысла; насыщение конкретным содержанием абстрактных понятий и юридических конструкций; нейтрализация нормы в результате вытеснения её преобразованной нормой [1]. Осмысление нетекстуальных изменений нормативных правовых актов представляет собой достаточно актуальную проблему теории юридической техники/технологии, однако рамки настоящей статьи не позволяют нам сконцентрироваться на данном аспекте технологии изменений законодательства.

Что же вкладывается в объем и содержание понятия текстуальных изменений нормативных правовых актов?

В качестве точки опоры для поиска ответа на данный вопрос мы будем использовать Методические рекомендации по юридико-техниче-

скому оформлению законопроектов, направленные письмом Аппарата Государственной Думы РФ от 18.11.2003 № вн2-18/490 (далее – Методические рекомендации), критический анализ которых поможет нам более точно определиться с пониманием текстуальных изменений нормативных правовых актов.

Согласно пункту 49 Методических рекомендаций к текстуальным изменениям относятся:

- › замена слов, цифр;
- › исключение слов, цифр, предложений;
- › исключение структурных единиц не вступившего в силу законодательного акта;
- › новая редакция структурной единицы законодательного акта;
- › дополнение структурной единицы статьи законодательного акта новыми словами, цифрами или предложениями;
- › дополнение структурными единицами законодательного акта;
- › приостановление действия законодательного акта или его структурных единиц;
- › продление действия законодательного акта или его структурных единиц.

Приведённое понимание содержания понятия «внесение изменений», как представляется, в целом отражает вариативность технологий изменений нормативных актов, однако требуется внести некоторые уточнения.

В частности, нужно отметить, что внесение изменений в форме замены не логично ограничивать только заменой слов и цифр. Замене, а равно дополнению и исключению могут подлежать отдельные символы, буквы, предложения и иные лексические единицы, т.е. всё то, что в обобщённом виде можно назвать символьной единицей.

В Методических рекомендациях неясным представляется критерий, по которому те или иные действия, совершаемые над законом, отнесены именно к изменениям. Например, исключение предложения, по его логике, является внесением изменений, а замена одного предложения на другое – нет.

По моему мнению, не совсем ясным и недостаточно обоснованным является отнесение к изменениям операции по приостановлению действия законодательного акта. Если предыдущие действия были направлены на изменение текста законодательного акта, то приостановление действия изменяет его статус (в целом или в части). Следовательно, если изменение статуса

законодательного акта признаётся законодателем внесением изменений, то, в первую очередь, к изменениям должны быть отнесено введение в действие и прекращение действия законодательного акта, поскольку они в гораздо более категоричной степени изменяют статус документа. В действительности же очевидно, что и введение закона в действие, и приостановление его действия, и прекращение действия закона влекут изменения, но не текста закона, а его статуса. Следовательно, они должны рассматриваться как самостоятельные элементы законодательной технологии.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о таком явлении, как продление действия закона, и его месте в законодательной технологии.

В литературе отмечается, что в самом общем плане под продлением юридического действия понимается увеличение сроков осуществления нормативного акта (договора), не утратившего свою силу, в результате которого временная граница окончания его действия в ходе специальных технологических приёмов, способов, правил, средств, операций, процедур пролонгируется [2].

Как правило, механизмы приостановления действия и продления действия рассматриваются в литературе как взаимосвязанные. На таком представлении основывается практика однотипного оформления актов о приостановлении и о продлении действия. В реальности же эта взаимосвязь не является толь однозначной.

Одно из отличий рассматриваемых явлений заключается в том, что приостановление действия допустимо в отношении любых законов, в то время как продление действия применимо лишь в отношении временных законов, в которых точно определён срок прекращения их действия. В связи с этим возможно продление действия только тех нормативных актов, которые приняты на определённый срок. Между тем, данное правило не всегда соблюдается законодателем.

Сложившаяся в настоящий момент практика продления действия заключается в принятии специфического вспомогательного закона, содержащего только одну норму – норму о продлении действия основного закона. Существование подобного самостоятельного вида законов не обеспечивает должной связи с основным законом, т.е. закон о продлении действия органически не связан с текстом основного закона, «не вплетён» в него.

Разработчики Методических рекомендаций включили продление действия законода-

тельного акта или его структурной единицы в содержание понятия «внесение изменений». Действительно, для адекватного отражения природы данного явления следует изменить существующую в настоящее время практику его реализации. Иными словами, продление действия временного законодательного акта должно оформляться именно в виде внесения изменений, при котором имеющийся в основном законе срок его действия будет изменён посредством замены старой даты на новую, либо любым другим способом внесения изменений. Только таким образом возможно устранение потенциальной коллизии ситуации, а также достижение органического единства основного закона и закона о продлении действия, что формирует второе отличие продления действия от приостановления действия.

В качестве положительного примера такой практики можно привести Федеральный закон № 310-ФЗ от 17.12.2009 «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором в качестве способа продления действия нормативного акта выступает замена слова.

Несмотря на прогрессивность представлений о выражении продления действия через внесение изменений, по нашему мнению, выделение «продления действия» в качестве самостоятельного способа внесения изменений является явно необоснованным. Такой вывод напрашивается в силу того, что в рамках механизма внесения изменений продление действия реализуется через один из следующих способов внесения изменений: замену, исключение, дополнение или изложение в новой редакции структурной единицы нормативного акта. Следовательно, продление действия закона не имеет собственного уникального внешнего выражения, позволяющего выделить его особый способ внесения изменений.

Таким образом, необходимо выделить приостановления действия закона в разряд самостоятельных механизмов законодательной технологии, в то время как продление действия закона не является даже самостоятельным способом внесения изменений.

Следует также отметить, что в литературе по законодательной технике/технологии встречается точка зрения, согласно которой отнесение дополнений к способам изменения нормативного правового акта ошибочно. Так, Э. И. Ушакова отмечает, что «...разница между этими

акциями весьма существенная. Если «изменить» всегда подразумевает замену чего-либо, то «дополнить» означает добавить, прибавить.»

С приведённым суждением согласиться сложно, ведь, как уже было отмечено, «изменение» отнюдь не означает только «замену чего-либо». Изменение нормативного акта может осуществляться и осуществляется законодателем не только посредством замены, то есть исключения одного элемента с одновременным включением другого, но и посредством включения новых единиц, исключения единиц без одновременного включения новых, изложения в новой редакции.

Таким образом, дополнение структурной единицы статьи законодательного акта новыми словами, цифрами или предложениями обоснованно отнесено авторами Методических рекомендаций к содержанию понятия «изменения».

Основой любого способа внесения изменений является установление локации, т.е. определения местоположения структурной единицы законодательного акта, в которую будут внесены изменения. Причём местоположение в структуре текста внесения изменений должно быть описано таким образом, чтобы исключить возможность произвольного внесения изменений. Например, в том случае, когда местоположение дополнения, вносимого в законодательный текст, находится на стыке двух более крупных структурных единиц, обязательно должно быть указание, в какую из крупных пограничных структурных единиц вносится дополнение. Следовательно, оптимальным способом выражения локации является ссылка на статью (пункт, подпункт, абзац) нормативного правового акта, при необходимости с указанием конкретных слов, устанавливающих местоположение изменения.

Каждый из обозначенных способов внесения изменений (замена символьной единицы, дополнение новыми лексическими единицами, исключение из текста законодательного акта символьных единиц, принятие нормативного акта в новой редакции) имеет свою специфику использования. Охарактеризуем её.

1. Замена – самый сложный, но в то же время самый экономичный способ внесения изменений. Синтаксически замена представляет собой:

- › локацию;
- › определение старой символьной единицы, подлежащей замене;
- › императива «заменить»;
- › новой символьной единицы.

Заменяемая и заменяющая единицы должны быть включены в кавычки, чтобы, во-первых,

исключить любую возможность ошибки в установлении местоположения изменений, а во-вторых, исключить необходимость «адаптации» изменения к тексту акта, достичь максимальной определённости изменения (то есть исключить необходимость применять его в соответствующем падеже, числе и так далее).

Рассмотрим пример: «Статья 1. Внести в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации следующие изменения и дополнения: В статье 100 в пункте 1: во втором предложении слова «указанных лиц» заменить словами «представителей организации». В приведённом примере локация – «в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации В статье 100 в пункте 1: во втором предложении», заменяемые слова – «указанных лиц», заменяющие – «представителей организации».

2. Дополнение структурной единицы законодательного акта новыми лексическими единицами или нестандартными нормативно-правовыми предписаниями осуществляется в случае необходимости конкретизировать существующее правовое регулирование. При этом новые нормы не добавляются, но происходит уточнение действующих норм права.

Синтаксически дополнение новыми лексическими единицами или нестандартными нормативно-правовыми предписаниями представляет собой:

- › локацию;
- › определение местоположения вносимых дополнений внутри локации;
- › императива «дополнить»;
- › дополняемой символьной единицы.

При этом определение местоположения дополнения внутри локации и дополняемая символьная единица должны быть заключены в кавычки.

Например, «Статья 2. Внести в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации следующие изменения: в пункте 1 статьи 181: абзац пятый дополнить словами «, а также парфюмерно-косметическая продукция с объемной долей этилового спирта до 90 процентов включительно, разлитая в емкости до 3 мл включительно»¹. В данном случае локация – «в

¹ Как пишет С.А. Дробышевский, «...только лишь если мысленно представить гипотетическое политическое тело с системой права, начисто лишенной внутренних противоречий, то здесь наиболее конкретное предписание заключает в себе в совершенно неискаженном виде содержание самого общего веления, которое, в свою очередь, является точной абстракцией

часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в пункте 1 статьи 181: абзац пятый», дополняемая символьная единица – «, а также парфюмерно-косметическая продукция с объемной долей этилового спирта до 90 процентов включительно, разлитая в емкости до 3 мл включительно».

Очень часто, как и в приведённом примере, местоположение дополнения внутри локации остаётся неопределённым. Очевидно, в таком случае по умолчанию следует считать, что дополнение вносится в конец структурной единицы, при этом знак препинания, находящийся в конце изменяемой структурной единицы, сохраняется без дополнительных о том указаний (если иной не указан в дополняемой символьной единице).

При необходимости в синтаксис может вводиться уточнение внутри локации. Уточнение также заключается в кавычки и имеет стандартный вид: «после слова “...” дополнить словами “...”».

Пример: «Статья 2. Внести в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации следующие изменения: в статье 214.1: абзац первый пункта 5 после слова «определяется» дополнить словами «по каждой операции с финансовыми инструментами срочных сделок, указанной в пункте 1 настоящей статьи,»».

3. Обратным дополнению является процесс исключения из текста законодательного акта символьных единиц. Также как и при дополнении, данная операция нацелена на уточнение существующего правового регулирования. Синтаксически исключение символьных единиц представляет собой локацию, удаляемую

всех более конкретных предписаний. Но этого нет в реально существующих государствах, где «в действительности право никогда не может стать полностью логичной системой», поскольку не ставятся под сомнение ни сами имеющиеся в них разнообразные социальные противоречия, ни то, что они отражаются в системе права». (Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. /С.А. Дробышевский. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1995. – С. 31). Причем «коллизии постоянно находятся в движении, что проявляется в непрерывном изменении деятельности людей в пределах государства, а следовательно, и ее общеобязательных правил, если, конечно, вести речь о действительных нормах, а не о текстах актов, где правила фиксируются. Так что право, как верно заметил М. Радин, по сути, всегда «находится в состоянии становления» (Му Philosophy of Law. P.306)» (Там же. С. 207).

символьную единицу, заключённую в кавычки, и императив «исключить».

Например, «Статья 24. Внести в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации следующие изменения: в пункте 3 статьи 346.1: в абзаце первом слова «, единого социального налога» исключить»². Здесь локация – «в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в пункте 3 статьи 346.1: в абзаце первом», удаляемая единица – «, единого социального налога».

4. Представляется, что наиболее удобная форма внесения изменений в нормативный акт – это новая редакция соответствующих нормативных предписаний. Причём целесообразнее всего давать новую редакцию при помощи точных предписаний, избегая описательного или подразумеваемого обновления (о чём упоминалось ранее – то есть возложение на правоприменителя бремени «адаптации» изменений к тексту акта). Это необходимая предпосылка точности и чёткости выражения законодательной мысли, что так важно для достижения высокой культуры правотворчества, эффективности воздействия права на общественную жизнь. В последнее время практика внесения изменений с помощью новой редакции изменяемых предписаний довольно широко распространена, что особенно характерно для налогового законодательства, и это является существенным достижением законодательной техники в современный период.

В случае, когда нормативный акт подвергался изменению неоднократно и таких изменений много, целесообразно подготовить новую редакцию акта в целом. Так, например, по данным журнала «Законодательство» (по состоянию на 2004 год), только за шесть лет существования Налогового кодекса РФ в него были внесены изменения шестьюдесятью пятью (65) федеральными законами, причём изменения в разные статьи, внесённые одним и тем же законом, часто вводились в действие с разных дат³. Очевидно, что издание данного закона в целом в новой редакции существенно подняло бы техни-

² См., например: О продлении срока действия Федерального закона «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2001 № 97-ФЗ // Российская газета. 2001.17 июля.

³ О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 17.12.2009 № 310-ФЗ // Российская газета. 22.12.2009. № 246.

ческий уровень столь важного акта, облегчило бы работу по систематизации и учёту законодательства. Таким образом, если возникает необходимость внести в тот или иной нормативный акт много изменений и/или дополнений и они носят принципиальный характер, то более целесообразно не формулировать специально каждое изменение и дополнение, а дать новую редакцию всего акта в целом, т.е. издать новый акт, полностью замещающий прежний, т.к. внесение в уже изданный нормативный акт многочисленных изменений – более кропотливое и трудоёмкое дело, чем подготовка нового.

Изложение законодательного акта (а равно его части) в новой редакции в отдельных случаях является единственно возможным способом внесения изменений, создающим реальную альтернативу прекращению действия изменяемого законодательного акта. Изложение законодательного акта в новой редакции используется при необходимости внесения множества замен, в том числе при необходимости внесения замены «по тексту». Следует подчеркнуть, что изложение закона в новой редакции, также как и замена символьных единиц, не могут повлечь создание новых либо прекращение действия ранее существовавших норм права. Указанные способы изменений лишь уточнят предмет действующих норм права.

Синтаксически изложение новой редакции представляет собой локацию, определение заменяемой структурной единицы, императива «изложить в следующей редакции: ...» и новой редакции структурной единицы, заключённой в кавычки.

Например: «Статья 2. Внести в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации следующие изменения: в статье 169: пункт 8 изложить в следующей редакции: «8. Форма счета-фактуры и порядок его заполнения, формы и порядок ведения журнала учета полученных и выставленных счетов-фактур, книг покупок и книг продаж устанавливаются Правительством

Российской Федерации.»⁴. Локация в данном примере – «в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в статье 169», заменяемая структурная единица – «пункт 8», новая редакция структурной единицы – «8. Форма счета-фактуры и порядок его заполнения, формы и порядок ведения журнала учета полученных и выставленных счетов-фактур, книг покупок и книг продаж устанавливаются Правительством Российской Федерации».

Изложение в новой редакции является наиболее удобным способом внесения изменений, прежде всего, для правоприменителя, ибо отсутствует потребность в пошаговой актуализации текста действующего закона. С точки зрения законодателя, использование данного способа гарантирует совместимость вносимых изменений и текста действующего закона, исключает возможность случайного возникновения законодательных ошибок.

По нашему мнению, показаниями к изложению законодательного акта (структурной единицы) в новой редакции являются:

- ▶ необходимость внесения существенных изменений, в т. ч. с множественной заменой символьных единиц «в соответствующем числе и падеже»;
- ▶ ранее осуществлённое неоднократное изменение законодательного акта (структурной единицы).

Думается, практика издания нормативных актов в новой редакции представляет собой одну из наиболее удачных форм обновления законодательства, которую следовало бы активно продолжать. Если вместо всех прежде изданных нормативных актов будет действовать один акт, в котором будут сосредоточены все ранее изданные правила поведения по определённому вопросу, то это облегчит систематизацию законодательства, использование нормативного материала, повысит технический уровень правотворчества, будет способствовать простоте и доступности законодательства.

⁴ О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и Закон Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации»: Федеральный закон от 27.11.2010 № 306-ФЗ // Российская газета. 29.11.2010. № 269.

Литература

1. Аничкин Е. С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце XX – начале XXI вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: Тюмень, 2010. С. 8.
2. Баранина Ю. С. Технология продления действия нормативных правовых актов и договоров (некоторые тактические правила) // Юридическая техника. 2009. – № 3. С. 105
3. Фролов А. А. Приостановление действия нормативных правовых актов в современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: Н. Новгород, 2005. С. 16.
4. Ушакова, Э. И. Техничко-юридические ошибки законодательных дополнений как актуальное направление обучения правоведов / Э. И. Ушакова // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 338.

Reference

1. Anichkin E. S. «Preobrazovanie» Konstitucii Rossii`skoi` Federacii i razvitie konstitucionnogo zakonodatel`stva v kontce XX – nachale XXI vv.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoi` stepeni doktora iuridicheskikh nauk: Tiumen`, 2010. S. 8.
2. Baranina Ju. S. Tekhnologiiia prodleniia dei`stviia normativny`kh pravovy`kh aktov i dogovorov (nekotory`e takticheskie pravila) // Iuridicheskaia tekhnika. 2009. – № 3. S. 105
3. Frolov A. A. Priostanovlenie dei`stviia normativny`kh pravovy`kh aktov v sovremennoi` Rossii: avtoref. diss. ... kand. iurid. nauk: N. Novgorod, 2005. S. 16.
4. Ushakova, E`. I. Tekhniko-iuridicheskie oshibki zakonodatel`ny`kh dopolnenii` kak aktual`noe napravlenie obucheniia pravovedov / E`. I. Ushakova // Iuridicheskaia tekhnika. 2009. № 3. S. 338.

Козьяйкин Николай Яковлевич
аспирант, г. Москва
e-mail: knazn@rambler.ru

Криминогенные факторы в сфере деятельности адвокатов в отражении законодательных и правовых актов

В статье отмечается редко изученная область нормативно-правовой обусловленности криминогенных факторов, детерминирующих преступность в сфере профессиональной деятельности адвокатов. Автор анализирует ряд законодательных и правовых актов, с целью выявления криминогенности их положений, обуславливающих причинных комплексов преступлений, совершаемых адвокатами. Отойдя от исследования принятого в теории криминологии ведущего значения социально-экономических факторов преступности, автор сконцентрировался на выявлении и оценке криминогенности факторов нормативного характера. В работе приводятся полярные точки зрения ученых и практиков, в том числе представителей института адвокатуры, на проблемы криминальной подверженности сферы оказания юридических услуг. Выделяются и аргументируются авторские позиции выделения типичных «адвокатских» преступлений. Материал и содержание статьи обладает существенной новизной полученных данных исследования, представляет интерес для органов управления адвокатским сообществом (адвокатских палат), а также для профильных подразделений Минюста России, осуществляющих нормативное правовое регулирование сферы деятельности адвокатуры.

Ключевые слова: *криминогенные факторы, детерминация преступности адвокатов, юридическая помощь, коррупция, этика адвокатов.*

Классические методы общенаучного познания криминологически значимых явлений, способны раскрыть объективную картину их состояния, развития и закономерностей, определить процессы их детерминации и причинности, и на этой основе наметить задачи и цели борьбы с ними. В таком содержании исследование проблем преступности являясь теоретическим, в последующем, в ходе реализации намеченного, приобретает практическую ценность эмпирической разработки, применимой на практике. Однако реализация полученных результатов в данном случае часто оказывается отложенной во времени ввиду невозможности их оперативного внедрения, и как итог, обнаруживает свою несостоятельность из-за находящихся в постоянной динамике криминологически значимых процессов и явлений.

Универсальный инструмент, позволяющий оперативно внедрять результаты проработки мер борьбы с преступностью, вряд ли можно изобрести, в том числе по причине сложного и объемного характера ее проявлений и необходимости

плановой организации адекватных мер воздействия на них. Между тем отмечая актуальность такой задачи, профилактические возможности воздействия на купирование развития криминогенных факторов сосредоточены в плоскости экспертно-правовой работы. Примечательно, что этот спектр возможностей не является новым и обсуждался в криминологической науке довольно давно. Так, например, профессор Н.А. Кузнецов в середине 1990-х годов писал, что «современный юрист должен квалифицированной составлять профилактические документы, уметь экспертировать проекты правовых актов». Представляется, что такие рекомендации носят вовсе не общий характер требуемых профессиональных качеств, которыми должны обладать юристы – ученые и практики в сфере борьбы с преступностью.

В экспертно-правовой работе в криминологическом ее содержании, кроются возможности теоретико-прикладной реализации мер, направленных на устранение причин и условий, создающих благоприятные условия для продуциро-

вания криминогенных факторов, которой задают недостатки правового регулирования, либо несовершенно положения законодательных и правовых актов. Воздействие на нормативно обусловленные причины и условия, способствующие возникновению криминальных проявлений, имеют яркий теоретико-прикладной характер профилактических мер.

Очевидно, что недостатки правового регулирования, генерирующие криминогенные факторы, могут быть устранены путем повышения качества действующего законодательства. Большую роль в этом играет разработка методик, описывающих типичные нормы или положения, реализация которых может повлечь те или иные криминальные проявления. Возможности применения таких методик ограничены по существу всего лишь одним приемом – антикоррупционной экспертизой нормативных правовых актов и их проектов, которая определена в современной российском законодательстве. Криминологическая экспертиза, успешно развиваемая в Республике Беларусь [1], в современной России остается до сих пор в плоскости пилотных и редко используемых инструментов, используемых специалистами в области борьбы с преступностью.

При существующих криминологически значимых проблемах правового регулирования общественных отношений в сфере реализации адвокатом своих профессиональных полномочий, безусловную теоретико-прикладную ценность будет иметь проведение экспериментальной криминологической и антикоррупционной экспертизы законодательных и правовых актов на предмет выявления в их положениях криминогенных факторов. Нужно отметить, что такой исследовательский прием издавна находит отражение в трудах известных криминологов [2].

Перед тем как приступить к анализу и оценке криминообразующих нормативных правовых недостатков, представляется целесообразным сосредоточиться на проблемах правового регулирования, обсуждаемых адвокатским сообществом с целью определения степени достаточности и целесообразности содержания конкретных норм уголовного законодательства, которые как ограничивают, так и допускают преступное в профессиональной деятельности адвокатов.

Итак, применительно к статье 294 – «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» УК РФ с одной стороны утверждается позиция, что в ходе оказания обвиняемому юридической помощи происходит восприятие адвокатом не-

которых элементов правового статуса своего клиента, а также его намерений, в том числе противоправных. Отмечая невозможность привлечения адвоката к уголовной ответственности по ст. 294 УК РФ, Р.Г. Мельниченко исходит из того, что защищая доверителя, адвокат может воспрепятствовать осуществлению правосудия, и поэтому предлагает дополнить эту статью указанием на незаконное воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования [3]. При внешней бесспорности логики и аргументов приведенных суждений и даже представленных законодательных предложений, де-факто они сводятся к возможности допущения не запрещенных УК РФ форм воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, при условии, что это не выходит за рамки полномочий адвоката.

Более смелые идеи обеспечения средств и способов осуществления адвокатом своих правомочий в судопроизводстве, в других работах высказываются в контексте декриминализации преступления, которое может быть совершено не только адвокатом, а именно – ст. 297 «Неуважение к суду» и ст. 298 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя» УК РФ. При этом аргументы декриминализации указанных деяний базируются на идее их перевода «в разряд гражданско-правовых деликтов, поскольку стандарты демократического общества несовместимы с уголовно-правовыми ограничениями свободы слова» [4]. Не менее одиозными выглядят предложения о невозможности привлечения адвоката к уголовной ответственности за разглашение не убереженных следователем сведений в пику предусмотренной ст. 310 УК РФ ответственности за разглашение данных предварительного расследования, к которым защитник был официально допущен, а также по ст. 303 – «Фальсификация доказательств» УК РФ [3].

Отмечаемые уголовно-наказуемые деяния, относящиеся к главе 31 УК РФ – «Преступления против правосудия», нельзя считать исключительно характерными для адвокатов. Тем более, что объективная сторона многих других преступлений, совершаемых адвокатом, может проявлять себя в различных формах противодействия нормальной деятельности органов правосудия по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений и судебному рассмотрению уголовных дел. Ведь криминальное деяние, совершенное ад-

вокатом в связи с осуществляемой им профессиональной деятельностью по оказанию квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе, практически всегда причиняет существенный вред интересам государства в лице органов, непосредственной задачей которых является содействие правосудию (прокуратура, следственный комитет, МВД, ФСКН, ФСБ и др.).

Некоторые исследователи относят к адвокатским преступлениям более 30 составов уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных УК РФ [5]. Между тем, не со всеми предложенными преступлениями, причисляемыми к адвокатским, можно согласиться с точки зрения криминологически значимого единства их характеристик, позволяющих представлять их в совокупности деяний, образующих отдельный вид преступности.

Так, например, преступления, предусмотренные ст. 330 – «Самоуправство», ст. 283 – «Разглашение государственной тайны», ст. 284 – «Утрата документов, содержащих государственную тайну» УК РФ, сложно считать основными адвокатскими, как полагает Ю.П. Гармаев в указанной работе. Безусловно, что они могут быть совершены адвокатами в ходе осуществления своей профессиональной деятельности, однако отмечать их распространенность вряд ли придется, тем более на фоне незначительной регистрации фактов их совершения.

Вряд ли вообще целесообразен юридико-догматический уголовно-правовой подход к выборке и определению преступлений, которые могут быть совершены адвокатами в ходе осуществления своей профессиональной деятельности. Однако даже при таком подходе не может быть больше тридцати отмечаемых Ю.П. Гармаевым составов «адвокатских» преступлений. К таковым можно относить лишь: ст. 137 – «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 138 – «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ст. 294 – «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», ст. 298 – «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя», ст. 310 – «Разглашение данных предварительного следствия», в случае определения адвоката в качестве общего субъекта преступления ст. 306 – «Заведомо ложный донос», ст. 309 – «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний

либо к неправильному переводу», ст. 316 – «Укрывательство преступлений» УК РФ. Кроме того, к числу преступлений, совершаемых в сфере оказания юридических услуг, некоторые исследователи оправданно относят и хищение, совершаемое адвокатом в отношении имущества его клиента [6].

Если же исходить из определения субъекта так называемого «адвокатского» преступления, каковым является физическое вменяемое лицо, которое в соответствии с положениями п. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» получило статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность, то в Уголовном кодексе РФ применительно к такому субъекту есть только одна статья, а именно 303 – «Фальсификация доказательств», в которой защитник указан в качестве специального субъекта преступления, выраженного в фальсификации доказательств по уголовному делу.

Итак, резюмируя ограниченность юридико-догматического анализа и соотношения формального и материального в преступлении, позволяющего осуществить выборку уголовно-правовых запретов, нарушаемых адвокатами в связи с реализацией своих полномочий, следует отметить важность анализа и оценки криминогенности положений, содержащихся в самых разных документах (нормативных, локальных, правовых), представляющих интерес для целей настоящего тематического исследования.

Одним из документов, востребованным в таком анализе в силу содержащихся в нем дискреционных положений, способных обуславливать или продуцировать криминогенные и коррупциогенные факторы, является Кодекс профессиональной этики адвокатов (далее – Кодекс).

Итак, проблема выполнения профессиональных обязанностей адвокатом по принятым поручениям или оказанием правовой помощи нередко может вести к образованию конфликта интересов, который имеет предикатное свойство по отношению к образованию криминальных проявлений. Вопросы урегулирования конфликта интересов адвоката не разрешены в Кодексе. Более того отдельные его положения, в частности в п. 3 ст. 9 содержат благоприятные условия для него. В частности, при формальном запрете адвокату заниматься иной оплачиваемой деятельностью, в указанной норме отмечаются лишь непосредственные ее формы, предусматривающие личное участие адвоката в процессе реализации

товаров, выполнения работ или оказания услуг. При этом здесь же отмечается диспозитивное положение, допускающее возможность вне рамок адвокатской деятельности оказывать услуги по урегулированию споров в качестве медиатора, третейского судьи, а также участвовать в благотворительных проектах институтов гражданского общества, предусматривающих оказание юридической помощи на безвозмездной основе.

Конструкция этой этической нормы Кодекса во многом определена положениями п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в соответствии с которыми адвокатская деятельность не является предпринимательской. Между тем, дисциплинарная практика адвокатских палат формирует иную позицию. Так, например, Решением от 31 января 2008 г. № 08-01-145/СП Совет Палаты адвокатов Самарской области отказал территориальному органу Росрегистрации в удовлетворении представления о прекращении статуса адвоката Б., зарегистрированной в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица. В доводах дисциплинарной инстанции отмечается, что возможности применения адвокатом своих профессиональных знаний и навыков в предпринимательской деятельности не исключаются. Соответственно, вышеуказанная норма Закона не может рассматриваться в качестве основания для неоправданного ограничения конституционного права адвоката как гражданина РФ на свободное использование своих способностей и имущества для не запрещенной законом экономической деятельности. Если эта деятельность не связана с оказанием квалифицированной юридической помощи, адвокат, как любое физическое лицо, извлекающее из своей деятельности прибыль, должен строить налоговые отношения с государством как обычный индивидуальный предприниматель, зарегистрировавшись в качестве такового [7].

Допускаемые в результате предлагаемого толкования возможности совмещения статуса адвоката и предпринимателя, следует рассмотреть в позициях криминогенного свойства. Детерминанты развития таких свойств могут проявляться при одновременной занятости адвоката в качестве арбитражного управляющего и отражаться в элементах деятельности, приводящей к криминальному банкротству, для осуществления которого востребованными оказываются тонкости юридического дела и умения сокрытия причинно-следственных связей совершаемых действий.

Достаточно емкими в потенциале криминогенности являются положения п. 3.1. ст. 16 Кодекса, в соответствии с которой адвокат вправе принимать денежные средства в оплату юридической помощи по соглашению за доверителя от третьих лиц (с ведома доверителя), при этом будучи без обременения обязанностью проверять взаимоотношения между доверителем и плательщиками – третьим лицом, а также п. 4 – предоставляющие адвокату с согласия доверителя делить гонорар с лицами, привлекаемыми для оказания юридической помощи. Подобные положения нуждаются в уточнении того, о каких привлекаемых лицах идет речь? При определенном моделировании криминообразующего случая применения указанных корпоративных норм Кодекса, можно легко выйти на конструкции целого ряда преступлений: налоговых, коррупционных (посредничество во взяточничестве) или так называемых «отмывочных».

Криминогенные факторы содержат положения Федерального закона от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако выявить и установить действительность этих факторов сложно, если не использовать коррелирующую их связь с примерами из практики. Учитывая распространенные случаи допускаемых адвокатами нарушений режима и ограничений, существующих в учреждениях уголовно-исполнительной системы, установленных правилами внутреннего распорядка в них, связанные с передачей запрещенных предметов и веществ (прежде всего наркотических), криминогенной представляется норма, содержащаяся в п. 5 ч. 3 ст. 6 Закона. В соответствии с ней адвокат имеет право «беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности». При этом важно отметить, что требования ч. 6 ст. 82 УИК РФ которые устанавливают право администрации исправительного учреждения производить досмотр находящихся на территории исправительного учреждения и на прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, на адвокатов распространяется при соблюдении определенных условий. В частности, в соответствии с Определением Конституционного суда Российской Федерации от 6 марта 2008 г. № 428-О-П «Положение части

шестой статьи 82 не может рассматриваться как допускающие произвольное проведение личного досмотра адвоката, осуществляющего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, – без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести на территорию исправительного учреждения запрещенные предметы, и без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о проведении личного досмотра и письменной фиксации хода и результата соответствующих действий».

Анализ и оценка российского законодательства об адвокатуре в целях выявления криминогенных положений не предполагает объемного результата. Не в последнюю очередь это связано с обстоятельствами участия адвокатов в разработке законодательных основ своей профессиональной деятельности. Это априори не предполагало намеренного предусмотрения таких механизмов правового регулирования адвокатской деятельности, которые имели бы уязвимые свойства качества. Между тем, полностью исключить бесспорные с точки зрения антикоррупции концептуальные подходы в Законе, как представляется, не удалось. Основываясь на существующей практике реализации правомочий адвокатами, в качестве коррупциогенной можно рассматривать ситуацию, когда адвокат принимает от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он ранее состоял в служебных отношениях с должностным лицом, которое принимало или принимает участие в расследовании или рассмотрении дела данного лица. В современной практике частнопрактикующих юристов это заурядные и распространенные случаи, когда бывшие коллеги адвоката – действующие судьи или следователи, дают «наводку» или озвучивают им рекомендации выступить в качестве защитника в уголовном или гражданском судопроизводстве по делу, которое имеет перспективы рассмотрения для стороны, которой требуется защита.

Формально, принятие такого поручения адвокатом не запрещено. Однако коррупциогенность такого пробела очевидна в аналогии запрета, который содержится в п. 2 ч. 4 ст. 6 Закона и выражен так: «адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он состоит в родственных или семейных отношениях с должностным лицом, которое принимало или принимает участие в расследовании или рассмотрении дела данного лица».

Оценивая отмечаемый недостаток законодательства, в опосредованном значении как коррупциогенный, а непосредственно, выступающий свидетельством неполноты правового регулирования запретительных норм на реализацию адвокатом своих полномочий, представляется целесообразным высказать предложения по его устранению простым с юридико-технических позиций способом. В частности, предлагается дополнить п.2 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» абзацем следующего содержания: «состоял в служебных отношениях с должностным лицом, которое принимало или принимает участие в расследовании или рассмотрении дела данного лица».

Думается, что предлагаемая новелла многофункциональна в своем назначении, поскольку позволяет осуществлять действенную профилактику не только коррупционных проявлений, как-то конфликт интересов, который не принято считать характерным для адвокатов, но и множество иных тесно связанных с ними криминологически значимых явлений, в том числе, преступлений.

Как правило, это не очевидные преступления и целью их вовсе не является воспрепятствование правосудию и производству предварительного расследования. В специальной литературе их обозначают в связи с общеуголовными преступлениями, например, мошенничеством с использованием служебного положения, совершаемом в группе лиц, в которую входят следователи и адвокаты [8]. Схема преступных действий заключена в створе последних, и рассчитано на то, что законное процессуальное решение (например, переквалификации преступления на менее тяжкий состав, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела) преподносится адвокатом своему подзащитному как заслуга его договоренности со следователем, основанной на коррупции и личных отношениях, которые зиждутся на прежних служебных отношениях. Думается, что в таком механизме преступления ключевое значение имеет виктимологический аспект, выраженный не только в убежденности потерпевшего в действительности таких отношений, но и в том, что адвокату – особенно, если он в недавнем прошлом сотрудник правоохранительных органов, хорошо известны особенности практической и служебной деятельности этих органов.

В качестве достаточно криминогенных в практическом применении, но не в нормативном

правовом содержании, представляются положения Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в той или иной степени связанные с адвокатской тайной и ее использованию. Обладание адвокатами информацией или сведений по делам в которых они участвуют, нередко используется в интересах, прямо противоречащих целям их деятельности по оказанию юридической помощи своим доверителям. Продуцирование криминогенных факторов детерминирует использование адвокатом своего статуса «независимого профессионального советника по правовым вопросам» (ч. 1 ст. 2 Закона) в самом широком смысле содержания деятельности, которая охватывается не только предметом соглашения по оказанию запрошенной юридической помощи по конкретному делу, но и затрагивает иные вопросы, как правило возникающие в связи с оплатой оказываемых услуг.

Обращаясь за юридической помощью, потерпевший-доверитель сам передает документы или информацию, которая может быть использована адвокатом для совершения преступления. Объекты посягательств здесь могут быть различны, но как правило связаны со случаями завладения имуществом клиентов. Иллюстрацией отмечаемых характерных криминальных проявлений могут служить материалы следующего уголовного дела.

Адвокат Р. был защитником обвиняемого П. по назначению, которому сообщил, что в случае оплаты его услуг поможет ему избежать уголовной ответственности и убедил его в необходимости продажи, принадлежавшей ему квартиры с целью выплаты из полученной суммы гонорара за оказываемые юридические услуги. По доверенности адвокат продал квартиру подзащитного. При этом соглашения на защиту адвокат не заключил. Полученными от продажи квартиры деньгами адвокат распорядился по своему усмотрению, на личные нужды. В своих показаниях потерпевший пояснял, что он не предполагал обмана со стороны своего защитника, так как доверял ему как лицу, имеющему статус адвоката и обещающему помочь избежать уголовной ответственности, и не подозревал о совершаемом в отношении него преступлении до тех пор, пока его уголовное дело с обвинительным заключением не было направлено в суд. При этом адвокат

убеждал своего подзащитного в том, что денежные средства вырученные от продажи квартиры он возьмет в качестве гонорара, но фактически потратит на подкуп следователя, судьи и прокурора. Многообъектность описанных преступных посягательств очевидна, и проявляясь в признаках преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 298 УК РФ, не ограничивается ими.

Приведенный пример характеризует не редкость криминальной подверженности правоотношений, связанных с преступным использованием адвокатом своего статуса и полномочий защитника, и в силу типичности эта проблема находит специальное отражение в актах Верховного суда РФ. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» отмечается, что использование с корыстной целью доверительных отношений с потерпевшим, обусловленных служебным положением преступника, признается злоупотреблением доверием. Также злоупотреблением доверием признается принятие на себя лицом обязательств, при заведомом отсутствии намерения их выполнять, с целью безвозмездного обращения в свою пользу или пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него¹.

Предпринятый анализ и оценка криминообразующих факторов, существующих в законодательной и правовой плоскости регулирования профессиональной деятельности адвокатов, не может подменять традиционные подходы к выявлению особенностей преступности адвокатов. В разрезе криминологической проблематики более очевидно можно представить актуальность научного исследования социально-правовой природы преступности адвокатов во всех ее важнейших характеристиках, которые необходимо учитывать для успешной организации и осуществления адекватной борьбы с ней, а именно: латентности; взаимосвязи совершаемых уголовно-наказуемых деяний с социальной, экономической, правовой действительностью и выявление на этой основе важнейших процессов детерминации и явлений, продуцирующих криминогенность сферы деятельности адвокатов, оценки достаточности предпринимаемых мер воздействия на их причинные факторы.

¹ Криминология (учебник для вузов под ред. А.И. Долговой). М., 1996. С. 3.

Литература

1. Шилин Д.В. Правовая основа криминологической экспертизы в Республике Беларусь // Законность. 2014. № 1. С. 70 – 73.
2. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России. Криминологические аспекты: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. М. 2014. – 253 с.
3. Мельниченко Р.Г. Правовое регулирование института профессиональной ответственности адвокатов в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 85-90; 84,97.
4. Кипнис Н.М. Актуальная книга о профессиональной ответственности адвокатов // Адвокат. 2011. № 10. С. 57.
5. Гармаев Ю.П. Преступления, совершаемые недобросовестными адвокатами в сфере уголовного судопроизводства: комментарий законодательства и правоприменительная практика // СПС Консультант Плюс. 2002. С.4.
6. Краснова Н.В., Кучина Я.О. Особенности криминалистической характеристики личности виновного, совершившего преступление в сфере оказания профессиональных юридических услуг // Право и политика. 2008. № 4. С. 32.
7. Сучков А.В. Обвиняется в предпринимательстве // Новая адвокатская газета. № 5. (022). 2007.
8. Багмет М.А. Преступность сотрудников органов внутренних дел // Российский следователь. 2011. № 22. С. 31–35.

References

1. Shilin D.V. Pravovaia osnova krimonologicheskoi`e`kspertizy` v Respublike Belarus` // Zakonnost`. 2014. № 1. S. 70–73.
2. Astanin V.V. Antikorrupcionnaia politika Rossii. Krimonologicheskie aspekty`: monografiia. M.: IUNITI-DANA: Zakon i pravo. M. 2014. – 253 s.
3. Mel`nichenko R.G. Pravovoe regulirovanie instituta professional`noi` otvetstvennosti advokatov v Rossii`skoi` Federacii. M.: Iurlitinform, 2010. S. 85-90; 84,97.
4. Kipnis N.M. Aktual`naia kniga o professional`noi` otvetstvennosti advokatov // Advokat. 2011. № 10. S. 57.
5. Garmaev Iu.P. Prestupleniia, sovershaemy`e nedobrosovestny`mi advokatami v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: kommentarii` zakonodatel`stva i pravoprimenitel`naia praktika // SPS Konsul`tant Plus. 2002. S.4.
6. Krasnova N.V., Kuchina Ia.O. Osobnosti kriminalisticheskoi` harakteristiki lichnosti vinovnogo, sovershivshogo prestuplenie v sfere okazaniia professional`ny`kh iuridicheskikh uslug // Pravo i politika. 2008. № 4. S. 32.
7. Suchkov A.V. Obviniaetsia v predprinimatel`stve // Novaia advokatskaia gazeta. № 5. (022). 2007.
8. Bagmet M.A. Prestupnost` sotrudnikov organov vnutrennikh del // Rossii`skii` sledovatel`. 2011. № 22. S. 31–35.

Комзолова Юлия Андреевна

г. Москва

E-mail: komzolova1994@mail.ru

Фикция физического лица в российской правовой науке

Статья посвящена определению правовой природы «физического лица». Автором поставлена задача доказать несостоятельность идеи отождествления понятий «физическое лицо» и «человек», как биологическое существо. Проводится анализ сравнения вышеупомянутых понятий, в ходе которого доказывается, что они не являются идентичными. Исследуя данную тему, автор обращается к большому объему нормативно-правовых актов и научной литературы с целью глубокого изучения поднятой проблемы. Приводятся различные точки зрения ученых по спорным вопросам правоприменения. Соотнося признаки юридической фикции с признаками «физического лица», автор утверждает, что по своей правовой природе «физическое лицо» является фикцией. Итогом проведенного исследования являются предложения по реформированию законодательства с целью разрешения коллизий в праве.

Ключевые слова: человек, субъект права, физическое лицо, юридическое лицо, правовая природа, правоспособность, дееспособность, фикция.

Люди, взаимодействуя друг с другом, постоянно вступают в различного рода общественные отношения: семейные, религиозные, трудовые и т.д. Подвергнувшись властному юридическому воздействию, эти общественные отношения приобретают правовую форму, становятся правоотношениями.

Еще из римского права известно деление субъектов правоотношений на физических и юридических лиц. Обычно, дискуссии вызывает правовая природа юридических лиц. Поиски ответа на вопрос, что представляет собой юридическое лицо, способное приобретать субъективные гражданские права и создавать обязанности, привели к появлению многочисленных теорий происхождения и сущности юридического лица.

«Родоначальником теории фикции, согласно которой, юридическое лицо является искусственной конструкцией, придуманной законодателем, принято считать одного из римских пап, Иннокентия Четвертого. В 1245г. На вопрос о возможности отлучения корпорации от церкви он заявил, что корпорация не имеет души, а существует лишь в воображении людей, будучи «*persona ficta*», т.е. фиктивным, не существующим в реальности лицом».

Современные авторы придерживаются аналогичного мнения, «по своей правовой природе, любое юридическое лицо является юридической фикцией, т.е. условным, абстрактным понятием, существующим только в сознании людей, нор-

мативных правовых актах, и правоприменительной практике, и служащим исключительно для удобства понимания и оформления правоотношений с объединениями граждан и имущества, как субъектами права и участниками гражданских правоотношений» [1].

Однако и правовая природа физического лица не остается вне зоны обсуждений.

Приведем в качестве примера взгляд Шершеневича Г.Ф.: «*Всякий субъект права есть только наше представление, все равно, идет ли речь о юридическом или о физическом лице. Недаром для обозначения субъекта права употребляется римский термин *persona*, означающий маску*» .

Итак, все ли очевидно в понятии «физическое лицо»? Можно ли отождествлять понятия «физическое лицо» и «человек», как биологическое существо (данное явление можно найти во многих учебниках по праву)? Возможно ли признать «физическое лицо» фикцией? Эти вопросы стали предметом дальнейших рассуждений.

Физическое лицо – термин в праве, употребляемый для обозначения человека как участника правоотношений, носителя гражданских прав и обязанностей.

С одной стороны это довольно понятное определение. Но, с другой стороны, принимая его, может и немного видоизмененное, мы автоматически соглашаемся с приравниванием значений понятий, выделенных ранее. А так ли это на самом деле?

По мнению И.П. Грешникова: «Необходимо отличать человека как физического (биологического) индивида от представления его в праве, т.е. от физического лица. Безусловно, эти понятия связаны, но не тождественны. Человек сам по себе не субъект права, его делают таковым организованные правовым образом институты гражданского общества. Технически это происходит при помощи фикции «физического лица».

Конечно, между понятиями «физическое лицо» и «человек» есть много общего. Однако воспользуемся методом «от противного». Если хоть в чем-то физическое лицо и человек расходятся, то их следует принимать как две различные категории. Попытаемся это доказать.

Всякое физическое лицо, как субъект права, характеризуется двумя элементами: правоспособностью и дееспособностью. Правоспособность возникает с момента рождения (с момента полного отделения плода¹ от матери с проявлением самостоятельной жизни). Однако существуют исключения – в некоторых случаях законодательство РФ учитывает права не рожденного ребенка. Правоспособность может возникнуть даже в момент зачатия, если речь идет о выгоде зачатого. Согласно п.1, ст.1116 ГК РФ «К наследованию могут признаваться граждане, находящиеся в живых в день открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства»².

Например, если отец зачатого ребенка умер раньше его рождения, то наследственные права зародыша будут охраняться законом.

Помимо этого, п. «в» ч.2 ст. 117 УК РФ усиливает ответственность за преступление, если оно было совершено «в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности»³.

Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» закрепляет право детей, зачатых при жизни потерпевшего, на обеспечение по страхованию.

В ст.2 ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» также учитываются пра-

ва эмбриона: «Действие настоящего Закона не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также на кровь и ее компоненты»⁴.

В данном случае о дееспособности, как об одном из необходимых составляющих правосубъектности, говорить не приходится. Здесь необходимо отметить, что дееспособность (ст. 21 ГК РФ), в отношении юридических лиц также не применяется, однако они являются законными субъектами правоотношений.

Итак, если закон признает и охраняет права зародыша, то зародыш признается субъектом права. Это означает, что субъектом права/физическим лицом может быть еще не родившееся лицо, которое пока нельзя назвать человеком. Таким образом, выявлено первое противоречие между понятиями «физическое лицо» и «человек». Но не будем на этом останавливаться.

Согласно ст. 45 ГК РФ, основанием объявления гражданина умершим является факт отсутствия о нем сведений в месте его жительства о месте его пребывания в течение 5 лет. Однако возможно допустить такую ситуацию, в которой отсутствующий человек погиб, тем не менее, его права (имущественные, брачные и другие) будут продолжать существовать еще 5 лет. Получается, что физическое лицо может существовать и после смерти человека.

Поскольку это очень громкий вывод, нарушающий многие положения нашего законодательства (в особенности ГК РФ), его следует сделать более аргументированным. Для этого самое время обратиться к наследственному праву.

Еще римским юристам в наследственном праве были известны завещательные отказы. Одним из которых являлся легат. Это распоряжение, сделанное в завещании наследодателем и состоящее в предоставлении определенному лицу какого-либо права за счет наследственного имущества. На сегодняшний день в РФ данное явление продолжает существовать, и закреплено в ст. 1137 ГК РФ⁵.

Также внимание следует уделить личным неимущественным правам, которые возникают по поводу нематериальных благ или результатов

¹ Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть: Учебник 3-е издание, переработанное и дополненное. Под ред. Е.А.Суханова С. 216.

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.,1912. С.136.

³ Грешников И.П. Субъекты гражданского права. Юридический центр Пресс 2002.С.36.

⁴ Общемировой практикой приняты понятия «эмбрион» – до 8-ой недели беременности и «плод» – с 8 до 22 недель (Федосеева Н.Н., Фролова Е.А. «Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве» (Медицинское право, 2008, № 1).

интеллектуальной деятельности. Большинство этих прав прекращается со смертью их носителя (например, право на жизнь). Однако есть исключения, так ст. 1268 ГК РФ устанавливает, что «произведение, не обнародованное при жизни автора, может быть обнародовано после его смерти лицом, обладающим исключительным правом на произведение, если обнародование не противоречит воле автора произведения, определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и тому подобном)», т.е. с учетом положений ст. 1281 ГК РФ в течение 70 лет после смерти автора.

Вышесказанное означает, что закон уважает волю умершего, выраженную в завещании и обеспечивает ее исполнение. Следовательно, субъектом права являются не только наследники, но и наследодатель.

Итак, физическим лицом помимо человека может быть еще не родившийся зародыш, а также умерший человек, иначе говоря, прекративший свое физическое существование.

В данной работе приведено только несколько аргументов, однако их достаточно, чтобы начать задумываться о несостоятельности идеи отождествления понятий «физическое лицо» и «человек», как биологическое существо. На мой взгляд, очевидно, что первое понятие шире и физическое лицо является фикцией. Теперь докажем это.

Обратимся к основным признакам юридической фикции [14]:

Во-первых, юридическая фикция обладает признаком универсальности;

Во-вторых, юридическая фикция обладает признаком условности, который выражается в принятии несуществующего явления за существующее;

В-третьих, юридическая фикция закреплена в норме права, то есть обладает общеобязательностью;

В-четвертых, юридическая фикция применяется во всех существующих отраслях права;

Литература

1. Морохин Н.Н. «Правовая природа юридического лица – юридическая фикция. Можно ли обмануть юридическое лицо» <http://pravorub.ru>. Дата обращения: 11.04.2013
2. Танимов О.В. Фикция как категория юридической науки / Саарбрюккен (Германия): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. С. 102 – 220.

В-пятых применение фикций является характерной чертой не только национального права отдельного государства, но и современного международного права в целом.

Все вышеперечисленные признаки можно соотнести с признаками физического лица:

- 1) данное понятие является таким же феноменом, который присущ для всех этапов развития права прошлого и настоящего, не ограниченный какими-то определенными историческими рамками;
- 2) все свойства, закрепленные законодателем за физическим лицом являются фикцией (правоспособность, дееспособность, сделкоспособность и т.д.);
- 3) данное понятие также имеет нормативное закрепление. Например, глава 3 ГК РФ посвящена физическим лицам;
- 4) физическое лицо применяется как в публичных, так и в частных отраслях права (гражданское, уголовное, административное право и т.д.);
- 5) в качестве отдельного субъекта права физическое лицо имеет распространение в международном праве («Каждый человек, где бы он ни находился, – подчеркивается в ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., – имеет право на признание его правосубъектности⁶»).

Тем самым мы убеждаемся, что физическое лицо по своей правовой природе является фикцией.

Рассуждая на данную тему, я подготовила следующие предложения по реформированию законодательства:

- 1) признать физическое лицо фикцией и законодательно закрепить данное определение (например, в ГК РФ: физическое лицо – субъект права, который может обладать правами и нести обязанности).
- 2) закрепить правосубъектность физического лица с момента зачатия. С учетом естественно ограниченной дееспособности.

References

1. Morohin N.N. «Pravovaja priroda iuridicheskogo litca – iuridicheskaja fiktciia. Mozhno li obmanut` iuridicheskoe litco» <http://pravorub.ru>. Data obrashcheniia: 11.04.2013
2. Tanimov O.V. Fiktciia kak kategoriia iuridicheskoi` nauki / Saarbriukken LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. p. 102 – 220.

Рецензент и ведущий рубрики: Танимов Олег Владимирович, к.ю.н., доцент

⁵ Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁶ Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Сведения об авторах

Астанин Виктор Викторович — доктор юридических наук, профессор, проректор – директор НИИ РПА Минюста России, Главный научный редактор журнала «Мониторинг правоприменения», г. Москва
E-mail: astaninvv@rambler.ru

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна — доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции, г. Казань
E-mail: demidova.liza@gmail.com

Евланова Ольга Александровна — кандидат юридических наук, заведующая отделом общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва
E-mail: olga_evlanova@mail.ru

Кабанов Павел Александрович — доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции, член рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации, член Совета при Президенте республики Татарстан, г. Казань
E-mail: kabanovp@mail.ru

Каменева Зоряна Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Российской правовой академии Минюста России, г. Москва
E-mail: kameneva_z@mail.ru

Карцхия Александр Амиранович — кандидат юридических наук, профессор Российского государственного университета нефти и газа им. Губкина, г. Москва
E-mail: arhz50@mail.ru

Козлова Елена Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Москва
E-mail: kozlova@urexpert.ru

Козяйкин Николай Яковлевич — Председатель президиума московской областной коллегии адвокатов “Лексус”, аспирант НИИ Российской правовой академии Минюста России, г. Москва
E-mail: knazn@rambler.ru

Коимшиди Георгий Феофилактович — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва
E-mail: koim@mail.ru

Кохан Марина Васильевна — юрисконсульт юридического отдела управления правовой и корпоративной работы комбинатууправления ФГУП «Горно-химический комбинат», г. Железногорск Красноярского края
E-mail: marina.kokhan2013@yandex.ru

Комзолова Юлия Андреевна — консультант по юридическим вопросам, ООО «Виктория», г. Москва
E-mail: komzolova1994@mail.ru

Петров Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» г. Красноярск
E-mail: Sfu-pravo@yandex.ru

Ястребов Владислав Борисович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Москва
E-mail: 18031937@rambler.ru

Abstracts and Keywords

Viktor V. Astanin, Grand Ph.D. in Law, Professor. Moscow

E-mail: astaninvv@rambler.ru

HISTORIOGRAPHY OF A.YA.SUKHAREV'S WORKS: FROM LEGAL AWARENESS PROPAGANDA TO ENSURING INTERNATIONAL LEGALITY

Abstract: In this paper, the main milestones of the legal science career of an outstanding lawyer of our time, A.Ya.Sukharev, are set forth. An analysis of bibliographic heritage of this Soviet and Russian legal science patriarch spans more than fifty years (from the beginning of the 1960's to these days). In his historiographical research, the author presented those works of A.Ya.Sukharev that are most topical for today's development of domestic legal science and practice, works devoted to issues of overcoming problems of defence attorneys, organisation of raising legal awareness of the population, ensuring international legality. Rarely cited programme documents relating to the time of Soviet development of the justice institutions system are analysed in the paper.

Keywords: legal propaganda, defence attorneys, international legality, Soviet justice, legal literacy.

Vladislav B. Yastrebov, Grand Ph.D. in Law, Professor. Moscow

E-mail: 18031937@rambler.ru

PROMPT MONITORING OF THE EXECUTION OF JUDGMENTS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION (LEGAL AND ORGANISATIONAL ASPECTS)

Abstract: The results of monitoring the execution of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation passed over the period from 2013 to the first quarter of 2014 are considered, trends characterising the state of practical execution of acts issued by the judicial agency for constitutional control are analysed, and recommendations on improving the legal and organisational framework for monitoring the execution of judgments of the Constitutional Court are given.

Keywords: constitutional legality, law-making and law enforcement activities, rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, monitoring, source of law, the Ministry of Justice of Russia, public prosecution service.

Pavel A. Kabanov, Grand Ph.D. in Law, Professor., Kazan

E-mail: kabanovp@mail.ru

CRIMINOLOGICAL MONITORING OF THE CORRUPTION OFFENDER'S PERSONALITY (USING MATERIALS FROM THE REPUBLIC OF BELARUS)

Abstract: The subject of this monitoring research is statistical data describing the personality of today's corruption offender in the Republic of Belarus.

The purpose of the research is to conduct monitoring measurements of the most important personality characteristics of the corruption offender in the Republic of Belarus based on statistical data.

Methodology is a dialectical method of cognition comprising methods of system and structural analysis, comparison, statistical observation, and others.

The results of the research are as follows: for the first time in criminology, the main social and demographic, legal, and other personality characteristics of the corruption offender in the Republic of Belarus have been described, which undoubtedly can stimulate research on corruption criminality in the Republic of Belarus conducted by experts of that country and working out measures to contain it more efficiently at a socially tolerable level.

The obtained results can also be used for training, in implementing anti-corruption training programmes of higher and continuing professional education.

Keywords: corruption, monitoring, corruption offender, offender's personality, monitoring of the corruption offender's personality, the Republic of Belarus, corruption offender's personality.

Olga A. Evlanova, Ph.D. in Law, Moscow

E-mail: olga_evlanova@mail.ru

Georgiy F. Koimshidi, Ph.D. in Technology, Moscow

E-mail: koim@mail.ru

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF CRIME PREVENTION: SELECTED RESEARCH RESULTS

Abstract: The paper analyses criminologically significant aspects of crime prevention at the present stage of development of the Russian society. Attention is drawn to the negative factors that objectively reduce the efficiency of prevention work being conducted. It is noted that administrative supervision over the compliance of persons released from prison with temporary restrictions imposed by the court is inefficient, which is evidenced by an increase in recidivism. An argument is put forth and substantiated that the role of “double prevention” in the serious crime prevention system is exaggerated.

Keywords: crime prevention, preventing certain types of crimes, double prevention, criminal burden on the population, crime detection rate.

Zoryana V. Kameneva, Ph.D. in Law, Associate Professor, Moscow

E-mail: kafedra38@yandex.ru

PREFERENTIAL RIGHTS IN INHERITANCE LAW

Abstract: The paper is devoted to studying the notion of preferential (pre-emption) right and its different kinds.

Preferential rights of inheritance should be understood as the possibilities for the heir to acquire, on special grounds and conditions, the right of ownership over certain kinds of property being part of the heritage.

Kinds of preferential rights are determined by the heir’s legal status, circumstances characterising it, and legal regime of the heritage.

The conditions for enjoying preferential rights of inheritance are understood by us as special circumstances under which it is possible to exercise these rights, i. e. to acquire the heritage. The following circumstances characterising the legal regime of the heritage and the legal status of the heir should be classed as such conditions: indivisibility of the item being part of the heritage and joint ownership of it; constant use; usual household items and the heir living together with the testator; an enterprise being part of the heritage and the heir’s business activities; a farm being part of the heritage and the heir’s participation in it, and others. It is to be supposed that the establishment of preferential rights of inheritance is caused by objective necessity and is an efficient measure for exercising rights of inheritance.

Keywords: preferential rights, heir, heir’s legal status, legal regime of the heritage, conditions for enjoying rights of inheritance, kinds of preferential rights of inheritance, indivisible item, joint ownership, constant use, individual entrepreneur.

Aleksandr A. Kartschiya, Ph.D. in Law, Professor, Moscow

E-mail: arhz50@mail.ru

INTELLECTUAL PROPERTY AND INNOVATIVE EVOLUTION

Abstract: The economic crisis of the early 21 century has brought to life a new wave of innovation. Unified “legal space” doctrine for legal regulation in the intellectual property sphere largely determines the efficiency of the innovation evolution process. According to the author, the fundamental conceptual approach is that the cornerstone or starting point for the concept of development should be the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on rights to the results of intellectual activity and means of individualisation, which should be the foundation for the whole legal framework on intellectual property and appropriate law enforcement practice. The provisions of the Civil Code of the Russian Federation that define the legal nature and legal regime of material legal relationships in the intellectual property sphere are the basis for applying the civil law relationships model in complex material relationships arising in the intellectual property sphere.

Keywords: intellectual property, industrial property, intellectual property rights, patent, abuse of right, retorsions.

Elena B. Kozlova, Ph.D. in Law, Associate Professor, Moscow

E-mail: kozlova@urexpert.ru

NOVELTIES IN URBAN PLANNING LAWS IN THE LIGHT OF THE REFORM OF THE INSTITUTION OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS

Abstract: The paper considers problems of invalidity of new civil contracts arising due to amendments to the laws regulating urban planning, in the light of the recent reform of the reform of the institution of invalidity of transactions. In particular, issues of invalidity of these contracts related to changes made to Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to the fact that the presumption of nullity of invalid transactions on the grounds of their contravening the law or any other legal act was replaced by the presumption of voidability are examined. Issues of presence of public interest in relevant contractual relations and problems arising in this connection that are related to the invalidity of these agreements are considered. A general conclusion is made concerning the topicalisation of the theory of interest in the division of law into public and private, under today's conditions, the necessity of studying of private and public principles in contract law, as well as the need for the legal definition of public interest to be laid down in law.

Keywords: contracts mediating the development of territories, public interest in contractual relationships, invalidity of transactions, contract voidability, contract nullity.

Elizaveta V. Demidova-Petrova, Ph.D. in Law, Associate Professor, Kazan

E-mail: demidova.liza@gmail.com

THE NOTION, ESSENCE, AND SUBSTANCE OF THE SOCIALISATION OF THE MINOR

Abstract: The paper describes the process of personality formation under certain social conditions, in certain social groups, as well as acquiring life experience, values, norms, and rules of conduct. The social environment of the person is considered. The main stages as well as kinds of personality socialisation are presented. The author offers her own definitions of the social environment of the personality, as well as of the socialisation of the minor. In the author's opinion, the social environment of the personality should be understood as not only the micro- and macroenvironment but also the economic, political, spiritual, moral situation as well as historically conditioned traditions existing in a certain territory and over a certain time span. The said factors exert their dominating influence on the formation, namely socialisation of the personality of an individual, only being taken together. The socialisation of the minor, in turn, can be understood in the objective as well subjective aspect. The author understands the socialisation of the minor in the objective sense as stages of formation of the personality of an individual, his/her interaction with the micro- and macroenvironment in a certain territory and over a certain time span; the socialisation of the minor in the subjective sense means the perception of the surrounding reality by the personality and his/her attitude towards this reality and the system of factors that influence his/her formation.

Keywords: social environment, minor, family, personality, socialisation, youth groups, age, social development.

Aleksandr A. Petrov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Krasnoyarsk

E-mail: Sfu-pravo@yandex.ru

Marina V. Kokhan, Zheleznogorsk, Krasnoyarsk Krai

E-mail: marina.kokhan2013@yandex.ru

ON THE ISSUE OF NOTION AND STRUCTURE OF TEXTUAL MODIFICATIONS OF NORMATIVE LEGAL ACTS

Abstract: The paper is devoted to certain topical issues of defining the notion of textual modification of normative legal acts. More precise definitions of the scope and substance of the notion of textual modification of normative legal acts are proposed, based on a critical analysis of the Methodological Recommendations Concerning the Juridical-Technique Execution of Draft Laws forwarded by Letter vn2-18/490 of the 18th of November 2003 of the Apparatus of the State Duma. The structure of the most significant kinds of textual modifications is modelled.

Keywords: normative legal act, law-making technique, law-making technology, technology, modifications of normative legal acts, textual modifications of normative legal acts.

Yuliya A. Komzolova, Moscow

E-mail: komzolova1994@mail.ru

THE LEGAL FICTION OF A NATURAL PERSON IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE

Abstract: The paper is devoted to determining the legal nature of a “natural person”. The author has posed a problem: to prove the unfoundedness of the idea that the notions of “natural person” and “man” as a biological creature are one and the same. A comparative analysis of the said notions is made in the course of which it is being proved that these notions are not identical. In examining this topic, the author turns to numerous normative legal acts and scientific literature with a view to study this problem in depth. Different standpoints of scholars on debatable law enforcement issues are presented. The author, matching up the characteristics of legal fiction with those of a “natural person”, contends that a “natural person” is a legal fiction by its legal nature. The results of the study are proposals on reforming the laws with a purpose of resolving conflicts of law.

Keywords: man, subject of law, natural person, juridical person, legal nature, legal personhood, legal capacity, fiction.

Периодический научный рецензируемый журнал
«МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ»
Выходит в печатном виде 4 раза в год

Основные рубрики:

- Наши интервью
- Правовое обеспечение национальной безопасности и правоохранительная деятельность
- Теория и методология правовой науки
- Гражданское право и предпринимательство
- Актуальные вопросы законодательства и правоприменения
- Право в системе смежных научных отраслей

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Главный редактор	<i>Г.И. Макаренко</i>
Начальник РИО	<i>Ю.В. Матвиенко</i>
Перевод	<i>Т.В. Галатонов</i>
Дизайн	<i>И.Г. Колмыкова</i>
Компьютерная верстка	<i>А.С. Михеева</i>
Тиражирование (печать)	<i>Н.Г. Шабанова</i>

Отпечатано в РИО НЦПИ при Минюсте России
Формат 60x90/8 Печать цветная цифровая
Общий тираж 600 экз. Цена свободная
Подписано в печать 17.10.2014 г.